

Я. П. Новицкій.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

О

ЗАПОРОЖЬѢ.

ПРЕДАНИЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Типографія Губернскаго Земства.

1911.

Я. П. Новицкій.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

О

ЗАПОРОЖЬѢ.

ПРЕДАНИЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Типографія Губернскаго Земства.

1911.

ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	С т р о к и.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
	Сверху.	Снизу.		
8	—	2	свѣязавъ	звѣязавъ
17	—	2	селу.	село.
19	8	—	къ Днѣпру,	Днѣпра,
22	14	—	слонѣ,	склонѣ,
23	—	14—15	обижышъ.	оббижышъ.
24	8	—	влучишъ,	влучешъ.
—	—	16—17	стрилки, вугласти, гвизкы,	стрилки вугласти, гвиздки,
43	—	14	Іасанова,	Гасанова,
52	5	—	Бовча,	Вовча,
—	9	—	замерзавъ,	замеравъ,
—	16	—	пе ще було	це ще було
53	2	—	и тымъ	и тимъ
56	—	10	такихъ	такихъ
60	—	15	зоглядять	заглядять
66	—	8	<i>Суркомъ</i>	<i>Туркомъ</i>
—	—	16	Вильманкы	Бильманкы
67	—	8	Кременчикъ.	Керменчикъ.
69	12	—	У двадцятому году	У дванадцятому го- ду
70	4	—	збыра,	збира,
72	—	8	Турищыны,	Турещыны,
79	4	—	пане Саве,	пане Саво,
—	7	—	въ кумы браты,	въ кумы браты.
—	14	—	Андеевка,	Андреевка,
—	18	—	прозвыще	прозьвище
80	2	—	Ой ще не свить, ой ще не свитае,	Ой ще не свить, ой ще не свить, ой ще не свитае,
—	22	—	до пытныци	до пывныци

II

Стр.	С т р о к и.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
	Сверху.	Снизу.		
84	12	—	збырать	збирать
—	—	2—1	харакныкъ Занудь- ко	характерныкъ За- нудько
—	—	6—5	пооббыравъ	пооббиравъ
90	5	—	війну. . .	войну. . .
93	12	—	скоче	схоче
—	19	—	Понабиралъ	Понабиралы
—	21	—	заряеы,	заряды,
—	26	—	прять“	прать“
—	32	—	преписнятъ,	притиснятъ,
—	35	—	заприсяонете	заприсягнете
94	6	—	хрешенымъ.	хрешенимъ.
96	—	10	кабачныкы	кабычники
97	8	—	купають	куплять
—	10—11	—	еретычному	еретычому
99	—	5	татарва набье,	татарва побье,
101	—	8	РАЗСКАЗЪ Б. В. з)	РАЗСКАЗЪ В. з)
102	3	—	люды ячатъ мы	люды ячатъ; мы
104	—	10	глову“!	главу“!
105	—	3	„Ну скурви сыны,	„Ну, скурви сыны,
—	—	11	Галдовыкивъ	Галдовныкивъ
—	—	14	ну братци,	ну, братци,
109	—	10	и кажутъ—ну,	и кажутъ: „ну,
111	8	—	Я все чую все роз- бираю	Я все чую, все роз- бираю
—	13	—	черезъ тынъ,	черезъ тынъ;
—	14	—	пидбирають. . .	пидбирають. . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	Стр.
-----------------------	------

ОТДѢЛЪ I-й.

Легендарныя сказанія.

1) Десна и Днѣпръ. Варіантъ А	5
2) " " " Б	6
3) Могилы и долины	8
4) Происхожденіе могилъ и ихъ назначеніе (Сводъ "мнѣній рассказчиковъ)	10
5) Происхожденіе рѣкъ, овраговъ.—Керасинъ	12
6) Происхожденіе камней. Чудовищныя змѣи. Великаны.	13
7) Велетни (великаны)	14
8) Каменныя бабы А.	15
9) " " Б.	—

ОТДѢЛЪ II-й.

Урочища. Старожитные города и села.

А. Правый берегъ Днѣпра.

10) Балка Гадючая у порога Гадючаго	16
11) Балка Бабурка и давніе ея обитатели	17
12) " " и р. Средняя Хортица	18
13) Рѣчка Нижняя Хортица	20
14) Урочище. Бѣляй.—Пески	22
15) Лысая гора, Крутой Яръ и Канивское	26
16) " " и креница Андрея Первозваннаго	27

II.

	Стр.
17) Половица (нынѣшн. Екатеринославъ) Разск. 1-й	28
18) " " " Разск. 2-й	31
19) Никополь	34
20) Село Аулы	36

Б. Левый берегъ Днѣпра.

21) Урочище Сагайдачное на Днѣпрѣ	39
22) Рѣчка Московка и урочища по ней	43
23) Рѣчка Кушугумъ	44
24) Рѣки—Волчья и Конка	45
25) Великій Лугъ	47
26) Городище въ Великомъ Лугу	56
27) Шыль—гора надъ Великимъ Лугомъ	58
28) Бытый Запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу	59
29) Баштовые дубы и могилы	60
30) Протоки, озера, гряды въ Великомъ Лугу	61
31) То же въ другихъ дачахъ	62
32) Кучугуры въ Великомъ Лугу	64
33) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка	65
34) Могилы—Бѣльмакъ, Токмакъ и Каменные	66

ОТДѢЛЪ III-й.

Историческія лица.

35) Кошевой Сирко Вар. А.	69
36) " " " Б.	70
37) " " " В.	—
38) Князь Долгорукій и Сирко	71
39) Хмельницкій и его плавня. Долгорукій и Сирко.— Чалый	72
40) Семень Палій	74
41) Савва Чалый (гайдамацкій ватажокъ)	77
42) " " разсказъ 2-й	79

Ш.

	Стр.
43) Кошевой Калнышевскій. Разсказъ 1-й	81
44) „ „ „ Разсказъ 2-й	83
45) Переселеніе Задунайскихъ Запорожцевъ въ Россію. Кошевой Осипъ Гладкій. Разсказъ 1-й	85
46) Тоже. Разсказъ 2-й	89

ОТДѢЛЪ IV.

Запорожская старина въ разсказахъ.

47) Происхожденіе Запорожцевъ. Легенда 1-я	92
48) „ „ „ Легенда 2-я	94
49) Кій—первоначальное названіе Запорожцевъ	95
50) Черты изъ жизни Запорожскихъ козаковъ	96
51) Чумаки и запорожская сторожа въ степи.	99
52) Изъ временъ татарскихъ набѣговъ. Разсказъ А.	100
53) Разсказъ Б.	101
54) Разсказъ В. (отпоръ запорожцевъ)	—
55) Химородникъ (колдунъ)	102
56) Характерство Запорожцевъ въ народномъ представ- леніи. Разсказъ 1-й	103
57) Разсказъ 2-й	104
58) Разсказъ 3-й	—
59) Смерть и похороны характерника	—
60) Какъ Запорожцы перехитрили Потемкина	104
61) Долголѣтіе у Запорожцевъ	106
62) Великорусскіе крестьяне въ запорожскихъ Воль- ностяхъ	107

ОТДѢЛЪ V.

Малорусская сатира, юморъ. Суевѣріе.

63) Какъ литвины воевали хохлацкій серпъ	109
64) Оплакиваніе тещи	110
65) Вовкулаки. Разсказъ 1-й	—

66) Вовкулаки. Разсказъ 2-й	111
67) Пустельникъ (пустынникъ)	—
68) Черти табачники	112

Приложеніе.

Переписка Запорожскихъ козаковъ съ Турецкимъ султаномъ (ходячая рукопись).

69) Варіантъ А.	113
70) Варіантъ Б.	115

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ сборникѣ сгруппированы рассказы, разновремененно напечатанные въ Екатеринославскихъ изданіяхъ „Степь“, „Губернск. Вѣдом.“, въ журналѣ „Кіевская Старина“, въ „Александровскомъ адресъ-календарѣ“ и др. Въ I-й отдѣлѣ выдѣлены легендарныя сказанія о происхожденіи рѣкъ, могилъ, долинъ, скалъ и проч.; о чудовищныхъ змѣяхъ, великанахъ, каменныхъ бабахъ; во II-й—рассказы объ урочищахъ, т. е.—тѣхъ же рѣкахъ, могилахъ и проч. связанныхъ съ именами запорожцевъ; въ III-й—преданія объ историческихъ герояхъ, воспѣтыхъ народной поэзіей; въ IV-й—сказанія о происхожденіи запорожцевъ, чертахъ ихъ жизни и „характерствѣ“; въ V-й—малорусская сатира, юморъ, суевѣрія. Наконецъ, въ видѣ приложенія, помѣщено два варианта ходячей „Переписки запорожскихъ козаковъ съ Турецкимъ Султаномъ“.

Во многихъ рассказахъ, помимо легендъ, облеченныхъ въ поэтическую окраску, народная память отмѣчаетъ не мало интересныхъ воспоминаній изъ прошлаго *Дикаго поля*, о его кочевникахъ, первыхъ колонизаторахъ и осадчихъ. Попутно указывается также на угнѣлѣвшія пепелища козаковъ и отдѣльныхъ ватажковъ, на слѣды стоянокъ древнѣйшихъ народовъ, сокрытые клады и проч. Въ III отд. вниманія заслуживаютъ рассказы о запорожскомъ кошевомъ *Сиркѣ*, хвастовскомъ полковникѣ *Палѣ*, гайдамацкомъ ватажкѣ *Савѣ*, послѣднемъ кошевомъ Запорожской Сѣчи *Калнышѣ* и кошевомъ задунайскихъ козаковъ (потомки Запорожцевъ) *Гладкомѣ*. Въ интересахъ мѣстной старины, нѣкоторые рассказы дополнены личными изслѣдованіями, другимъ удѣлены поясненія и архивныя справки.

Я. Новицкій.

Александровскъ, 12 ноября 1910 г.

ОТДѢЛЪ I-й.

Легендарныя сказанія.

1. Десна и Днѣпръ.

(Происхожденіе).

1) *Вариантъ А.*

Днипро и Десна—це братъ и сестра,—булы колысь люды. Якъ вырослы вони, батько и маты поблагословили ихъ въ дорогу. Змовылись вони вийты ранкомъ и полягали спать. Десна любила спать и проспала ранокъ, а Днипро проснувся на зори, порозвертавъ горы, порозчищавъ гырла и заривъ стенамы. Десна проснулась, ажъ брата нема. Вона пустила ворона впередъ и побигла слідкомъ. Летить воронъ и якъ тико нагоне Днипра, всякій разъ и крикне. Шо поверне Десна до Днипрового гырла,—то винъ въ бикъ—и подався дали. Багато разъ Десна пидвертала до Днипра, багато разъ повертавъ винъ въ бикъ (того винъ такой и кручений). На ворона напавъ рябець и давай быгься. Чы довго былись, чы ни,—Днипро добигъ до моря. Якъ почувла Десна одъ ворона, шо Днипръ далеко,—прыхлылась до брата и злылась зъ его гырламы. Теперь вона тече ливою стороною, а Днипро правою. Де есть острова и скези середъ ричкы—тамъ розходяться Днипро зъ Десною. Якъ ясный день, то видно де Днипро, а де Десна: въ Днипри сыня вода, а въ Десни мовъ жовта; Десна тече тыхо, Днипро—прудко. Про Днипра и Десну есть пisenя:

Десна Днипру ридна сестра,
Десна Днипра спережала,
Горы, кряжи становыла,

Днипра—брата не спыныла;
Ще й ворона посылала.
А въ Києви въ Днипръ упала...
Жалується Лыманъ морю,
Шо Днипръ узявъ свою волю,
Свои гырла прочышае,
Лыманъ—море—засыпае.

Дѣдъ Михайло Антоновичъ Книрикъ,
92 л., д. Языкова (Федоровка), Екате-
ринос. у., 2 іюня 1886 г.

2) *Варіантъ Б.*

Днипро—братъ, Десна сестра,—обое диты Лымана. Зостаривсь Лыманъ и ослиць. У Днипра руки були въ шерсти, у Десны ни: вона надила рукавичкы вовняни ¹⁾ и пишла прохатъ у батька благословенія. Лыманъ лапнувъ за руки, —вонь въ шерсти и поблагословывъ. Десна тоди пишла впередъ и давай становить высоки горы та скели, щобъ не було брату проходу. Прыйшовъ до Лымана Днипро. „Благословить, каже, тату!“—„Я жъ тебе, сынку, благословывъ“.—„Ни, каже, я не прыходывъ: то васъ обманыла сестра!“ Поблагословывъ Лыманъ и каже: „Ну, доганяй же сестру!“ Днипро порозвертавъ горы, скели, догнавъ сестру и пишовъ зъ нею поручъ ²⁾: винъ по праву, вона по ливу сторону. Ого, шо пороги, заборы,—то все ставляла сестра, а Днипъ порозвертавъ и якъ заривъ,—ревитеме покы свить сонця... Днипро по правди робе: прочышае глыбъ, дае до рогу суднамъ, а Десна ни: вона ставить косы и засовуе ричку пискомъ. У Днипра берегъ быстрый, а у Десны тихый. У Десны бильше рыбы и бильше одмитивъ ³⁾. Про Десну та Днипро спивають:

¹⁾ Шерстяныя. ²⁾ Рука объ руку, вмѣстѣ. ³⁾ Загибъ въ колѣнѣ рѣки, гдѣ мало замѣтно теченіе —тиховодъ.

Закладався сызокрылый
орель
Зъ гнидымъ конемъ:
—Ой ты коню, ридный
брате,
Есть у поли крыныченька,
Тамъ холодна водыченька,
Ой хто впередъ долетыть,
Ой хто впередъ добижыть,
Той тому нижекъ утне ¹⁾.
Орель каже, шо вылетю,
А кинь каже, шо выбижу.
Орель летыть надъ лугами,
А кинь бижыть все кряжамы;
Орель летыть дибровою,
А кинь бижыть дорогою;
Орель летыть,—перо зве-
ныть,

Ну,—каже кинь, колы не справывся, оставайся моимъ меньшимъ братомъ.

Дѣдъ Мартынъ Власовичъ Заика (Кра-
вецъ по уличному), 78 л., изъ с. Новыхъ
Кайдакъ. Екатеринославъ, 9 мая 1887 г.

Какое отношеніе имѣеть приведенный отрывокъ народной пѣсни къ Днѣпру и Деснѣ, дѣдъ Заика не могъ пояснить; между тѣмъ интересное объясненіе далъ намъ другой, 82 лѣтн. старикъ Степанъ Власенко, житель при-днѣпровскаго села Вознесенки, Александровскаго уѣзда. По его словамъ, Днѣпръ и Десна (также братъ и сестра), когда шли въ путь, то послали впередъ, первый—„богатыр-скаго коня“, вторая—„сизокрылаго орла“, чтобы показывали дорогу къ морю. Пускаясь въ далекій путь, конь съ орломъ условились:—кто изъ нихъ первый очутится у морской крыницы и напьется воды, тотъ будетъ старшій, тотъ

¹⁾ Сломаеть. ²⁾ „Спочывать лигъ, покачався“. (Шѣвецъ).

А кинь бижыть—трава шу-
мыть;
Орель летыть —преморывся,
А кинь добигъ тай напывся,
Тай напывся, покотывся. ²⁾
Засмутывся сызокрылый
орель,
Та до коня долитае,
Братомъ его называе:
—Ой ты, коню, ридный
брате,
Горе жъ, брате, безъ кры-
лечокъ,
А якъ тоби безъ нижечокъ:
Даруй мене крылечкамы,
Шобъ не ходыть нижеч-
камы.

отрубить крылья или сломить ноги отставшему. Посланный Днѣпромъ конь мчался съ быстротой стрѣлы; ему не препятствовали ни кряжи, ни горы и первый очутился у моря. За нимъ вслѣдъ лился Днѣпръ и, слившись съ моремъ, широко раздвинулъ берега и заревѣлъ порогами. Орла на пути соблазнило гнѣздо рябца и онъ схватилъ птенца. Рябецъ пустился въ погоню, нагналъ орла близъ Кіева и завязалась борьба. Орелъ крикнулъ. Слѣдовавшая за орломъ Десна подумала, что опережаетъ брата—Днѣпра и въ этомъ мѣстѣ слилась съ его водами. Долетая къ морю, орелъ просилъ у коня пощады—не рубить крыльевъ. Конь съжалился и при этомъ замѣтилъ: „Будь же ты меньшимъ братомъ“!

Я. Н.

---

3) Могилы и долины.

(Происхожденіе).

Давно, Богъ его зна и колы, жывъ на свити багатырь и була у его сестра. Отъ багатырь шо дня выиздывъ на охоту, та на войну, а сестра зоставалась дома, варыла обидать. Та сестра визьмы тай зазнайся зъ *зміемъ*. Багатырь шо выиде зъ дому, то змій и летыть до сестры. Змій бувъ дужый, а протывъ багатыря и въ свити дужчого не було. Задумала сестра звесты багатыря зъ свита. Разъ прыхавъ братъ до дому, а сестра пидсила до его и пыта:

— Скажы, братику, есть хто протывъ тебе дужчыѣ.

— Нема, каже.

— А якъ бы звъязавъ руки дротомъ?

— Розирву и дритъ.

— Шо жъ есть таке, чого-бъ ты не розирвавъ?

— Все порву, а есть одно,—шовкъ; шовкомъ якъ бы свъязавъ товсто, тоди-бъ... хто его зна!..

— Ну, добре, брате,—достану шовку; спробуешъ сылу?..

— Добре, сестро, достань!

На другый день достала вона шовку, а змія сховала пидь поломъ. Прыхавъ багатырь.

— Нумо, брате, пробовать сылу, покы голодный!

— Нумъ.

Сивъ багатырь на лави, а сестра давай его ввязать, давай обкручивать руки. Мотае, тай мотае, мотае, тай мотае; намотала уже такъ товсто, шо й рукамы не обниме.

— Ну, братику,—пробуй!

— Добре,—побачу.

Смыкнувъ винъ,—не рветься. Сестра тоди: „вылазь, змію, скорини!“. Тико, шо показавъ змії голову, а багатырь якъ напьявся,—такъ той шовкъ зъ шкурою и злизъ зъ рукъ. Винъ тоди махнувъ разъ, вдруге, втрете шаблею,—такъ ти тры головы у змія и одлетилы. „Оттака ты, каже, у мене вирна сестра?!“. Взявъ тоди ии за косы, привязавъ дыкому коневи до хвоста и пустывъ... Якъ понисъ же той кинь, якъ понисъ!... Оце де вдарыться вона головою—тамъ могыла, де вдарыться задомъ, тамъ долына!... Оббигъ той кинь пивъ свита, рознисъ маслачкы до одного и вернувся. Съ того часу, кажуть, стали могылы и долыны...

Довго ще живъ той багатырь съ конемъ и жылы вони дружно. Передъ смертію ставъ винъ що-дня издыть за сто верстъ, та возыть тымъ конемъ каминь. Навозывъ и загадуе коневи: „Якъ помру, каже,—насыпленъ могылу“... Умеръ винъ. Кинь насыпавъ зверхъ его високу, високу могылу и обиклавъ каменемъ. Въ степу,—де невеличкы могылкы, та долыны,—то сестры багатыревой ¹⁾, а де высоки,—то великыхъ багатыривъ. Теперь, якъ роскопують великы могылы, то находятъ маслакы чоловичи и киньски;—то багатыривъ ховалы вмисти съ киньмы, бо вирно жылы. У насъ багато могылъ запорозькыхъ, бо и мижъ нымы булы великы багатыри.

---

¹⁾ Могылкы стали на тымъ мести, де дыкый кинь пороскычавъ кисточки зміевои сестры. *Поясненіе разказчика.*

Давно, ще цей край звався *дыкымъ степомъ*, чумаки бачылы багатырьского коня. Ихала, кажуть, валка степомъ, колы чумаки глянули на Савуръ могылу,—ажъ выскочывъ дыкый жеребець и рже... Побачывъ чумакивъ, та якъ подався, якъ подався,—мовъ та птыця!... добигъ до лису, ставъ на дыбы и подався упяты поверхъ лису... Де пробигъ,—тамъ слидъ: скрызъ поламавъ верхы на дубахъ. Це винъ, кажуть, одвидувавъ могылу своего багатыря.

Дѣдъ Сергѣй Петровичъ Вовкъ, 60 л., с. Григорьевка, на р. Конкѣ, Александровск. у., 21 ноября 1889 г.

---

4) Происхожденіе могилъ и ихъ назначеніе.

(Сводъ мнѣній рассказчиковъ).

А.

Могилы высокія—это передъ потопомъ люди насыпали, спасаясь отъ воды; могилы меньшія—насыпали тѣ же люди, но не успѣли, и ихъ потопила вода.

Джигръ, Самарскій, Рыбалка, Черноволь и др. дѣды.

Б.

Въ открытой степи, на кряжахъ, въ долинахъ, на склонахъ горъ есть маленькія могилки,—это могилки байбаковъ (сурковъ). До 1840-хъ годовъ ихъ было много здѣсь, рыли они норы глубоко, а землю выносили каждый въ одно мѣсто, отчего и образовались могилки.

Орель, Власенко, Штепа, Савоська и др.

В.

Когда люди жили войною, насыпали могилы на высокіхъ кряжахъ степи, чтобы высматривать непріятеля. На

нихъ ставили вѣхи и при появленіи орды и другихъ неприятельскихъ полчищъ, вѣхи наклонялись, а предупрежденный народъ предпринималъ мѣры обороны или прятался въ лѣсахъ, норахъ, пещерахъ, камышахъ.

Могилы имѣли еще и другое значеніе. Въ старину, когда степь была пустынной, люди старались направлять дороги кряжами на большія могилы, издалека указывавшія путь, а на могилахъ этихъ запорожцы разставляли „гардоны“ (кордоны) для охраны чумаковъ и другихъ проѣзжихъ отъ нападенія татаръ и турковъ. Близъ такихъ могилъ, на дорогѣ, козаки выставляли ратище, простилали войлокъ и всякій проѣзжій останавливался и клалъ, что могъ изъ сѣстныхъ припасовъ или деньги на продовольствіе *сторожевыхъ* козаковъ. Многія могилы получили отъ этого названіе *сторожевыхъ*.

Власенко, Гончаренко, Орель, Бутко, Лутай и др.

Г.

Ще до запорожцивъ живъ народъ не нашої виры. Було якъ убьють ихнего князя, або умре, то его ховалы и насыпалы высоки могилы. На такихъ могилахъ ставлялы каменни бабы. Кажуть, якъ роскопать високу могилу, то тамъ можно найты людськи и кинськи маслакы. Есть ще высоки могилы, насыпани запорожцями, — це *сторожеви могилы*: тутъ стояла козацька сторожа, або, якъ кажуть, — *гардоны*. Такихъ могилъ багато била Днипра, де жылы запорожци и скризь, де булы ихъ розгоны и урочища.

Андрей Иван. Нагирный, 97 л., 1885 г.

Д.

Господь создавъ землю, а потимъ людей, и воны довго жылы безъ сонця. Зжалывся Господь надъ мыромъ и пославъ святе сонечко. Инчи люды радовалысь, а инчи не злюбылы сонця, — почалы насыпать высоки могилы, тобъ то до неба, — почалы съ тыхъ могилъ плювать на праведне

сонце. Розгнівався Господь и хто зъ людей плювавъ, той на могыли и окаменивъ.

Высоки могылы, де стоялы колысь каменни бабы,—стоять отъ сотворенія мира. Литъ 50, 60 назадъ, на могылахъ було багато бабъ, а потимъ, якъ почалы селытсья люды—стало тисно и бабамъ: ихъ звезлы въ слободы и повкопу, валы била ворить.

Грыцько Усатый, 72 л., Маркусова, 1882 г.

5) Происхождение рѣкъ, овраговъ.—Керосинъ.

(Кузьма и Демьянъ—божьи кузнецы.—Чудовищный змій).

Колысь на земли жывъ змій. Багато винъ пожравъ людей,—бо дужчого его на свити не було. Въ те время жылы Кузьма и Демьянъ,—божи ковали. Отъ задумалы вони того змія зъ свита згубить. Змій сунулся до ихъ, а вони въ кузню и заперлы зализни двери. Змій и каже: „Кузьма—Демьянъ, божи ковали,—видчынить, а то ковтну васъ съ кузнею“... Ти и одвичають: „Колы ты сылу маешъ, пролыжы двери: сядемо на изыкъ и ковтай.“ Змій лыже, тай лыже, а святи гріють, тай гріють зализно, та кують клещи. Пролызавъ змій двери, всунувъ языкъ. Кузьма та Демьянъ клещами за той языкъ и почалы гатыть молотамы... Уморылы змія, запрягли въ плугъ що на дванадцять паръ воливы и давай орать. Оралы стегъ вздовшъ, оралы впоперекъ и скылко змій не просывъ—не давалы ему ни пыты, ни исты. „Буде съ тебе, кажуть, и того жыру, шо одкохався на людяхъ“... „Ну,—каже змій,—колы такъ, то передъ страшнымъ судомъ освітю я своимъ жыромъ весь свитъ“... Чы довго ше оралы, чы ни, дійшлы до моря. Змій—въ море и давай зъ гарячу пыть.. Пывъ, пывъ, выпывъ все море и лопнувъ... Кузьма—Демьянъ взяли и закопалы того змія пидъ горою.

Богъ его зна, колы це въ свити було, а ось не багато годивъ, якъ полився *гасъ*¹⁾ съ тіей горы. Це-бъ то и кинецъ свита близько... Въ слободахъ и теперь не всякій свите гасомъ, бо винъ не чыстый.

Такъ отъ, колы хочете знать, видкиля взялыся по степахъ ричкы и балкы! Кузьма та Демьянъ, покы не заморылы змїя,—оралы глыбоко и потеклы ричкы, а якъ заморылы,—оралы милко и стали балкы.

Дѣдъ Григорій Омельченко, 80 л., захожіи городовикъ (полтавецъ), с. Крестовка, Маріуп. у. 16 мая 1905 года.

---

6) Происхожденіе камней. Чудовищныя змѣи, великаны.

До Хрыстового рожденія лукавій мавъ вельку силу! Каминня, скели, пещеры—це все его работа. Въ пещерахъ винъ ховався отъ Божого гнива, отъ гриму. Тоди людей ще мало було, искушать никого, такъ винъ и давай розносыть та роскыдать по земли каминня: де кыне малый каминецъ—черезъ годъ выросте велькій; де покладе велькій—тамъ выросте скеля. Хотилось ему всю землю покрыть каминнямъ, щобъ ни що не росло, не живъ чоловікъ, звиръ, птыця Божа. Тико не по его выйшло: народывся Хрыстось, заразъ же проклявъ нечыстого. Съ того часу каминня такъ и зосталось.

Писля Хрыстового рожденія, въ шкалубынахъ,²⁾ жылы змїи съ трема головами; воны литалы по свиту, илы людей и всяку звиряку. Довго воны жылы на свити и може-бъ ще жылы, такъ звоювалы ихъ багатыри—велени.³⁾ Страшенный, кажутъ, народъ бувъ. Колысь вознесенскый чоловікъ копавъ колодизь и на девъятому сажени найшовъ такой зубъ,

---

1) Керосинъ.

2) Въ пещерахъ.

3) Великаны.

шо насылу пиднявъ. Жовтый винъ, жовтый та мисный, якъ каминь. Понисъ у волость показать, а стари люды и обизвались: „це зубъ веленя“... Писля багатыривъ ще жылы змїи, тико уже зъ однією головою. У насъ, кажуть, жыло тры змїякы: одынъ на острови Хортыцькому, другый—на порози Гадючому, а третій—на острови Перуни, шо нызче порога Будыла. Пещеры ихъ и теперь есть. Ци змїякы похожи булы на велькыхъ гадюкъ, тико умилы литать Крыла у ихъ булы, кажуть, якъ у кажана и поккрыти лускою. Хвистъ довгый, а на кінци мовъ стрилка зъ зазубнямы. Якъ понаходылы сюды запорожци, якъ почалы воювать туркивъ—воны зъ ляку и порозлиталысь къ бисовій матери... Писля змїивъ плодольсь тутъ полозы. Це уже гадъ недавній, бо и наши батькы бачылы. Полозъ кажуть, бувъ гадъ товстый и довгый и якъ обкрутытья кругомъ вивци, або чоловика, такъ и задаве. За людьмы винъ котывся колесомъ, а шобъ не догнавъ—треба тикать протывъ сонця:—винъ тоди не баче.

Дѣдъ Оома Горянецъ, 73 лѣтъ, о-въ Хортица, 30 августа 1886 года.

---

7) Велени.

(Великаны).

Богъ его зна, чы до потопа, чы до Хрыстового рожденія жылы тутъ вельки люды—велени. Ихъ маслакы и теперь находятъ, тико дуже глыбоко въ земли. Диды наши розказувалы, шо якъ стали сюда заходыть люды, то заразъ почалы орать и сїять. Отъ разъ, кажуть, выхавъ чоловикъ съ погоньчамы, запригъ висимъ паръ воливъ въ плугъ и оре соби. Қолы це де не взявся зъ за Днипра велень, забравъ всихъ зъ воламы, зъ плугомъ въ жменю, ступнувъ тамъ стико разъ и опынывся верстъ за сто билия своеи матери. Прынисъ и показуе: „дывысь, мамо, яка ма-

ла муравка, а землю портыть.“ Маты глянула и каже: „однесы, сынку, де взявъ, нехай портыть: зъ ней колысь люды будуть“. Вернувся той велень и пустывъ людей на риллю, де взявъ.

Макаръ Евдоким. Пазюкъ, 80 л., с. Бѣленькое, Екатеринославскаго уѣзда, 12 іюля 1887 г.

---

8) Каменныя бабы.

(Происхожденіе).

А.

На могыли пасла баба овецъ. Недалеко жыды мучылы Варвару. Вона вырвалась и сховалась мижъ вивцямы. Ста-лы жыды пытать бабу, а вона и показала пальцемъ. Съ того часу окамянила вона и вивци.

Трофимъ Кузьмичъ Лубенець, 45 л., с. Крестовка, Мариупольскаго уѣзда, 8 іюля 1906 г.

9) Б.

Каменни бабы—то люды колысь булы. Ихъ звалы великдонамы, а инчи веленями. Це, кажуть, бувъ превелький народъ и живъ винъ до созданія сонця. Якъ пославъ Господь сонце, стали великдоны выходить на могылы, стали плювать на его. Господь розгнивався и проклявъ ихъ. Съ того часу вони зменьшались и покамянили. У насъ ихъ бабъ не дуже багато, а найбільше ихъ въ Таврії: въ Васылевци, Янчекраци и инчихъ слободахъ.¹⁾ Тамъ нымы пидпырають тыны,²⁾ та ставлять на воротяхъ.

Дѣдъ Яковъ Рыбалка, 75 л., с. Андреевка, Алекс. у., 7 апрѣля 1886 г.

---

¹⁾ Села Мелитопольскаго уѣзда.

²⁾ Плетни.

ОТДѢЛЪ II-й.

У р о ч и щ а.

А. Правый берегъ Днѣпра.

10) Балка гадючая у порога Гадючаго на Днѣпрѣ.

(О множествѣ гадювъ въ старину.— Легенда о Змѣѣ).

Въ стари годы, по балъци *Гадючій*, бувъ густый дубовый лѣсъ и скризь по надъ балкою росли груши и кыслыци. Въ балъци стико водылось гаду, шо страшно було и ходыть. Въ осени, тоди саме, якъ гадъ поховається въ норы, ходемо, було по груши и кыслыци. Отсе, було, якъ прогорнешъ лыстя нидъ деревомъ, то такъ и нагребешъ мишокъ грушъ. Та ще й груши не яки небудь: мяки та добри.

Ще, кажуть, въ Гадючій балъци водылись полозы, а нызче порога Гадючаго, на остривку, була, та и теперь есть—*ската* (пещера, нора), де живъ Змѣй съ трема головами; его вси боялысь... Оце якъ летыть, то такъ весь свить и засяе! Це було давно. Змѣивъ, кажуть, водылось тутъ тры: одынъ на *Перуни* (островъ), другый на Гадючому порози, третій—на острови Хортыци. На Хортыци, якъ разъ въ *Высчій Голови*, есть и теперь глыбока *ската*; мы ии такъ *Змѣвою* и звемо.

Супротивъ острова *Пурысового*, шо нызче порога Гадючаго, покопани *городжы* (редуты), де, кажуть, война була, а ще нызче, де Старый Кронцвей (менонит. кол. Кронцвейде), скризь по писку багато невеличкыхъ могылокъ; воны вси мовъ обкладени каминнямъ. Якъ бувъ я малымъ

и пась нѣмецкѣ череду, то було часто находю мѣднѣ стрѣлочкы: пѣсля велького витру, а бо пѣсля дощу, такъ и лежать, було, поверхъ пѣску.

Дѣдъ Оока Горянецъ, 71 г., Вознесенка, Александр. у., 10 августа 1886 г.

Небольшія могилы, о которыхъ упоминаетъ рассказчикъ, разбросаны на песчаномъ склонѣ къ Днѣпру, а нѣкоторыя расположены попарно. Если взять въ соображеніе, что на ближайшемъ островѣ Пурисовомъ въ 1877 г. отмыта теченіемъ толща человѣческихъ костей на значительномъ песчаномъ простанствѣ, то нельзя не прійти къ догадкамъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда побоищѣ. Мѣстность эта, во всякомъ случаѣ, является интересною и достойна серьезнаго изслѣдованія.

Я. Н.

---

11) Балка Бабурка и давніе ея обитатели.

На балки, шо звемо *Бабуркою*, живъ запорожець *Бабурка*. Тамъ, кажутъ, колысь и рѣчка була глыбока та очеретувата; була рыба и раки, було звѣра и птыци багато. Биля Бабуркы и на Хортывському островѣ жылы запорожци Шевци, Довгали, Громуха, Кучугура, Головка, та ще де-яки. Якъ закупылы немци бабурскѣ землю, то котри хозяевыти козаки,—перебрались въ слободу Вознесенку, ¹⁾ та въ *крѣпость*, ²⁾ а котри бурлаки та рыбалкы,—зжылы вѣкъ биля Днѣпра. Швець, Довгаль—це велькы прѣятѣли моему дѣдови. Розказувавъ покойный батько, шо по первахъ, въ Вознесенци, було всего навсего 13 хатъ и вси запорозьки. Тоди, було, до дѣда зъѣжаються запорожци гулять видовсюды: зъ балкы *Биленькои*, съ пидъ *Лысой Горы*, *Крутого Яру*, зъ *Велького Лугу*. Въ Крутимъ Яру живъ бурлака и

¹⁾ Ближайшее къ Александровску селу.

²⁾ Александровскѣ.

характерныкъ Каминныкъ съ Харсуномъ. Ти, кажутъ, багато грошей вывезлы съ Польши. Каминныкъ подався въ Чорноморію, а Харсунъ остався въ Крутому Яру. Скушно стало одному, а тутъ ще и паны гонять; винъ кынувся въ г. Олександривскъ и прыставъ до Васыля Ляшенка. Багато грошей було у Харсуна! Якъ умеръ,—заживъ тоди Лященко и зъ мужыка ставъ купцемъ! Съ цихъ козацькихъ, грошей пишылы жыть сыны и унуки Ляшенка.

Дѣдъ Степанъ Власенко, 86 л., с. Вознесенка
Александр. у., 25 февраля 1890 г.

---

12) Балка Бабурка и р. Средняя Хортица.

(По воспомин. старожиловъ меннонитовъ).

На этой балкѣ жилъ запорожець *Бабура*, отчего и балка получила названіе *Бабурки*. Этой балкой течеть въ Днѣпръ и р. *Средняя Хортица*.

О Бабурѣ сохранилось много воспоминаній. Въ 1789 г., моннониты, по прибытіи, застали его вблизи Днѣпра. Онъ былъ заслуженный козакъ, жилъ въ домѣ, обставленномъ оружіемъ и хорошимъ хозяйствомъ, имѣлъ хорошій фруктовый садъ и къ нему, жившіе здѣсь простые запорожцы-рыбаки, относились съ особымъ уваженіемъ ¹⁾. Одѣвался онъ по козацки, носилъ хорошо отрошенные усы и на головѣ чуприну. Когда явилась первая партія моннонитовъ

---

¹⁾ По исповѣднымъ росписямъ Покровскаго Собора въ г. Александровскѣ за 1782—1785 г., видно, что на р. *Средней Хортицы* былъ поселокъ и дача „Его свѣтлости, квязя Потемкина“, гдѣ жилъ поручикъ Иванъ Бабура съ женой и сыномъ. Въ поселкѣ *Средняя Хортица* отмѣчены „малороссіянекозацкаго званія: Сѣроштанъ, Задирака, Шаповаль, Моисей Бабура, Кузьма Шугай и Андрей Верба“. Впослѣдствіи, жители поселка, изъ боязни закрѣпощенія, перемѣстившись въ воинскую казацкую слободку Нескребивку (Вознесенку, Александр. у.) и въ посадь Александровскъ, нынѣшн. уѣздн. городъ.

на островъ Хортицу, онъ пріѣхалъ къ депутату Гепнеру познакомиться, а на слѣдующій день, на обзаведеніе прислалъ ему по парѣ гусей, утокъ и куръ. По пріѣздѣ нѣмцевъ однако, онъ оставался недолго, распродалъ лошадей, скотъ и переселился въ Черноморію. Послѣдовало за нимъ не мало и другихъ козаковъ, обитавшихъ въ *Великомъ Лугѣ*.

Въ то время на гористомъ склонѣ къ Днѣпру, неподалеку отъ балку Бабурки, было брошено много козацкихъ усадебъ, съ хорошими садиками, откуда меннониты брали молодья деревья для посадки.

Рѣка Средняя Хортица была въ то время, хотя и узка, но глубока, рыбная, поросшая непролазнымъ камышемъ. По лѣвую сторону р. Средней Хортицы, на степи обращенной къ Днѣпру, уцѣлѣли четырехугольные окопы, въ родѣ редутовъ. На этихъ мѣстахъ, говорятъ, запорожцы ставили стожки сѣна и окапывали рвами, въ предупрежденіе отъ степныхъ пожаровъ.

На балкѣ Бабуркѣ, близъ впаденія ея въ Днѣпръ, была русская слобода, которая переведена въ другое мѣсто послѣ 1803 г., когда на той же балкѣ, въ одной верстѣ отъ Днѣпра, основана была меннонитская колонія *Бурвальдъ* (въ народѣ Бабурка).

Ниже балки Бабурки жилъ запорожець *Громуха*.¹⁾ Онъ нѣкоторое время жилъ еще послѣ 1803 г., такъ какъ нѣмцы помнятъ его, какъ зажиточнаго и хлѣбосольнаго сосѣда. Бывало, кто запоздаетъ по пути изъ Высшей Хортицы въ Низшую, то всегда найдетъ у него ночлегъ и гостепріимство, такъ какъ степь была покрыта рослой травой и кустарниками, гдѣ водилось много волковъ и потому была не безопасна. Случались въ то время, нерѣдко, и разбои.

---

¹⁾ На островѣ Хортицѣ, близъ паромной переправы, сохранилось названіе *Громушиной* балки и скалы. Здѣсь, передаютъ старожилы, козакъ Громуха держалъ ватагу рыбаковъ, здѣсь же стоялъ его рыбачій кошъ.

По разсказамъ меннонитовъ к. Бурвальдъ:— Юліуса Петкау 86 л., Абрама Левина 78 л. и кол. О-въ Хортицкой Ивана Гильдебрандта 63 лѣтъ. Записано въ маѣ 1887 года.

13) Рѣчка Нижняя Хортица.

(Смѣна населенія).

По разсказамъ старожидовъ и архивнымъ изслѣдованіямъ.

Послѣ паденія Запорожской Сѣчи въ 1775 году, на рѣчкѣ *Нижней Хортицы* доживали свой вѣкъ б. ч. семейные козаки—Леонтій Поповичъ, Федоръ Задерака, Максимъ Нечепій, Оома Самарскій и др., занимаясь рыбной ловлей, охотой, пчеловодствомъ и скотоводствомъ, нагуливая, по преимуществу, хорошихъ верховыхъ лошадей.—Подъ 1780 годомъ, въ дѣлахъ Покровскаго Собора г. Александровска, впервые встрѣчаемъ мы „Слободу *Любимовку*, Екатеринославскаго Намѣстничества, Его Свѣтлости Князя Григорія Александровича Потемкина, заселенную у р. Днѣпра, при рѣчкѣ Нижней Хортицѣ съ правой стороны“. Въ 1783 году, по даннымъ того же Собора, Любимовка отнесена „Ея Сіятельству, графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской“, имѣвшей громадныя помѣстья на лѣвой сторонѣ Днѣпра на рѣчкѣ Конкѣ ¹⁾. Въ 1784 г. Любимовка считалась въ Хортицкомъ приходѣ, съ церковью въ слободѣ Ново-Григорьевкѣ (Хортицѣ тожь), кн. Потемкина, на р. Верхней Хортицѣ ²⁾, а въ 1789 г. имѣла собственный молитвенный

¹⁾ До 60000 дес. при слободахъ — Ново-Григорьевкѣ, Больше-Екатериновкѣ (Кушугумовка), Мало-Екатериновкѣ (Краснокутовка), Царицыномъ-Кутѣ (Подстепное), Веселой и Хитровкѣ. Помѣстье это первоначально именовалось также „дачей Его Свѣтл. кн. Гр. Алекс. Потемкина“.

²⁾ Нынѣ на этомъ мѣстѣ двѣ богатыя меннонитскія кол. — *Хортица* и *Розенталь*.

домъ во имя святителя Николая. Настоятелями молитв. дома были: въ 1789 и 1790 г.г. польскій выходецъ, священникъ *Петръ Оводовскій* и съ 1791 по 1801—валахскій выходецъ, священникъ *Михаиль Андреевъ*. Въ 1801 г., по купчей, земля графини Скавронской (съ 1799 г. по замужеству—графиня *Литто*) Любимовка перешла помѣщику Тайному Совѣтн. Михаилу Павловичу *Миклашевскому*, въ то время Новороссійскому губернатору. По этому случаю, управляющій имѣніями графини Скавронской на р. Конкѣ Тит. Сов. Митроф. *Свѣгинъ*, донося Преосвященному Аѳанасію, Епископу Новороссійскому и Днѣпровскому, о данной ему владѣлицей довѣренности перевести крестьянъ изъ Любимовки на лѣвую сторону Днѣпра,—просилъ разрѣшенія на перенесеніе молитвеннаго дома въ слободу *Веселую*¹⁾. Въ 1802 году вслѣдствіе ВЫСОЧАЙШАГО Именного Указа, даннаго Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства иностранныхъ и Домоводства, земля при с. Любимовкѣ, въ количествѣ 12223 д., перешла отъ Миклашевскаго по купчей меннонитамъ въ количествѣ 150 семействъ, переселеннымъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію „изъ Хортицкихъ деревень“, и въ пользу этихъ же покупателей остался и молитвенный домъ²⁾. Въ 1803 г., занявъ берега Н.-Хортицы, меннониты поселились на лѣвой сторонѣ ея, противъ пепелища Любимовки—справа. Рѣчка Нижняя-Хортица беретъ начало у колоніи Шенебергъ (Смоляная) и течетъ на протяженіи 15 верстъ. Балка, по которой течетъ Н.-Хортица, носитъ названіе *Капустянки*. По рассказамъ старожиловъ, на балкѣ этой, въ свое время, запорожцы имѣли левады и разводили капусту, а отсюда осталось за нею и названіе.

При впаденіи р. Нижней-Хортицы въ Днѣпръ, она глубока и рыбна на протяженіи менѣе версты, далѣе же въ степь, въ лѣтнюю пору, почти высыхаетъ. Въ весеннее

¹⁾ Въ отвѣтъ на это, Консисторіей поручено было Мариупольскому Духовному Правленію представить справку о количествѣ душъ въ слободѣ Веселой и ближайшихъ къ ней деревняхъ,—но отвѣта послѣдняго при дѣлѣ нѣтъ. (Арх. Покр. Соб.).

²⁾ Подл. купч. крѣп. хранится въ Хортицк. Вол. Правленіи.

половодье широкая, при устьѣ, долина рѣчки заливается версты на двѣ и получаетъ названіе *лимана*; въ это время съ Днѣпра заходитъ много рыбы, по преимуществу короповъ и лещей для терки, и поэтому здѣсь бываетъ большой уловъ. При ловлѣ, русскіе рыбаки употребляютъ невода и сѣти, а меннониты охотятся ружьями и остами (острогами).

Въ 2-хъ верстахъ отъ Днѣпра, въ степи, съ балкой Капустянской, справа, соединяется другая глубокая и живописная балка *Колочая*. По преданіямъ, такое названіе балка получила потому, что прежде въ ней кустились терновникъ и шиповникъ, а открытые склоны ея поросши были ползучимъ травянымъ растеніемъ *якорцами* (*Tribulus terrestris* L.), почему для босоногихъ пастуховъ была непроходимой. Надъ балкой Колочей, слѣва на склонѣ, уцѣлѣли слѣды редута, валы котораго имѣютъ въ длину 70 и ширину 40 шаговъ, что представляетъ уклоненіе отъ типа часто попадающихся здѣсь Миниховскихъ укрѣпленій, б. ч. квадратныхъ.

Рыбаки д. Разумовки говорятъ о существованіи въ обѣихъ балкахъ запорожскихъ кладовъ.

Я. Н.

15 сентября 1884 г.

---

14) Урочище Бѣляй—Пески.

Р а з с к а з ъ.

За *Разумовкою*, не бильше якъ зъ версту, била, Днипра, есть урочище *Билляй*; въ цимъ урочищи бувъ колысь густый лись и жылы Запорожци *Билляи*, або *Биливци*, видъ того воно такъ и прозвано. Недалеко видъ Билляя, есть друге урочище *Канивське*,—тамъ живъ козакъ *Канивськый*.

Розказувалы колысь стари диды про губернатора Матлаша ¹⁾. Ця земля, де теперь Бабурка, Розумовка, Би

¹⁾ Миклашевскій, Михаилъ Павловичъ, тайн совѣтн., Екатеринославскій губернаторъ, — 1801—1804 г.

ленька и инчи слободы, була вся его, вона досталась ему за безцинокъ видъ Розумовського и Каменського¹⁾. Шо за добрый, кажутъ, чоловікъ бувъ губернаторъ Матлашъ, такъ такихъ ридко и земля роде. Разъ, кажутъ, обьизжавъ винъ степъ и наткнувся на землянки въ урочыщи *Билля*.

— Шо тутъ за люды жывуть?

— Запорожци!

— Може Чорноморци?

— Ни, пане, Чорноморци въ Чорноморіи, а мы за порогами.

— Такъ запорожцивъ уже нема!

— Вони есть, пане, та не стико, якъ було... Мы запорожцями были, запорожцями и помремо.

— Чы такъ, той такъ! Хто-жъ васъ тутъ посельвъ?

— Силы, пане, землянкамы, якъ ще земля була козацька!

— А жывыте чымъ?

— Ловымъ рыбу, плодымъ скотъ, коней, бжолу.

— А сіете шо?

— Хлибъ на степу, а билля хатъ—тютюнъ, капусту, соняшныкы, баштаны...

— И никто вамъ не запреща?

— У вашои мылости,—дай вамъ Господь довгого вику,—стико земли, шо добрымъ конемъ за день и не оббижышь.

— И то правда!... Идить же, братци, жыть до мене въ *Биленьку*, пороблю вамъ хаты: у мене солдатъ не будете давать, а въ вольнихъ слободахъ берутъ; не будете и панщыны робыть.

¹⁾ Въ „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“ 1887 г. стр. 63, сынъ бывшаго губернатора, Андрей Михайловичъ Миклашевскій, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о цѣнахъ на землю въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. „По предложенію двухъ фельдмаршаловъ Каменскаго и Разумовскаго, отецъ мой купилъ у нихъ жалованныя земли, въ количествѣ 60000 дес. степной и луговой земли въ Александровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ по 25 коп. ассигнаціями за казенную десятину“... „Продаль колонистамъ Хортицкаго округа, гдѣ

Воны послухалы и переселылысь. Правда, стари жылы вольно, а дитямъ ихъ прышлось уже не такъ: изъ вольныхъ козакивъ тай стали крепакамы. Якъ тамъ кажуть: „у панивъ шыроки ворота входить, а узьки выходыть“,— такъ було и тоди: на якого пана земли жылы запорожци,— за тымъ ихъ и запысалы въ ревызію. Съ тыхъ козакивъ Биляивъ розвелось въ Биленькій стико, шо на собаку кынь, а Биляя влучишъ. Запорожци Биляи жылы ще, кажуть, въ *Велькому Лузи*, шо теперь Канкрынська плавня, въ урочыши *Холуюватоу*, шо супротивъ *Налывача*.

Дидъ мій, Трохымъ *Пазюкъ*, живъ землянкою тамъ, де теперь нименька слобода *Нызча Хортиця*, биля лыману; и его переселывъ въ Биленьку губернаторъ Матлашъ. „Иды, каже, диду, до мене въ слободу доживать вику“! Послухавъ дидъ, та ось и нашего роду розвелось тутъ чымало.

Тамъ ще, за Розумовкою, биля урочыщъ Биляя и Канивського и упяять биля Крутого Яру есть пискы, а на тыхъ пискахъ або люды жылы, або жъ військо стояло: скрызъ печыща, черепкы та маслакы. Тамъ находылы стрилкы вугласти, гвиздки, кули, креминня, а иноди и гроши, Богъ зна колышни.

Дѣдъ Макаръ Евдокимовичъ Пазюкъ, 76 л., с. Бѣленькое, Екатеринославскаго уѣзда, 12 іюля 1887 года.

населилась Капустянка (Блюменгортъ), Бабурка (Бурвальдъ), Устровикъ (Нейостервикъ) около 12000 дес. по 2 р. 50 к. за десятину“.

Въ переводѣ на серебро, земля куплена по 7 к., продана по 72 к. за десятину. Мы имѣемъ копію купчей, совершенной тѣмъ же тайн. сов. Миклашевскимъ 15 октября 1802 г., изъ коей узнаемъ, что до ставшаяся ему по купчей крѣпости земля отъ Ея Сіятельства графини Екатерины Васильевны *Литто*, при дачѣ Нижней-Хортицѣ, она жъ Любимовка, 12223 дес., продана имъ переселяемымъ изъ Хортицкихъ деревень 150-ти семействамъ меннонитовъ за 24 т. руб. ассигнаціями, при чемъ издержки 1230 р. 33 к. приняты Миклашевскимъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, земля въ количествѣ 12223 д., на наши деньги перешла меннонитамъ за 6227 р. 28 к. или, считая десятину въ 57 к., а съ расходомъ—въ 54 коп. серебромъ.

Я. Н.

Пески, о которыхъ упоминаетъ рассказчикъ, дѣйстви-тельно представляютъ интересную стоянку древняго чело-вѣка. Мѣстность эта осмотрѣна нами нѣсколько разъ. *Печища*,—это слѣды костровъ; они возвышаются то тамъ, то здѣсь на большомъ песчаномъ пространствѣ. По изслѣдо-ваніи открытыхъ песковъ отъ д. Разумовки до урочища Кру-того Яра и раскопкамъ кострищъ, оказалось, что всѣ они состоятъ изъ кучи золы, перемѣшанной съ обугленными ко-стями четвереногихъ и черепками. Тутъ же, вблизи кост-рищъ и вездѣ на песку,—разбросаны черепки глиняной по-суды. При раскопкѣ небольшого, усѣяннаго черепками буг-ра, нами найдена разбитая амфора тонкой работы, съ уз-кимъ горлышкомъ, двумя ручками, съ заканчивающимся ост-ріемъ доньшкомъ.

Кромѣ того, при осмотрѣ мѣстности 2 мая 1887 и 26, 27 марта 1888 года, около урочищъ Бѣляя, Канивського и Крутого Яра, нами найдено болѣе 10 наконечниковъ брон-зовыхъ стрѣлъ, нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ и такихъ же ножей, 2 свинцовыя пули грубой отдѣлки, несомнѣнно за-порожскихъ, нѣсколько ружейныхъ кремней. На пескахъ попадаются также мѣдный шлакъ, бусы зеленого и синяго стекла, кусочки мѣдной проволоки, кусочки закругленнаго на подобіе провоки, зеленого и синяго стекла въ родѣ изломанныхъ браслетъ, грузила красной глины, раковины рѣчныхъ и озерныхъ молосковъ (черепашки), наконецъ клы-ки дикаго кабана. Послѣдніе чаще попадаются вблизи ко-стрищъ, между костями другихъ животныхъ. Тутъ же, из-рѣдка, попадаются и человѣческія кости. Изъ монетъ намъ не пришлось найти ни одной, а найденныя ранѣе пастуха-ми, по рассказамъ разумовскаго старика Кирилла Коваля, сбыты въ свое время мѣстнымъ евреямъ-кабатчикамъ.

Повторяемъ,—пески праваго берега Днѣпра ниже ост-рова *Хортицы*, представляютъ обильную почву для науч-ныхъ изысканій.

Я. Н.

1 мая 1888 г.

---

15) Лысая гора, Крутой яръ и Канивськое. ¹⁾

Криница Андрея Первозваннаго.—Клады.

Лысу гору далеко выдно и зъ степу и зъ плавень. Веселе мисто! Глянешъ видтиль,—якъ на долони все—и Днипро, и плавни и слободы! На цій гори скризъ писчани кучугуры, та ямы, мовъ крипость яка! Въ одномъ мисти есть крыныця,—то, кажуть стари люды, выкопавъ якийсь пустельныкъ Андрей Первозванный. Въ стари годы тутъ были пуши вельки и винъ соби молывся. Потимъ на Лысій гори жылы запорожци, жывъ тамъ и мій батько, а потимъ почувъ, шо степъ ставъ панській,—винъ и перебрався хуторомъ въ *Велькый Лугъ*. Колысь було люди находятъ въ писку багато креминня, стремень, куль, (пуль), стрилокъ и всяке зализо. Це жъ все козацьке добро! А то разъ въ *Лысогорскій забори* рыбалка найшовъ кусокъ маслака, выдно зъ ногы, такой, шо въ тры пуда не вберещъ! ²⁾ Богъ его зна колышне воно и шо воно въ свити за людына або звирюка була!...

Жылы ще запорожци и въ *Крутому Яру*, шо биля *Лысой горы* и въ урочищи *Канивському*. Въ крутому Яру—лись, кручи и таке мисто затышне, шо Богъ его зна де вже такого и найты! Въ Яру и побия Яру запорожци, кажуть, всю зиму паслы табуны коней и скоть. У ихъ тутъ были и хаты, и землянкы, и садкы и пасикы. Уже слободы почалы селыться за Катерыны, уже видовсюды и козацтво перебралось въ Черноморію, а въ Крутому Яру ще багато оставалось запорожцивъ. Такъ въ землянкахъ и скалаталы останній викъ. Багатый и хлибосольный бувъ народъ! Полягло все, тико памнять осталась, та ще кажуть, допропа-

---

¹⁾ Всѣ эти урочища находятся между с. Бѣленькимъ и колоніей меннонитовъ—*Нижней Хортицей*.

²⁾ Кость эта (осколокъ бедра мамонта) доставлена намъ и передана въ Областной музей имени Поля въ Екатеринославѣ. *Я. Н.*

сты въ земли лежать нерушимыхъ кладивъ. Гроши де-яки люды находылы и розжылыся, тико таяться... Давно колысь въ Крутому Яру шось тужыло,—сумно було, а теперь сумують та тужать по козакахъ пугачы!...

Въ Канивському, шо одъ Яру, близче до Хортыцы,—и тамъ густый байракъ, и тамъ, розказують, есть клады. За Канивськимъ, близче до Розумовкы ¹⁾ на пискахъ, було багато печыщъ ²⁾, а бияя ихъ находылы здоровенни, червони тыквы; ци тыквы не похожи на наши: воны вышыною зъ аршынь або й бильше, зъ двома вушкамы, а дно гостре³⁾. Богъ его зна, якъ его и ставлялы люды на землю...

Дѣдъ Василій Ив. Джереливський, 84 лѣтъ, с. Подстенное (Царицынъ Кутъ), Мелитоп. уѣз., Таврич. губ., 10 января 1885 г.

---

16) Лысая гора и креница Андрея Первозваннаго.

Давно дило було,—ихавъ въ Кыивъ св. Андрей Первозванный Днепромъ. Ихавъ винъ одынъ, якъ палець, ихавъ тай прыставъ каючкомъ до Лысой Горы. Зійшовъ на гору,—глянувъ,—колы кругомъ лись, степъ та могылы и ни едыной души... Гарно, каже, тутъ, та жалко, шо людей нема... И ставъ мольться... Захотилось ему пыть, а видъ Днепра одійшовъ далеченько. Спустывся съ кучугуръ въ лись, копнувъ пидъ деревомъ—и полылась вода... Обиклавъ винъ ту крыныцю каминцямы и сказавъ: „Буде, колысь, зъ неи пыть мыръ хрещеный“... Пишовъ тоди до каючка, сивъ и помахавъ весломъ на пороги.

---

¹⁾ Дер. Разумовка, основанная послѣ 1778 г. графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ *Разумовскимъ*, послѣднимъ гетманомъ Малороссіи.

²⁾ Слѣды кострищъ.

³⁾ См. Урочище Бѣляй, ст. 5 (примѣч.).

Надъ ціей крыницею теперь стоить зрубъ и святять воду шо году на весняного Грыгорія ¹⁾. Вода въ крыници дуже цлюща и найбільше помага видъ очей ²⁾.

Дѣдъ Петръ Шевченко (Марченко), 65 лѣтъ, д. Разумовка, Екатер. у., 18 мая 1902 г.

---

17) Половица.

(нынѣшній Екатеринославъ).

Разсказъ 1-й.

(Изъ воспоминаній старухи).

Въ іюль 1873 года я экскурсировалъ въ окрестностяхъ села Ольгинскаго, Мариупольскаго уѣзда. День былъ жаркій. Усталый мучимый жаждою, я направился къ рѣчкѣ Волновихѣ, въ эту пору, правда, во многихъ мѣстахъ пересохшей, тѣмъ не менѣе обиловавшей камышемъ, осокою и другою болотною растительностью. Жажды я не могъ утолить: вода въ плёсахъ оказалась негодною; но отсюда, въ полуверстѣ, зеленѣли коноплянники, за ними—рядъ кудрявыхъ вербъ и нѣсколько хатъ села. Я ускорилъ шаги. Не доходя къ коноплянникамъ, я замѣтилъ живую фигуру, еще ближе—узналъ опирающуюся на палку старуху. Я къ ней. Поздоровавшись, усѣлся на зеленомъ склонѣ и вступилъ въ бесѣду. Первое мое обращеніе къ ней было—опредѣлить народныя названія собранныхъ растений и объяснить употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ народной медицинѣ. Дряхлая старушка оказалась глуховатою и плохо зрячею. Она узнала на ощупь аманъ, кермекъ, нехворощу, а остальные названія перемѣшала, признавъ нижму за деревей, шандру за „пахучую“ мяту и т. д. Уложивъ растенія въ капсулю и поблагодаривъ старушку, я собрался уходить, какъ вдругъ совершенно неожиданно нашъ разговоръ смѣнился, и мы изъ области ботаники перешли къ исторіи; на это вызвала сама старушка.

---

¹⁾ 23 апрѣля

²⁾ Отъ глазныхъ болѣзней.

— Видкиля ты сыночку?

— Сдалека, бабушка: отъ самого Днипра.

— Знаю Днипро; знаю... Може зъ Половыци?

— Нѣтъ, бабушка,—изъ Александровска, что вблизи Кичкасса.

— Це бь то зъ Московкы, шо крипость?

— Да бабушка,—оттуда.

— Знаю, знаю... Малою було, зъ батькомъ издымо Велькымъ шляхомъ позъ ту крипость въ Токмакъ ¹⁾.

— А Половицу, бобушка, знаете?

— Якъ же не знаты: росла въ ній, знаю ще, якъ зачынався тамъ городъ... Я сама родомъ зъ Пидгороднѣи, шо пидъ Самарью (Новомосковскі).

А сколько-жъ вамъ лѣтъ?

Багато, сынку: девъяносто шестый пишовъ видъ торишнѣи Покровы.

— Разкажите же, бабушка, что вы знаете про Половицу:

— Э, сынку, багато треба казаты:—нездужаю и забула уже багато. Служила я тамъ у козака нянькою ажъ тры годы. Тоди тамъ жыло запорозьке козацтво. Хаты у ихъ были вельки и мали, тико тоди планы были вельки: хата одъ хаты геть-геть, далеко,—гонивъ двос або трое. ²⁾ Огороды были одъ горы, де Соборъ, та ажъ до самисинького Днипра. По гори садкы были у каждого, а по нызахъ левады; въ левадахъ, було, росте каууста якъ видра, огиркы, соняшныкы, тютюнъ и всяка тамъ всячына... Слобода була чымаленька, и люды жылы все заможни ³⁾, багато малы скоту, коней, хлиба, сина, бжилъ ⁴⁾... По гори стоялы козацьки витряки ⁵⁾ и не таки якъ теперь, немецьки, а меньши, крыти очеретомъ. На Днипри,—тежъ водяни млыны на байдакахъ и було стукотять день и ничъ.

— А городъ, бабушка, когда начался?

— Городъ уже начався тоди, якъ генералы стали набигать ⁶⁾ у Половицу, а потимъ и Катерына проихала.

¹⁾ Село Тавр. губ., Берд. уѣзда. ²⁾ Гоны равны 120 саж. ³⁾ Зажиточные. ⁴⁾ Пчель. ⁵⁾ Вѣтряныя мельницы. ⁶⁾ Наѣзжать.

— А вы бабушка, видѣли царицу Катерину?

— Ни, сынку, не бачыла, мала була. Тоди не такъ було, якъ теперъ; тоди, було, насъ лякають панамы: було кажутъ: „Дывысь, панъ иде!“... „Дывысь, москаль зъ но жемъ“... Мы було, и ховаемось въ куцахъ, та бурьянахъ... Сказано, дурни булы, якъ телята...

— Какъ же городъ начинали строить?—разскажите!

— Це я мало знаю, бо мене скоро бятько взяли до дому. Тоди козаки кудысь перебирались, а у мого хазяина одибрато планъ пидъ городъ.

— Какъ-же, бабушка, прозывали вашего хозяина?

— Забула, серце: давно було дило.

— А когда городъ построился,—бывали въ немъ?

— Бувала часто, якъ скоро замижъ пишла: було, во зымо хлибъ, то такъ де-що продавать, або минять. За хлибъ бильше всёго минялы горшкы, мыскы, глечыкы.

— И хорошъ городъ былъ поначалу?

— Не дуже... Булы дома вельки и мали, було багато и землянокъ... По гори и въ балочкахъ—скризь, було, люды жывуть въ землянкахъ.

— Что-же, бабушка, хорошая была торговля въ городъ? Много людей наѣзжало?

— Хороша: багато було крамаривъ, перекупокъ, рашавцивъ.—Товаръ навозылы зъ городивъ.

— Какой-же тогда товаръ привозили?

— Всякый, сынку: тютюнъ, цыбулю, медъ, деготь, виски ¹⁾, пшоно, дныща, мотовыла, гребни, гребинкы, вытушки, повозкы, демыкытонъ, сытци, пистрю.

— А еще что?

— Та всяку всячыну, сынку: мазныци, тютюнъ, ярма, виски, деготь, медъ, набойку, сукно—(Старуха забывалась и часто повторяла предметы перечисленія).

— Какіе же, бабушка, люди тогда наѣзжали въ городъ?

---

¹⁾ Деревян. оси для повозокъ и чумацкихъ воевъ.

— Порекупкы съ Кременчука, крамари, чужоземци, паны... Народъ усе чудный на выду ¹⁾, одежда на ему не така и мова чужа,—сказано городъ... Було прыизжають одъ моря и пыкати ²⁾ татары верблюдамы, навозять виноградъ, яблука всяки... Страшни гаспидски ³⁾ вярблюды: якъ гляне на тебе,—такъ мовъ и хоче зъисты... Було якъ иде татарва зъ Крыму, то за тры версты чуть, якъ скрыплять не ма-зани колеса.

— А давно, бабушка, вы были въ Половицѣ?

— Давно, сынку, мабутъ годивъ съ пивсотни буде. Якъ обсилы диты, то уже бильше не доводилось издыть.. У Самарь (Новомосковскъ), було издю, а у Половыцю ни... Теперь уже такъ забралась, що и воронъ костей моихъ не занесе туды.

— А какъ давно, бабушка вы сюда заѣхали?

— Годивъ буде сорокъ. Заихала зъ зятемъ та зъ дочкою... Тисно уже стало и тамъ, такъ мы подалися въ нови слободы.

— А знаете, бабушка, какъ теперь называютъ Половицу— А чомъ же: люды называютъ Катеринославомъ, а мы, по старому, звемо—Половыцею.

На этомъ и закончилась наша бесѣда. Я далъ слово старухѣ заглянуть къ ней въ хату, но помѣшалъ мнѣ непредвидѣнный выѣздъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее уже не стало.

---

18) Половица--Екатеринославъ.

Разказъ 2-й.

9-го мая 1887 г. Екатеринославъ праздновалъ столѣтнюю годовщину. Въ десятитысячной массѣ народа можно было видѣть представителей городовъ и сель, видѣть людей всѣхъ сословій и національностей. Огромная площадь

¹⁾ По наружности. ²⁾ Полнолицые, мордатые. ³⁾ Дъявольскіе.

Преображенскаго собора и скверъ пестрѣли разнообразіемъ костюмовъ; горожане, по преимуществу, тѣснились у разукрашенной зеленыю и флагами эстрады, простой народъ, селяне—у памятника Екатерины. Въ толпѣ пришлого народа одни видѣли „царицу“ въ первый разъ, другимъ она извѣстна была и раньше; въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ и 78-лѣтній дѣдъ Мартынь Власовичъ Кравецъ-Заика, изъ с. Новыхъ Кайдакъ. Этотъ сгорбленный опиравшійся на палку, старикъ рѣзко отличался свою добродушною наружностью; къ нему многіе, въ такихъ-же свитахъ, обращались съ вопросами по случаю событія дня, многихъ, видимо, онъ удовлетворялъ поясненіями. Въ свою очередь мы сдѣлали попытку перекинуться словомъ; знакомство съ дѣдомъ завязалось быстро и черезъ 2—3 минуты мы уже вели оживленную бесѣду подъ тѣнью дерева. Изъ многихъ записанныхъ разсказовъ передадимъ слѣдующіе, посвященные Екатеринославу-Половицѣ и основателямъ послѣдней—запорожцамъ.

„Катернославъ спрежду звали Половыцею, бо такъ звали слободу, де теперъ городъ, а инчи звали его Невинчаною губернію ¹⁾. Давно, ще молодымъ, зайшовъ я зъ Таврії въ Херсонъ. Тоди уже въ городахъ почалы гроши личыть на срибло, а въ слободахъ, було, все на ассигнацію. Отъ ходю разъ по базару и бачу, перекупка продае груши. Почимъ, кажу, чашка? Копійка.—Сыпъ дви въ заполу. Высыпала. Я даю шага (грошъ).—Шо це ты даешъ?—каже: на срибло дви копійки.—Дежъ тоби, кажу, у биса взяты копіекъ срибныхъ: ихъ же кать-ма... „Вона розсердилась и пыта“: зъ якои ты губерніи?—Зъ Катеринославской, кажу.—А, це зъ Невинчанои... тымъ вы и счоту не знаете.—А вы, кажу,-розумни? У насъ въ губерніи тико одна балка Невинчана, а у васъ скризъ продають тютюнъ пиць церквамы. Взявъ и вернувъ ій груши.

¹⁾ У малороссовъ слово „губернія“ часто употребляется въ смыслѣ губернскаго города: „Издывъ въ губернію на ярмарокъ“. Визъ хуру (кладъ) зъ губерніи“.

— А за шо-жъ, диду, балку прозвали Невинчаною?

— Та все-жъ зате, шо колысь тамъ люды жылы не винчани. Попервыхъ городъ бувъ зовсимъ малый, то сюды було, и находятъ салдаты, салдаткы, бродягы всяки, кацапня... Инчий жинку, дитей кыне, инча—чоловика; ихъ ниhto тутъ не пытавъ: видкиль и хто. Въ норахъ, було, и калатають викъ. Народъ бувъ все голый та распутній... Покойный запорожець Берлымъ розказувавъ, шо у ихъ не було оцего поганого звычайю лаяться, такъ, якъ теперь: теперь мала дытына и та гне по матерщыни; все це зайшло до насъ видъ кацапивъ, съ тиен Невинчанои балкы. У запорожцивъ—„еретыый сынъ“, „еретыча душа“, „скурвый сынъ“, „копанка, або сто копанокъ чортивъ“—це найбильша лайка. Вони бильше черезъ цю лайку та распутство и перебралыся изъ Половыци въ Михайливку, та Краснополь.

Изъ старожиловъ Половыци, Кравецъ знаетъ, и то по разказамъ другихъ, извѣстнаго запорожца Коржа, повѣствованіями котораго, въ свое время, пользовались епископъ Гавріиль и Скальковскій ¹⁾. По его словамъ, вблизи Екатеринослава, въ степи, по направленію отъ литейнаго завода, есть двѣ большія могилы, извѣстныя подъ именемъ „Коржевыхъ“. Тамъ была и степь Коржа. Еще раньше, эти могилы, по его словамъ, назывались „Близницы“. Ихъ однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми двумя большими „Близницами“, которыя видны на степи Лоцманской Каменки.

Далѣе разказчикъ нашъ повѣствуетъ. „Въ Новыхъ Кайдакахъ умерла баба Иванчыха; їй було бильше 100 годъ. Розказувала, поксына, шо дивчыною вона бачыла царицю Катерыну... Тоди въ Новыхъ Кайдакахъ бувъ городъ, бувъ и земскый судъ, и вона тутъ и остановылась зъ своимъ хлотомъ ²⁾. Зъ Койдакивъ поихала въ Половыцю, а тамъ жылы сами запорозци. „Дай, каже посміюсь надъ нымы“. Вы-

¹⁾ *Гавріиль*.—Сочиненія т. II., „Устн. повѣств. быв. Запорожца Никит. Леонт. Коржа“ стр. 1—101 Москва 1854; *Скальковскій А.* Изустн. преданія о Новорос. краѣ. Журн. министер. народ. просв. 1838 г., июль, 1839 г. февраль.

²⁾ Флотъ.

брала десять чоловыкъ самыхъ усатыхъ, посадила за стиль и каже: „дайте имъ сметаны“. Поставылы дви здоровенни мыскы. Запорожци моргъ одынь на другого, а потимъ кажуть: „вельы намъ, мало, перше ¹⁾ подать полевой сметаны, шо Божа бжола наносыла, а тоди поимо и цю“.—„Добре, каже, подайте имъ мыску меду“. Выиы той медъ, понамазувалы вусы, позакручувалы ихъ за вуха и давай стебать сметану. Настебалысь—и вусы сухи. Глянула на ихъ Катерына и каже „молодци вы, запорожци: васъ ничымъ не проведешъ.“

---

19) Никополь.

Екатеринославскаго уѣзда.

Разказъ.

Спрежду на цимъ мисти, де теперь Ныкыполь, слободы не було, а жылы запорожци хуторами. По цей бикъ Днипра земля була козацька, а по той бикъ—турецька. Перевозъ тутъ бувъ съ поконъ вику. Де теперь скели на Днипри,—бувъ остривъ Орловый; его змыло водою; винъ бувъ великый и на ему, кажуть, було становыще (кошъ) сичовыхъ рыбалокъ. Жылы тоди рыбалкы и по надъ ричкою Лапынкою. Ныкыполь подилвся на куты: де теперь церква и лавкы—здавна зветься *мистечко*, дали вгору по Днипру, ажъ до Лысой горы, то—*Довгаливка*,—жылы запорожци Довгали; дали въ степъ—*Лапынка*,—прозвано по ричци Лапынци, а тутъ, бияя перевозу, де и моя хата,—*Мыкытыне*,—живъ багатый козакъ Мыкыта. Попервахъ и слобода звалась Мыкытыною, а якъ поставылы запорожци церкву,—назвалы поны Ныкыполемъ и звемо такъ по сей день.²⁾

---

¹⁾ Прежде.

²⁾ О Никополь въ „Географическомъ словарѣ“ Щекатова (IV) 658—59, изд. 1805 г.) находимъ слѣдующую справку: „*Никополь*, безъ уѣздный, вновь учрежденный городъ въ Екатеринославской губернии

У запорожцівъ Сичъ була въ Капулівци та въ Покровській (слободы), а въ Ныкополи було роздолля вельке; бувъ торжокъ, були шинки, пивча, попы, музыкы... Оце якъ набрыдне якому казакови сыдять у Сичи, то винъ отпроситься у кошового и гайда въ Ныкыполь гулять. Якъ тико въ слободу, такъ и поверта до Мыкыты. Тоди у козакнвъ были свои звичаи: здрастуй не каже, а пидъиде конемъ пидъ викно, тай гука:

- А пугу! пугу!
- Козакъ зъ Лугу!
- Базувлукъ!
- Соломаха та тузлукъ!

Цебъ то прыметивъ пугачъ до пугача (козакъ до козака) тай пыта хазяина: „шо ты есть за чоловикъ? (пугу, пугу?). А той зъ хаты: „Козакъ зъ Лугу“. А цей упьять: „а я козакъ зъ Базавлука!“ Тоди хазяинъ и просе гостя до господы (въ хату) хлиба-солы исты (соломахи та юшки зъ рыбы, або по казацькому—тузлукъ).

На другый день иде козакъ до церкви, отслуже молебень и каже попови: „Ну, панъ-отець—Богови Богове, а Кесарю—Кесареве!“ Выкыне на тарилку червонця и упьять до Мыкыты пыть,—гулять... Якъ пидгуляе,—выйде зъ хаты и гука: „а ну, коты барыло горилкы, давай пытцнвъ, спивакъ, музыкнвъ!... „Звисно,—народови того и треба: тико нара зъ рота, —туть тоби вродяться и пытци, и спиваки, и музыкы... Давай козакъ частувать, давай гулять... Дали якъ

и уѣздѣ, на западномъ берегу рѣки Днѣпра, при урочищѣ *Никитинъ перевозъ*, *Никитина застава* и *Никитинъ Рогъ* называемомъ, потому, что прежде жившіе тутъ запорожскіе казаки содержали черезъ рѣку Днѣпръ перевозъ и заставу; разстояніемъ отъ прежде бывшей въ славѣ *Запорожской Сичи*, что нынѣ Покровскимъ селомъ именуется, вверхъ по рѣчкѣ 7 верстѣ (въ дѣйствительности 20 в.). Указомъ Императора Петра Великаго заложена была противъ сего мѣста въ 1706 году крѣпость, называемая *Каменной Затонъ*, которая по заключенному при Прутѣ мирному договору разорена и мѣсто пустѣ было оставлено“. (Нынѣ многолюдное село Каменка).

загуде скрипка, бубонъ; якъ пиднимуть танци, спивы, гальясы...—такъ тоби и пиде все ходоромъ: куды запорожень. туды й челядь... Такъ гуля козакъ день, гуля два, гуля тыждень. Якъ вытресе кешени,—тоди скоче на коня и гайда въ Сичь...

Дѣдь Дмитрій Степановичъ Быковскій, 78 лѣтъ,
Никополь, Екат. уѣзда, 12 іюня 1894 г.

---

20) Село Аулы

Екатеринославскаго уѣзда.

Разказъ.

Наша слобода завелась пры Катерыни. Спрежду хать тутъ не було, а жылы запорожци въ землянкахъ по надъ горою и въ байракахъ, биля *Велького шляху*. Шляхъ ишовъ якъ и теперь, изъ Половыци¹⁾ горою по биля Романкова на Пушкаривку, Мышуринъ-Ригъ и дали ажъ до Кыева.

Биля Авуль, отъ степу, були байраки вельки, а видъ Днипра,—несходими плавни, рыбни озера та прогнои. Байраки звали по запорожцяхъ. Позаторикъ¹⁾ зрубалы *Мамракивъ* байракъ—це дида мого, Мамрака, кышло: винъ тамъ живъ. Дали жылы козаки: Чена, Хыта, Шкиль, Розанъ, Гарасько, Левъ; по ихъ прозвищамъ названо и байраки—*Чепынъ, Хытовый, Шкилевый, Розановый, Гараськовый, Левынъ*. Булы ще байраки *Круглый*,—въ Круглій бальци, *Глыняный*—въ Глыняній бальци, *Сухенький*—въ Сухій бальци, *Водяный*—надъ почтовымъ шляхомъ, де була казенна почта—въ Водяній бальци. Скризь жылы запорожци, якъ тамъ кажуть, „де вода та байракъ,—тамъ и козакъ“. Слободу осадылы запорожци: Бейгуль, Косатый Гнатъ, Свирныкъ

---

¹⁾ Такъ звали запорожскую слободу на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава.

²⁾ 1885 года.

Мыкыта, Пидустъ Клымъ, Мамракъ Васыл, Карабашъ Антинъ, Шульга, Тупасъ, Голубъ, Шапарь. Ихъ потомки въ и теперь багато въ слободи. Спочачку въ Авулахъ козакивъ було хочъ и мало, за те все багати, та працевыти. У Бейгула одного було пять млынивъ: тры витрякы и два водянихъ. Добре колысь було тутъ жыть: земли стико займешъ—стико и твоя; отъ и теперь¹⁾—гляньте на стари огороды: у ынчого десятинь десять левады зъ садкамы, у ынчого тры, пять, симъ, а по десятини мало и найдете, хйба у ледачого. У мене самого симъ десятинь огороду бйля хаты, та ще десятинь пять левады въ другимъ мисти. Оце, шо въ слободи озеро *Царынне*,—воно було колысь вельке и глыбоке, а кругомъ его була козацька царына,—хлыбъ рись якъ очереть.

Батько мйй—захожый козакъ зъ гетьманщины, а маты родылась тутъ,—вона Мамракивна, настоящего запорозького роду. Було покойна розказуе, якъ населялы слободу. Спершу почалы сходиться келебердяны²⁾,—прыйшло ихъ сюды возивъ сто съ семействамы: потимъ посунулы рашавци³⁾ поточаны⁴⁾, гончари зъ Опошни и Млынивъ⁵⁾, панськи утикачи⁶⁾, а потимъ уже якъ прыйшлы лывыны,—всю слободу запоганылы: народъ усе нечепурный, ледачый, задеракуватый та галдовытый⁷⁾. Головою тоди бувъ старый запорожець Мыринъ Шкыль, по улышному Любка, зъ Романкова, бо то слобода велька и давня, тамъ була тоди стара запорозька церква. Оце якъ почнуть було,—розказуе маты—люды бунтоваться, шобъ зигнать лывынивъ, то Шкыль осидлае коня и бижыть усмырять. „Не бунтуйте, каже, люды

¹⁾ 1889 г.

²⁾ Изъ мѣст. Келеберды на Дибирѣ, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи --бывшее сотенное мѣстечко Полтавскаго полка

³⁾ Мѣст. Рашевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавск. губ., на р. Пдѣ.

⁴⁾ С. Потоки, Кременчугскаго уѣзда, на Пдѣ.

⁵⁾ С. Опошня, Зеньковскаго уѣзда, Полтавск. губ. на Ворсклѣ; село Млины также гдѣ то въ Полтавщинѣ.

⁶⁾ Бѣлые. ⁷⁾ Колдуны.

добри, у мене е бомага видъ самои царыци, шобъ давать всимъ землю; бо запорожци зъ Чорноморіи бильше не вернуться“. Люды послухають Шкыля и прытыхнуть.

Оттакъ колы хочете знать, було спрежду....

Про —Шкыля, якъ вамъ розказать, такъ це бувъ багатый изъ багатыхъ запорожцивъ. Своему хазяйству винъ не знавъ и счоту, а грошей була несчыслыма сума. Гроши позычавъ чумакамъ корячкомъ. Було пытають: „колы жъ вамъ, диду, видать“?—„Якъ вернешъся, сынку, съ Крыму та вторгуешъ“.

Покойна маты часто було розказуе про царыцю Катерыну. Ихала вона, каже, стеномъ, а бияя неи, верхамы, сорокъ козакивъ; мижъ ными бувъ и ии батько, а мій дидъ Мамракъ. Прыихала вона въ Половыцю тай каже:

—Запорожци, добри молодци,

—Зъийте вы меду по ложци!

—Якъ твоя мылость, матусю, то и зъймо.

У ихъ булы вусы откохани, довги. Звелила вона поставыть ваганы меду и подать сажени ложки... Запорожци позакручували вусы за уха взяли ложки и давай одынь другого годувать.... Царыци засміялась и дала кождому по золотому.

Дидъ Мамракъ живъ бильше ста годъ. Якъ зигналы видсиль запорожцивъ, винъ продавъ все гапсомъ ¹⁾ и перебрався въ Чорноморію. Въ Романкови оставався племянникъ его и багато родичивъ, то було черезъ годъ, два и прыиздыть въ гости. У племянника его було чотыри сына. Разъ прыихавъ и давай пробувать, котрый годыться въ чорноморци. Посадывъ одного на лошака-неука—упавъ; посадывъ другого—упавъ, третього—и той упавъ. „Э,—каже племенныкови, яки-жъ воны у тебе никчемни... У насъ, було, прыймають въ Сичъ не такъ; у насъ, було, піймають дыкого лошака и велятъ сидать безъ сидла, безъ уздечкы, лыцемъ до хвоста. Хто проскоче степъ и вернетъця здоро-

---

1) Все что было вместе, оптомъ.

вымъ, той и козакъ! Посадывъ четвертого. Той взявся за гриву и пустывся стико видно. Гасавъ, гасавъ на тому лошакови, покъ уморывъ и вернувся до дому. Дидъ и каже: „Оцей годыться въ козаки!“

—Якъ мае охоту,—хай козакуе,—каже батько.

Посидлалы дидъ зъ унукомъ коней и подалися пидъ Черкеса. Тико ихъ и бачылы.

Э, колысь запроста жылось. Хаты робылы маленьки и де хто попавъ. Хранцузькой зимы (1812 г.) мени було симъ годъ, а на трынадцятому годи маты пошыла штаны. Тоди мода була водыть дитей въ довгихъ сорочкахъ и пидпиризувать мотузочкою¹⁾. Дивчаткамъ, було, инча маты дае запаску дванадцятого году, а инча воде въ одній сорочци, ажъ покъ хлопци не поклычуть на досвиткы... Хранцузька зима мени и теперь въ пам'ятку! Тоди снігомъ покрыло вси слободы, не видно було и крышъ. Люды вылазылы въ дымари и видкопувалы скотъ, сино и топыво. У кого багато було коней, овецъ, скоту—все выдохло. Кажуть хранцузьке вѣйско тоди стояло пидъ Москвою, а якъ прышкварылы морозы, воно поило всихъ кишокъ и подалося навтикы. Багато погыбло хранцуза зъ голоду и холоду, бо путной одежи не було, и ходылы въ черевычкахъ.

Дѣдъ Гаврило Карповичъ Карпенко (Рогаченко), 84 лѣтъ, с. Аулы, Екатеринославскаго уѣзда, 2 іюля 1889 года.

Б. Лѣвый берегъ Днѣпра.

21) Урочище Сагайдачное при Днѣпрѣ.

Преданіе.

Названіе получило урочище, какъ полагають сторожилы по имени запорожскаго ватажка *Сагайдака*. Интересный рассказъ о личности Сагайдака варьировалъ въ 1870-хъ

---

¹⁾ Вичевкой, шворкой, веревкой.

годахъ въ с. Вознесенкѣ, ближайшемъ къ урочищу, причемъ разсказъ основанъ на устномъ повѣтствованіи глубокаго старца, лично знавшаго Сагайдака. Передадимъ съ малорусскаго варіантъ, записанный отъ вознесенскаго старика Романа *Булата*.

Лѣтъ двадцать тому назадъ¹⁾,—говоритъ Булатъ,—мы ѣздили въ Крымъ чумаковать. Возвращаясь домой, мы остановились пасть воловъ вблизи слободы Конской²⁾. Развели огонь и стали варить кулишъ. Какъ въ это время едва передвигая ноги, приходитъ бѣлый, какъ мѣсяць, краснощекий старикъ.

— Здорово, чумаки!

— Здорово, дилу!

— Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Крыму.

— А живете гдѣ?

— Въ селѣ Вознесенкѣ.

— Знаю... Охота же вамъ чумаковать!... Такимъ молодымъ да здоровымъ людямъ можно бы и безъ того богатѣть!..

— Какъ такъ?

— Да такъ... Вы, вѣдь, живете вблизи урочища *Сагайдачнаго*... Тамъ столько денегъ, что не только для васъ,—хватило бы на двѣ губерніи...

— Какія же это деньги?

— *Сагайдака*... Вы слышали объ немъ?

— Про Сагайдака много разсказываютъ, но о деньгахъ не знаемъ...

— Да, у васъ говорятъ, но никто такъ не знаетъ Сагайдака, какъ я; не одинъ годъ жилъ я съ нимъ въ томъ урочищѣ, которое по имени его названо *Сагайдачнымъ*. Вотъ сто двадцатый годъ наступаетъ,—вымерли всѣ сѣчевыки, да и мнѣ уже близокъ конецъ. Вы молоды, объ уничтоженіи За-

---

¹⁾ Разсказъ записанъ въ маѣ 1875 г.

²⁾ С. Григорьевка на рѣкѣ Конкѣ. Въ народѣ сохранилось старинное названіе села по рѣкѣ.

порожской Сѣчи ничего не знаете, а вѣдь это было на моихъ глазахъ... Отобрала отъ насъ Катерина землю, имущество, деньги, войсковые клейноды... Кое-что пришлось припрятать въ землю, да мало... Разбрелись козаки, кто куда попалъ... Но скучно: нигдѣ не было уже той воли; вотъ посему, бывало, не одинъ козакъ и даетъ тягу по прежнему въ Запорожье. Такъ и мы съ Сагайдакомъ, оставивъ Сѣчь,— поселились на Украинѣ. Но не на долго. Разъ Сагайдакъ вспомнилъ бывшее и говоритъ мнѣ: „Не привычно козаку жить вмѣстѣ съ бабами: давай махнемъ къ Днѣпру.“ „Добре,—махнемъ,“—отвѣтилъ я. Сказали объ этомъ другимъ, а тѣмъ и на руку ковинька... Собралось насъ душъ сорокъ, посѣдлали коней и подались степью. Хорошо было тогда: ѣдешь, ѣдешь и рѣдко наткнешься на какой поселокъ, а еще рѣже на слободу: одна степь и только степь, поросшая высокой травой... Приѣхали къ Днѣпру, пустили лошадей вплавъ и очутились въ лѣсу, противъ *Хортицы*. Наскоро построили землянки и стали жить... Жили что-то долженько. Сагайдакъ былъ нашъ *ватагъ*, давалъ всему порядокъ, а мы ловили рыбу, пускались въ разѣзды. Разъ направились мы въ Польшу. Только что минули Кіевскую губернію, какъ тутъ войско царицы и изловило насъ восемь человѣкъ. Изловили и заставляютъ присоединиться къ войску. Думали, думали, что дѣлать?... Четыре заупрямилось, дошло дѣло до сабель, такъ ихъ взяли и повѣшали... Насъ же четырехъ „заплишили“ въ козаки. Такъ прошелъ годъ. Русское войско, въ числѣ 2000 человѣкъ, отправлялось въ Крымъ и насъ взяли для указанія пути. Подошли къ Днѣпру въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кичкасскій перевозъ, и войско начало наводить понтонный мостъ. Жаль мнѣ стало Сагайдака: я зналъ, что его коша не минутъ. Отѣхалъ я нѣсколько въ сторону отъ войска и пустилъ коня черезъ Днѣпръ. Въ то время, когда былъ уже на серединѣ рѣки, козаки войска пустили по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ... Далеко слишкомъ было, не попали... Переплывши рѣку, я выскочилъ на берегъ и поскакалъ чагарникомъ (кустарника-

ми) къ землянкѣ Сагайдака. Подтѣзжаю, когда дѣдъ дома, а съ нимъ и запорожцевъ челоуѣкъ десять возятся кто около сѣтей, кто около ружей... Я имъ и говорю: „Эй, батьку, и вы хлопцы, скорѣе уходите: на той сторонѣ москаль мосты наводитъ,—зайдетъ и къ вамъ“. Посхвачивались все съ мѣстъ, а Сагайдакъ и говоритъ: „Бѣгите, хлопцы, пригоните скорѣе дуба (лодку), а я тѣмъ временемъ управлюсь здѣсь“. Проворно скрылись козаки. Старый Сагайдакъ вскочилъ въ землянку, вынулъ изъ скрыни серебряные и золотые таляры, высыпалъ на двѣ кожи и понесъ на *Середнюю* скалу. Страхнулъ кожи и пошли деньги между камнями... Онъ тогда вынесъ еще боченокъ, да ведро съ деньгами и закопалъ вблизи скалы. Собрался дѣдъ уходить, бросился къ козакамъ, а тѣхъ уже и слѣдъ простылъ... Вскочилъ Сагайдакъ въ землянку и заперся.

Послѣ этого я сѣлъ на коня и поскакалъ до мѣста, гдѣ войско переправившись, должно выйти на берегъ. Сѣлъ около креницы (ключъ), вмокаю сухари и ѣмъ. Стало войско выходить, а маіоръ какъ подтѣжитъ ко мнѣ, какъ крикнетъ: „Ахъ ты сякой-такой измѣнникъ! ты уже отвѣдалъ и Сагайдака!...“ Да такъ шашку надъ головою и занесъ... Я оправдываюсь: „конемъ, говорю, пустился черезъ Днѣпръ по привычкѣ,—это мнѣ не въ первый разъ“... Тогда маіоръ скомандовалъ ѣхать копѣвать Сагайдака... Приѣхали москали обступили землянку Сагайдака... Бросились къ дверямъ—не отворяетъ; кричатъ, чтобы вышелъ,—не выходитъ... Стали брать силой, стали бить окна... Разсердился дѣдъ и началъ палить съ оконъ. Москали принесли соломы, напхали штыками въ окна и подожгли... Задушился Сагайдакъ отъ дыму, но къ москалямъ не вышелъ. Войско устроило здѣсь стоянку, вырубало часть лѣса, вырѣзало много скота и забравъ лошадей и припасы, ушло въ Крымъ.

Долго я еще служилъ въ козакахъ, а потомъ подался въ заброды (на рыбные заводы къ морю). Много лѣтъ рыбальчилъ я тамъ. Пришла старость. Прослышалъ я, что въ Конской доживаютъ вѣку товарищи, да и себѣ махнулъ къ

нимъ. Теперь изъ товарищей уже никого нѣтъ, да и я отживаю послѣдніе дни...

Стали отъѣзжать, а дѣдъ на прощанье и спрашиваетъ: „А шо, хлопци, після москаля вырись лись въ Сагайдач-нимъ, чи ни!“ „Вырись,“ отвѣтили мы.—„Э, теперь уже, якъ порубаете,—не вырасте никола.“ Поѣхали мы, а дѣдъ подыбалъ въ слободу, и больше мы его не видѣли.

На этомъ Булатъ и закончилъ интересный разсказъ о запорожскомъ ватажкѣ, давшемъ названіе урочищу.

С. Вознесенка, Александр. у., Екатериин. губ.,
9 мая 1875 года.

---

22) Рѣка Московка и урочища по ней.

Свѣдѣнія о сооруженіи крѣпости и заселеніи с. Вознесенки.

И ричка була глыбока, було звира, птыци багато и жылы тутъ запорожци. Московкою зветься Богъ его зна видь чога. Попервахъ и нашъ Олександривськѣ звалы *Московкою*, та его и теперь звать такъ городовыкы (полтавцы). Тутъ, по балкахъ, шо повыходылы въ Московку, жылы хуторамы запорожци; по ихъ прозвыщамъ балкы и теперь звуться. Балка *Гасанова*,—тамъ жывъ *Гасанъ*; *Дигтярева*—жывъ *Дигтярь*; *Капустянка*, шо выйшла въ Суху Московку—жывъ *Капустянь*; *Савосьчына* и *Таранова*, шо вйшли въ Капустянку,—жылы *Савоська* и *Таранъ*. Жылы ще тутъ запорожци Летючий, Зинчакъ, Гайдукъ, Карбула, Галычий, Нескреба, Самсыка, Кенебасъ та ще де-яки; воны въ городи и Покрову строиы¹⁾.

---

¹⁾ Покровскій соборъ въ г. Александровскѣ впервые построенъ Инженерною командою въ 1773 г., т. е. черезъ три года послѣ основанія „военнаго фурштата“; въ 1788 г. „за ветхостію“, онъ значительно былъ расширенъ и устроенъ вновь на средства „посадскихъ жителей и благотворителей“ въ числѣ коихъ преобладали запорожскіе казаки; въ 1887 г. соборъ разобранъ по ветхости и на томъ самомъ мѣстѣ заложенъ и сооруженъ новый трехпрестольный. Я. Н.

Якъ не було ще тутъ крѣпости (до 1770 г.), то въ плавняхъ и скрѣзѣ по надъ Московкою бувъ такий лѣсъ, лоза, та очереть, шо и звирь не пролизе, а якъ прыгналы сорокъ тысячъ лопатныкѣвъ копать валы (строить крѣпость),—воны его за одну зиму звелы. Годи, кажуть, зима була дуже люта: съ пидъ снѣгу выдно було тико верхы дубѣвъ.

Вознесенка теперъ велька слобода, а попервахъ тамъ було тико тры хаты запорожцѣвъ: *Нескребы, Гайдука и Лютючого* (Безроды). Якъ стали зъ городѣвъ (заселенныхъ мѣсть Полтавщины и другихъ малорос. губ.) приходять люды на заробиткы, то инчій послуже и йде до дому, а другый—облюбе мѣсто, зробе хату и останеться тутъ викувать. Такъ и слобода населылась. Спреджу слобода звалась *Нескребѣвкою*, потимъ—Вознесенкою, а въ двадцять семому годи (1827), якъ поставылы церкву,—стали ѣи батюшкы пысать Вознесенкою, стали такъ звать и люды, а Нескребѣвкы уже ниhto и не згадае ¹⁾.

Дѣдъ Василій Ив. Нагирній, 96 л., предмѣстье Александровска—Карантинка, 19 декабря 1884 г.

23) Рѣчка Кушугумъ.

(Александровскаго у., въ Великомъ Лугу).

Кушугумъ—рѣчка взялась зъ Московкы; вона узенька та глыбока була спрежду,—така вона и теперъ. Колысь по нѣй рѣсь очереть, якъ лѣсь, и водылысь бобры и видныхы

¹⁾ Изъ архивныхъ дѣлъ Покровскаго Собора видимъ, что въ 1781 году „вновь заселяемая за рѣчкой Сухой Московкой, надъ Днѣпромъ“, существовала „Слободка“ подъ крайне неустойчивымъ названіемъ: въ однихъ бумагахъ и росписяхъ она именовалась „Подгородней слободкой“, въ другихъ—„Слободкой Александровской“. Наконецъ по ревизской сказкѣ 1795 года она уже официально названа *Вознесенкой*. Деревянная церковь, во именованіе Вознесенія Господя, заложена 30 іюня 1823 г., а освящена 20 ноября 1827 г. Я. Н.

(выдры). Биля Кушугума, надъ кручамы, де теперь немецкый Шенвизъ (колонія), жылы колысь туркы; жылы воны, кажуть, въ ямахъ, якъ собаки: накыда туды бурьяну, травы, лыстя тай зимуе. Це давно діялось: якъ ще гряныця турецька була по Ориль—ричку. Тамъ, де теперь огороды и хаты Шенвиза, надъ Кушугумомъ, було турецьке и кладовыще. Запорожци, якъ зигналы турка,—поселылысь скрызъ по плавняхъ, де высоки гряды. У ихъ була велька сыла коней, скоту, а де-яки диды-сыдни дуже кохалысь въ бжолахъ. И козацьке кладовыще було, кажуть, въ кинци Шенвиза, по надъ Кушугумомъ, биля турецького ¹⁾.

Дѣдъ Вас. Ив. Нагирній (Москаленко), 66 л.,
предмѣстье г. Александровска—Карантинка, 19
декабря 1884 г.

24) Рѣки—Волчья и Конка ²⁾.

Ци ричкы были колысь глыбоки и рыбни, не таки, якъ теперь. По Вовчій, кажуть, въ стари годы, были и байраки³⁾ и очерета, а по Кинци,—самый чагарь,⁴⁾ та очереть. Звиру, птыци по цихъ ричкахъ, було выдымо не выдымо; було до пропасты и лыкихъ кабанивъ и козъ. Ричка Вовча прозвана видъ того, шо колысь, биля неи, въ тернахъ и въ степахъ плодылась сыла вовкивъ, а Конка,—туть ходылы

¹⁾ Слѣды кладбища и теперь замѣтны за меннонитской колоніей Шенвизе, надъ крутизной р. Кушугума. Въ подтвержденіе рассказовъ дѣда, меннониты, въ своихъ дворахъ, нерѣдко находили на глубинѣ 2—3 аршинъ турецкія и русскія монеты временъ Анны Іоанновны, Елисаветы и Екатерины II, а также мѣдные котлы, глиняные боклаги

²⁾ Первая въ Александровскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ, вторая, имѣя истокъ въ Александровскомъ уѣздѣ, служитъ границею губерній Екатеринославской и Таврической.

³⁾ Лѣса.

⁴⁾ Кустарники, мелкій лѣсъ.

табунамы дыки кони. Хочъ я и старый чоловикъ, а на своему вику не бачывъ дыкыхъ коней,—звалувалы¹⁾, а моему батькови и дидови запорожцеви, такъ тымъ вдоволь случалось и ловить ихъ! Вони, кажутъ, невелички, мышастой масти, за те швыдки, та дыки. Було верстивъ за десять зами-тять чоловика, тай навтики; а якъ піймають, було, запорож-ци,—дають сина, яке лучше, вивса,—не идять; тры дни тоби не истеме, здохне, а до рукъ не прелучышь²⁾. Розказуе, бу-ло, покойный дидъ,—якъ понаходять зъ степивъ вовкы, то дыки кони и позбигаються въ табунъ. Якъ тико почнуть вовкы пидходить,—кони позганяють лошагъ въ середыну, постають головами до купы, ногами до вовкивъ и одбыва-ються задомъ; а якъ инчий, голодный, напуге смилость пидскочыть—заразъ ему и поцытають зубы... Воно и наши кони такъ отбрыкуються одъ вовкивъ: чорта зъ два вытяг-нуть якого зъ табуна!

По цимъ ричкамъ, ще за Катерины, булы вольни сте-пы и жыло запорозьке козацтво, а якъ зійшли видси ь,—звалувавъ и звирь всякий, и птыця, и рыба перевелась... Ще на моему вику, зазнаю, багато разъ прыходылось ба-чыть бобривъ въ плавняхъ, лебедивъ, огаривъ, а по степахъ бабакивъ; теперь нема цего и помыну,—зостались тико ав-рахи. Аврахивъ скоро не зведешъ,—плодючий, лыхый звирь; винъ водыться такъ:—стико въ году недиль мясныць, сти-

---

1) Ушли, переселились въ другое мѣсто.

2) Не приручашъ.

и др. вещи. Въ концѣ 80-хъ годовъ, когда потребовались тысячи во-зовъ земли при постройкѣ „Механическаго и чугунно-литейнаго заво-да“ Т-ва „Ленъ и Вальманъ“, значительная часть крутизны обвалена вмѣстѣ съ истлѣвшими гробами покойниковъ и масса череповъ, не-сомнѣнно козацкихъ, пошла на уравненіе площади, занятой этимъ грандіознымъ промышленнымъ зданіемъ. Тутъ же, въ одной изъ пог-ребальныхъ ямъ, найденъ серебряный рубль 1762 года (Екатерины II) и, по счастливой случайности, попалъ въ руки И. Г. Ленъ. моне-та эта, какъ даръ г. *Ленъ*, передана нами въ Областной Музей Поля.

Я. Н.

ко кажна пара выведе и дитей. Бабаки бильши авраживъ и жылы на цылинныхъ степахъ; пился ихъ йдоси зосталысь маленьки могылкы, мовъ гробкы; пидъ ными булы колысь глыбоки норы бабакивъ. Колысь, було, прымичаемо: якъ на Явдокія (1 марта) свысне бабакъ, то буде рання весна.

Дѣдъ Васицій Ивановичъ Нагирній, 96 л. предмѣстье г. Александровска—Карантинка, 19 декабря 1884 года.

---

25) Велькый Лугъ.

(Разсказъ).

Спрежду въ Велькому Лузи жыло багато запорожцивъ, а пился того, якъ зигналы ихъ видсилъ,—осталысь тико стари диды. Чымало зосталось дидивъ, та все багати та хазяевыти; всего було у ихъ вдоволь: и скоту, и коней, и овецъ и бжилъ. Вони жылы бильше по надъ озерами, на грядяхъ и по кучугурахъ, видъ того теперь озеро та урочыща и прозвища мають *запорозьки*.

Якъ почалы дилыть землю панамъ, та пидъ слободы, то перше поризалы степъ по той (правый) бикъ Днипра, а потимъ и цей (ливый). На тимъ боци, пидъ *Лысою горою*, жылы запорожци—Джереливськый, Кавунныкъ и Посунько. Добре було имъ тамъ жыть, а якъ почуды, шо степъ ставъ паньскый,—взялы и перебралысь въ *Велькый Лугъ*. Тутъ вони и вику дожылы. Де—яки запорожци жылы бильше ста годъ на свити и булы мижъ ными вельки характерныкы ¹⁾. Джереливськый самъ кувавъ рушныци и умивъ заговорювать ихъ. Велькый охотныкъ бувъ винъ и не боявся ни тучи, ни грому; ему дыкый жеребець вухо откусывъ и якъ бы не злизъ на дерево, то и носа не було бь!

¹⁾ Знахари, колдуны.

Капканами ловывъ всякого звиря, а то разъ якъ нализло десятка пивтора вовкивъ въ капканы,—взялы и зытяглы ихъ въ Днипро...

Жылы ще запорожци Канциберы; ихъ було тры брата. Сылачи булы вельки! Одынъ зъ ихъ живъ съ симействомъ, мавъ вельку хату, а бия его кышла 1) було и запорозьке кладовыще 2). Теперь того кышла и кладовыща не зосталось и слиду,—змывъ Днипро. Грошовыти люды булы Канциберы!... Було идуть въ шынокъ, а за нымы народъ такъ и хыле. Выкотять бочку горилкы и давай гулять.... Нагуляються, наспиваються вдоволь, заплачуть шынкареви и гайда до дому. Жонатый Канцибера бувъ велькый галдовныкъ 3), загалдувавъ свои гроши, и ихъ никто не визьме.

Ще живъ тутъ запорожець Демьянъ Гужва; въ ему було 12 пудивъ вагы и бувъ винъ превелькый сылачъ. Зостарився дидъ и передъ смертію було все плаче.... „Чого вы, диду, плачете“—пытають люды. И почне дидъ розсказувать....

„Того я плачу, шо душа погыбша!... Я, каже, на своему вику убывъ и замучывъ чоловикъ съ пивсотни нагайцивъ.... Аджежъ и воны люды!... Було запорозькый табунъ выйде зъ Лугу въ степъ, то нагайва и займе. Мене тоди и посылають съ товариствомъ шукать. Оце найду табунъ, одному, а нагайцямъ головы познимаю.... Погани булы звычайи у басурменивъ, погани и у запорожцивъ. Було піймають нашего брата и ведутъ въ теренъ, розипнуть козака, попрыввязують руки и ноги до терну, тай кынуть на погыбель.... Лежыть винъ день, лежыть два, лежыть тыждень, погы отдасть Богу душу. До живого козака, було, и звирюка не пидступе!... Весною, погы дерево голе, глянешъ було въ теренъ,—лежать козацьки маслакы напрыввязи... За це жъ и мы не давалы бусурменамъ спуску... Не разъ я на своему вику и гайдамачывъ!... Якъ згадаю молодилита, то ажъ морозъ позашкурою пиде: въ тій крови, шо я прольывъ,—пирнувъ бы зъ головою и утопывся... Кинь у

1) Пепелища. 2) Кладбища. 3) Колдунъ.

мене бувъ якъ змій! Було якъ иду шляхомъ, то всякъ дае дорогу. При сидли у мене арканъ и якирець. Арканомъ, було, довлю турякивъ 1), а якиремъ перевертаю возы.... Тоди чумаки добре вшивали возы шкурамы, то я, було, смеркомъ, розжену коня, кыну веревку зъ якиремъ на визъ, смыкну до себе и—пишовъ визъ шкереберть.... Полягло багато душъ и видъ мого канчука.... Якъ згадаю це все, то мини и жалко, и страшно, бо прыйдеться Богу давати одвигъ“....

Було съ полудня якъ почне дидъ молыться, то молыться всю ничъ и всю ничъ гирко плаче. Плаче, було, та молыться и въ церкви. Якъ умеръ дидъ,—на горыщи зостався его канчукъ. Страшно було и глянуть: пужално 2) товсте якъ товкачъ, а на кинци вылыта куля 3). Цымъ канчукомъ якъ бы шморгнувъ разъ, то довго бъ не живъ...

Ще живъ запорожець Гайдукъ; цей бувъ характерныкъ и, за свое лукавство, мавъ багато злобытыливь. Разъ поихавъ винъ у слободу, а гайдамашня до его бабы: „Давай, сяка,—така, гроши!“ Мучылы, пеклы ии на сковороди, ажъ помы сказала.... Тоди за гроши и булы таки...

Ще жылы запорожци: Лебедь, Кривый, Балабанъ, Харько и Мусій. Теперь остальсь ихъ озера:—Лебедево, Крыве, Балабанове, Харькове и Мусіеве. Биля Лысой горы есть ще Мусіева забора, де козакъ рыбальчывъ и стоявъ куринемъ.

Ще живъ тутъ запорожськый коваль Меринъ. Оце було прыйде до его запорожець верхомъ, тай гука: „А ну лышень пидкуй мене, козаче!“ Самъ сыдыть на кони, а Меринъ нагріе пидкову тай пидковуе коня. Запорожець высыпе жменю грошей ковалеви и скака дали.

Ще живъ запорожець Васыль Глухой. Старый бувъ дидъ! Оце набрыдне сыдигъ въ хати, то винъ осидла коня и оббижыть кругомъ Кушугумивкы. Прыиде до двора, постое и опьять бижыть. Такъ до трехъ разъ. Якъ прыйде

---

1) Турковъ. 2) Кнутовище. 3) Пуля.

втрете, жинка визьме коня за поводы и веде въ двирь. Дидь тоди встане и иде въ хату, а жинка розсидлуе коня и ставе до ясель.

Жылы ще запорожци: Учорашній,—цей чумаковавъ. Сопильныкъ,—сирома 1), бияя ричкы Халуеватой,—рыбальчывъ; Дзензеха—сирома на Кушугуми,—и цей рыбальчывъ; Галя-козакъ,—де теперь урочыще Галене. Жывъ Шовковый козакъ и багатъ ихъ жыло по всему Великому Лузи. Скризь озера, гряды и инчи урочыща по плавняхъ Строганивськыхъ, Канкрынивськыхъ, Попова, Матлаша, Стрюкова 2) и инчихъ мають запорозьки прозвица, бо скризь тутъ булы козацьки осидлыща.

Запорожци булы таки: куда батько, туда и диты! Оце поставлять мышень и стриляють въ одну дирочку. Спуску не давалы!... Воны не боялысь ни огню, ни воды; яка-бъ не була буря, а воны на мори, або на Днипри, тико шапки маюрять. У насъ теперь, якъ прыстають до берега то кажуть: „пидтягны дуба“, а запорожцы казалы: „пидсушы дуба“.

Тетеря та медь—це козацька ида була. Тетерю варылы зъ борошна и зъ пшона. Оце тисто—вчыне, шобъ прокысло, тоди варе кулишъ; якъ тикы пшоно почне роскипать,—кыдае кисто и доварюе. Якъ готова тетеря, тоди розведе медь въ гарячій води, вкыне туды тетери и истъ, якъ кутю. Тетерю можна исты зъ медомъ холодну и гарячу. Хлиба печеного у запорожцивъ не поводылось.

Козаки ни въ чымъ не крылысь. Якъ иде куды,—куреня не запера. Вйдешъ въ куринь,—казанъ высить, пшона торба, борошно, вяла рыба, а у инчого и ваганы меду стоять. Хоть,—медь ижъ, хоть,—тетерю вары, або кулишъ. За ижу ничого не скажуть, а брать съ куреня—не беры: узнають—дадутъ кывъ.

Горилку пылы запорожци не чаркамы, якъ мы, а деревьянымы корячкамы, зъ двома ручкамы: одна—зроблена

1) Бѣднякъ, убогій.

2) Рассказчикъ перечисляетъ дачи нынѣшнихъ владѣльцевъ Великаго Луга: графини Строгановой, графа Канкринна, Попова, Миклашевскаго и Струкова.

конькомъ, а друга—кильцемъ. У ихъ не було моды частуваться, а хто схоче,—налье корякъ зъ боклага и хыле на здоровья.... У богатыхъ була мода держать горилку въ милдлыхъ казанахъ. Оце вѣйшовъ въ сины,—казанъ стоитъ зъ горилкою, а на казани высѣтъ корячокъ. Хто схоче, бере корячокъ и пѣе. До инчого, було, якъ увиходышь въ хату, то трубки не несы,—оставляй въ синяхъ: въ хати богы (иконы). Люлешныкивъ у ихъ бильше було, нижъ нюхаривъ, а такихъ, шо не вжывалы тютюну, и совсимъ мало; ихъ дражнылы „святымы“, бо воны и горилкы не пылы.

У инчихъ за для зимы были теплы хаты, за для лета—курени, а инчи—лито и зиму жылы въ куреняхъ. Курени были велики, а щобъ тепло було, козакъ наносе лыстя, сина, простеле повсть, натягне на себе кожухъ, тай спыть. Хочъ якый морозъ,—ему байдуже....

У инчихъ, шо жылы семействамы, были хаты, тико жонатыхъ не багато було. Въ куреняхъ и хатахъ у каждого богы (иконы), наибильше Мыкола, або Покрова, а по стинахъ та стеляхъ—рушныци, пистоли, спысы¹⁾ и жерткы зъ одежею.

Катерына якъ стакувала Сичъ, то багато козакивъ пишло за Дунай въ Турецыну, а де-яки сиромы зосталысь. Ни до кого прыхылыть головы, то воны, було, и жыуть въ Велькому Лузи. Сегодня до тебе прыйдутъ, а завтра до мене, а тамъ до третего кого.... Наибильше йшлы до Ивана Джереливського: той николы, було, не выпусте голоднымы. Прыйдутъ до его, тай просяться: „Пусты, диду, спочыть!“ „Спочывайте, люды добри!“,—одвите имъ дидъ. Годуе ихъ день, годуе два, годуе и бильше, а воны все спочывають. Було пошле хлопця: „Бижы, хлопку, подывысь, шо бурлакы роблять“. А ихъ чоловика десять, або й бильше зберуться, тай лежать соби за загонамы на синови. Вернется хлопецъ, дидъ и пыта: „А шо“?—„Воши бьюты!“ — „Ну, ще, каже, будутъ жыть“.... Черезъ день, другой опьять посылае. „А шо теперь роблять?“ — „Латаються!“ „Ну, теперь, каже, скоро

1) Конья, шки.

пидуть“. Такъ, на его мову и выходе: облатаються, подякують и идуть зъ Богомъ.

За запорожцивъ, та ще и за моеи памъяты, въ Велькому Лузи и въ степу багато звиря було всякого, багато и птыци. Степъ, де ричкы Терса, Солона, Бовча, Гайчуръ и инчи,—тоди звали *Дыкымъ степомъ*. Тамъ бабакивъ було бильше, нижь теперь аврахивъ. Ото шо зостались на цылини густо могылкы невелычки,—то ихъ скоты 1) булы. Бабакъ завбильшкы, якъ китъ; на зиму замерзавъ, а на Явдокии 2)—выскаче, було, зъ норы и свысне. Ото значыть на двори весна. Видъ норы бабакъ далеко не заходывъ, звирь бувъ хочъ и хытрый, та смырный,—не кусався. Якъ стали селыться слободы въ степахъ, стало тисно и бабакамъ!... Звалувалы 3) вони видсиль въ тридцятихъ годахъ.

Ще булы, кажутъ, дыки кони и дыки свыни, та мени ихъ недовылось бачыть: пе ще було за запорозцивъ. Булы ще барсукуы, видныхы 4). Видныха невелычка, якъ шашча 5), жыла въ води, а иноди вылазыла на берегъ. Булы бобры—и ти скоты робылы соби въ води. Бобривъ и я бачывъ на своему вику чымало: все, було, таскають хмызь 6) у воду. Дыки козы и теперь есть въ плавняхъ, та мало, а була ихъ сыла! Вони люблять пастысь тамъ, де мочарь 7), та дыкый хринь. Дыка коза обзывается безъ протягу, тико *меээ!*, а цапъ тежъ коротенько: *хавъ, хавъ, хавъ!*

Зъ дыкои птыци було багато голубивъ: водылысь по лисахъ, та по скеляхъ. Дыки гусы, лебеди, журавли. Вони есть и теперь, та мало. Водылысь ще огари, тетервакы 8), бакланы. Теперь тетервакивъ нема и помыну,—змандрувалы 9), а бакланы й доси есть, та ридко и то бильше на порогахъ 10). Вони чорни, сидають на каминняхъ и забо-

---

1) Норы. 2) Евдокия—1-го марта. 3) Ушли, сбъжали. 4) Выдра. 5) Порода мелкихъ собакъ. 6) Хворостъ. 7) Мокрая, топкия, покрытыя сочной травой мѣста, близъ озеръ и рѣченкъ. 8) Тетеревъ. 9) Безвозвратно улетѣли, перекочевали въ иной край. 10) Можно видѣть ихъ на Волнигскомъ и въ особенности на Ненасытецкомъ Днѣпровскихъ порогахъ.

рахъ середь Днипра, де мало людей. Колысь було багато деркачивъ 1), а теперъ и тымъ миста мало. Не густо теперъ и качокъ 2) стало, за вражымы стрильцямы...

Рыба яка була тоди, такъ есть и теперъ, тико їи не зосталось и сотои частыны: выловлюють, не дають выросты. Встарыну цего не водылось. Було стари люды кажуть: „Ловить, хлопци, рыбу, та не переводьте, бо грихъ“! Такъ було и робемо: наловымъ рыбы и котра велька—беремо, котра мала,—геть їи въ воду: нехай росте. А теперъ шо? Теперъ не розбирають, чы велька, чы мала,—налове їи повозку горою и везе продавать на корякъ... Продавъ,—добре, не продавъ—вывернувъ їи въ провалля... Оттаки теперъ люды стали! А ще їи бидкаються: „Рыбы мало“, „рыбы нема“!..

Встарыну ще їи лисъ бувъ густый по плавняхъ, дубы товсти та гильчасти, осокры, лоза непролазна, терны, груши, а по озерахъ очерета, окуга, осока. Теперъ якъ глянешъ—мовъ не той и край: все попсовано, та сплюндровано 3).

За запорожського уряду 4) багато водылось пугачивъ: булы воны по всихъ байракахъ, була ихъ сыла по скеляхъ на Днипри, а ще бильше въ Велькому Лузи. За годъ передъ тымъ, кажуть, якъ зруйновано Запорожжя,—пугачи крычали день и ничъ. Воны чулы козацьку недолю, чулы и свою, бо якъ пишла земля въ роздилъ, та стали рубать лисъ, то пугачамъ миста не стало. Про це есть козацька писня, дуже жалибна на голосъ.

Ой не пугай, пугаченьку,
Въ зеленому байраченьку!
—Ой якъ мини не пугаты,
Шо хотять байракъ вырубаты,
А мини нигде та прожыты,
Нигде мини гнизда звыты,
Малыхъ дитокъ выглядиты...
Тай запугавъ пугаченько,
Въ зеленому байраченьку...

---

1) Коростель. 2) Утки. 3) Вырублено, уничтожено. 4) Порядка.

Після запорожцівъ, Великій Лугъ и степь достались графини Шкавронській, Балабыну, Попову и инчимъ панамъ. Де живемо мы,—ця плавня и степь булы Шкавроньскои. 1) Степу було стико, шо за литній день конемъ не обѣдешъ. И степь все цылинный: одна тырса сывила якъ дымъ, та ще де--не-де кущи терну. Сказано—*Дыкый степь*: Добра була графиня Шкавроньска! Въ Великому Лузи при ній доживалы вику запорожци вольно. Оце займе казакъ яке схоче озеро, стико схоче лису, синокосу и владіе:—це его подилокъ 2). За подилкы тоди платылы пусти гроши. Подилкы ще и теперь прозвыща мають запорозьки: де який живъ,—того и урочыще. Диты запорожцівъ не мынулы панщыны: За Шкавроньскои и панщына була не страшна: робылы ій, робылы соби и булы багати 3). Шкавроньска выйшла замжъ за графа Лыта 4); вона була якась родычка Потемци. Оце, було, якъ идуть іи пидводы черезъ

---

1) Послѣ 1781 г., племянница Потемкина, статсъ-дама Двора Ея Величества, графиня Екатерина Васильевна Скавронская (рожд. Энгельгардъ) получила въ даръ 35000 д. земли въ Александровскомъ у. Екатер. губ., съ населенными „государевыми слободами“ Консководовкою (официально—Ново-Григорьевка, основ. Потемкинымъ), Краснокутовкою (Мало-Екатериновка), Кушугумовкою (Больше-Екатериновка). Мужское населеніе этихъ 3-хъ слободъ состояло изъ 749 душъ. Вѣроятно не менѣ получила она земли и въ смежной, черезъ рѣку Конку, Тавричesk. губ., гдѣ ею основаны деревни—Царицынъ-Кутъ, (Подстешное), Веселая и Хитровка (Арх. Покров. Собора и Алекс. Предв. Д-ва).

2) Участокъ, выдѣленный въ арендное пользованіе.

3) Изъ дѣла о бѣглыхъ и непослушаніи крестьянъ за 1824 г. видно, что крѣпостные графини, вмѣсто барщины, платили оброкъ по 10 р. ассигнаціями въ годъ съ рабочей мужской души (2 р. 86 к. на серебро); затѣмъ въ 1824 г., по собственному желанію, согласились замѣнить оброкъ барщиной (Арх. Александровск. Пред. Д-ва).

4) Литто, графъ Юлій Помпеевичъ, всѣхъ Императорскихъ и Царскимъ орденовъ кавалеръ, въ званіи камергера Двора Ея Величества (Тамъ же за 1835 годъ).

Кичкасъ 1), то лощманы и крычать: „царьски пидводы, царьски пидводы! Давайте скорише пороны!“ Ци пидводы узнавалы по возахъ, та по волахъ: сирѣ, здоровѣ та крутороги...

У графа Лыта дитей не було, а якъ умерла графыня (1829), а потимъ и винтъ, то людямъ доводилось быть вольными 2); колы це десь въ Венгеліи 3) чы що найшовся наслідныкъ. Вони почалы бунтоваться, почалы переходить съ семействамы въ Комышовоаху и инчи вольни слободы, а де--яки посылалы полномочныхъ до кошового Гладкого, шобъ прійнявъ въ запорозьки козақы. Гладкый отказавъ 4). Управытелемъ бувъ тоди панъ Лыстовскый. Давай винтъ нысать у Петенбурхъ, шо люды бунтуються, шо не вирують у Бога и не мають иконъ... Якъ понанзжало судывъ, якъ почалы перебирать... Досталось тоди выноватому и правому, досталось и лози 5)... Потимъ съ Петенбурха якъ понасылалы тихъ иконъ, такъ незналы де ихъ и чеплять...

Оттаке то, чуєте, було колысь! Де шо мини розказувала покійна маты, — вона була запорозького роду, — де шо я бачывъ и самъ на своему вику.

Дѣдъ Никита Джигиръ, 88 лѣтъ, д. Кушумовка, Александровск. у., Екат. губ., 5 декабря 1887 года.

---

1) Паромная переправа на Дибрѣ при древнемъ урочищѣ Кичкасъ (нынѣ менонитская колонія Екатериносл. уѣзда).

2) Графъ Литто умеръ 24 Января 1839 г., оставивъ 23942 дес. земли и 1436 душъ крестьянъ мужского пола (Арх. Алек. Предв. Д-ва за 1839 годъ).

3) Въ Италіи.

4) Вѣроятность этого разсказа подтверждаетъ „Дѣло за 1840-й годъ о неповиновеніи крестьянъ умершаго графа Литто законной власти“. Въ качествѣ уполномоченнаго съ ходатайствомъ къ Наказному Атаману бывшаго въ то время Азовскаго Казачьяго Войска (Запорожци, выведенные изъ Турціи въ 1828 г.) Осипу Михайловичу Гладкому, былъ посланъ крестьянинъ дер. Кушумовки Афанасій Грецай (Арх. того же предвод. Д-ва).

5) Лозы много истреблено на розги.

26) Городище въ Великомъ Лугу.

Находки древностей.—Воспоминаніе о бѣглыхъ.

За запорожцивъ плавню звали *Велькымъ Лугомъ*, а якъ пишла земля въ подиль, про Велькій Лугъ и забулы,—згадають тико стари люды.

Въ плавняхъ Попова есть городище, котре мы звемо *вельке*, а на пять верстъ дали, въ плавняхъ Бродского 1), — *мале*. На обохъ городищахъ жылы колысь туркы, а потимъ запорожци, бо йдоси въ земли находятъ багато людськихъ головъ и трупы 2). До велькой воды въ сорокъ пятому годи (1845), вельке городище було довге и шыроке, а те-перь его и четвертой часты нема,—знесло водою. Шо году, якъ прыбувае вода весною,—воно стоитъ мовъ остривъ. Тутъ люды находылы черенкы посуды, маленьки горшечкы, а годъ двадцять тому назадъ, чоловикъ выкопавъ невеличку мидну вазу. Выкопавъ, тай продавъ шынкареви. Находылы тутъ и гроши срибни, тоненьки та довги. За старыхъ годивъ найшовъ и я разъ шагивъ зо тры, мидныхъ, а мижъ нымы одынъ съ хрестомъ по середины.

Въ трыдцятыхъ годахъ, коло велького городища и въ плавняхъ Матлаша (Миклашевскаго) жыло багато паньскихъ утикачивъ 3). Тоди люды тикалы отъ лютыхъ панивъ, а найбильше отъ лютыхъ прыказчыкивъ 4), котри знуцалысь надъ нымы. Тикалы по одному, тикалы и симействамы. Тутъ булы лозы, очерета, терны несходыми, а въ такыхъ пушахъ булы ихъ курени и землянкы. Утикачи и всяка бурлашня, жылы тутъ лито и зиму. Якъ выпаде, було, холодна зима, то бабы зъ дитьмы и просяться до людей въ слободу, а мужыкы такъ и пропадады на двори. Розведуть, було, огонь бия куреня, тай гриються день и ничъ. Тутъ

1) Городище это на дачѣ удѣльнаго вѣдомства, бывш. Бродскаго.

2) Человѣч. костей.

3) Бѣглыхъ.

4) Управляющихъ.

утикачи жылы, тутъ диты родылысь и женылысь. Въ слободу не показувалысь: боялысь. Бувъ у ихъ и свѣй пипъ, изъ утикачивъ. Було якъ жене инчій сына, або дае замижъ дочку, то ѳ клычуть того попа. Винъ обведе молодыхъ кругомъ дуба трычи, проспива „отче нашъ“,—отъ и все винчанья... Промижъ утикачама багато було шевцивъ, пряхъ. Изъ слобидъ носылы шыть кожухы, свытки, чоботы. Шылы добре и дешево. Добри булы и косари, молотныкы зъ ихъ. Инчи утикачи тутъ и викъ свѣй зжылы. Вони люды булы таки жъ, якъ и мы, жылы тыхенько и шкоды, або разбою не робылы. Жылы убого, хлибъ бралы у людей на одробитокъ, або минялы за рыбу.

Оттакъ, чуєте, жылы люды до воли...

Дѣдъ Макаръ Евдокимовичъ Пазюкъ, 76 л.,
с. Бѣленькое, Екатерин. у., 12 іюля 1887 г.

Большое городище расположено на низменной равнинѣ Великаго Луга, поросшей вербою, лознякомъ, камышемъ и бурьянами. Съ юга, въ нѣсколькихъ шагахъ,—рѣчка *Лопушка* или *Лопуховата*, а затѣмъ, вблизи, почти со всѣхъ сторонъ, много озеръ и болотъ. Отъ Днѣпра отстоитъ въ 3-хъ верстахъ, отъ материка—въ 15-ти. Ближайшее къ нему село, черезъ Днѣпръ справа,—Бѣленькое,—въ 7-ми верстахъ; слѣва с.с. Скельки—въ 15-ти,—Маячка—въ 18-ти и Васильевка—въ 25-ти. По изслѣдованіи нами городища 15 августа 1901 г., оно имѣло въ длину 340 шаговъ, въ ширину 120, въ окружности 760. Положеніе—съ востока на западъ, при чемъ съ восточнаго конца нѣсколько шире. Грунтъ—глинистый. Южный склонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обрывистый и изрытъ кладоискателями. Тутъ попадаются человѣческія кости и фрагменты грубыхъ керамическихъ издѣлій. На городищѣ двѣ экономическія хаты и па-

сѣка. По строенію грунта городище это, надо полагать, въ отдаленную эпоху примыкало къ материку.

Говоря о рѣчкѣ Лопушкѣ, старожилы вспоминаютъ, что еще въ 1850-хъ годахъ она была судоходна и въ весеннее время служила кратчайшимъ сообщеніемъ р. Конки съ Днѣпромъ. По ней, говорятъ, всегда проходили плоты, слѣдовавшіе на лѣсныя пристани у селъ Васильевки и Скельки (Попова), на р. Конкѣ.

Я. Н.

---

27) Шпыль-гора надъ Великимъ Лугомъ.

Потемкинъ объявляетъ запорожцамъ черезъ уполномоченнаго генерала о выселеніи на Днѣстръ.

(Преданіе).

Одѣ слободы Кушугумивки ажъ до *Сухой* балки протяглась *Шпыль-гора*. Розказували стари люди, шо якъ задунавъ Потемка зигнать запорожцивъ, выславъ генерала зъ вѣйскомъ на Шпыль-гору и давай подыхать съ холостыхъ пушокъ въ *Кучугуры* ¹⁾. Тамъ, кажуть, ихъ бувъ станъ. Запорожци посидлалы коней и вси сорокъ тысячъ выскочылы зъ *Велького Лугу*. Кожда тысяча стала особо, а попереду ватагы такъ и загралы киньмы. Генералъ обвивъ вѣйско очыма и каже: „Ну, братци, збирайте свое добро та выходьте на Днистрови лыманы, бо тутъ будутъ селыться слободы“. Повисылы запорожци головы тай подалися до куренивъ... „Бодай, кажуть, Потемко, твои диты стико заслужылы, якъ мы у тебе!“

Запорожци, кажуть, якъ выходылы зъ Велького Лугу, то прощались: „Прощай, батьку, Велькій Луге! не звелы мы тебе,—не зведе ништо, погы свить сонця!“

---

¹⁾ Песчаные бугры въ Великомъ Лугу, верстахъ въ 20-ти отъ Шпыль-горы.

Такъ думалы запорожци, та не по ихнему выйшло: земля пишла въ подилъ, и за старыхъ панывъ лисъ держався, а якъ насталы молоди—все вырубалы, все пишло дымомъ. У инчихъ панськихъ плавняхъ по десять годъ и бильше рындувалы лисъ яврей и палылы на вугалля, а теперь одъ того лису и слиду не осталось: все понсовано, та сплюндровано ¹⁾.

Дѣдъ Авксентій Федор. Орелъ, Кушугумовка, Алекс. у., 28 декабря 1885 г.

---

28) Бытый запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу.

А.

Въ нашихъ плавняхъ есть два озера—Лебедево и Балабанове ²⁾, а промижъ ними колысь лежавъ *Бытый шляхъ* черезъ Великий Лугъ; надъ шляхомъ, по праву и по ливу руку стоялы два *Баштовыхъ дуба*. Якъ зруйновалы Запорожжя, дубы ше довго стоялы, а шляхъ зарисъ травомъ и лисомъ. Товсти булы дубы! Покійный дидъ було розсказуе, шо якъ не чотыри чоловика, то и не обхватять дуба. А гильчасти яки! Одъ дошу можно було сховать цилу чумацьку валку!. Чого вони прозвани Баштовыми—Богъ его зна, а тико казавъ покойный дидъ, шо пидъ ними, було, збираються запорожци на сходку зо всего Великого Лугу. Отъ тыхъ дубивъ шляхъ, кажуть, ишовъ плавнею скризъ

---

1) Вырублено, уничтожено.

2) Оба озера въ плавняхъ графа Канкринна.

до Кучугуръ 1) и дали, де тико жыло запоризьке вѣйсько, ажъ до Мыкытыного (Ныкопольского) перевозу.

Дѣдъ Петръ Стогній, 70 л., д. Краснокутовка, Александров. у., 17 января 1888 г.

---

29) „Баштови“ дубы и могилы.

Б.

Баштови дубы булы билия озера Лебедевого, а потимъ дали верстовъ на шисть—на Велькій гряди, шо видъ межѣ пана Попова, билия *Кучугуръ*. На цихъ дубахъ, кажуть, запорожци становылы якисъ высоки *башты*, а на ихъ выкыдалы огонь 2), шобъ склыкать козакивъ ночной добы. Билия дубивъ, кажуть, жыла цила бурса 3) козакивъ. Оце якъ прыйде звистка яка видъ кошового, або повертаются козаки зъ розъязду, то и склыкають товариство, шобъ розсказать, шо бачылы и чулы. Побилия дубивъ, кажуть лежавъ бытый шляхъ черезъ увесь Велькій Лугъ. Тамъ, де слобода Янчакракъ, черезъ Кинку, бувъ татарскый мистъ, одбытый козакамы.

Запорожци жылы и по степахъ. Оце якъ блысне огонь, въ Лузи на дубахъ,—то заразъ и свитять на могилахъ: *Безсчастній* 4), *Градыци* 5), *Юрківській* 6), *Караватчынній* 7) и инчихъ,—бо и могилы булы *баштови*. Такъ, було, и залопотять запорожци киньмы туды, видкиль вперве зоглядять огонь.

Дѣдъ Арсеній Черноволъ, 97 л., д. Кушугумовка, Александр. у., 5 сентября 1888 г.

---

1) Кучугурами рассказчикъ называетъ высокіе бугры, разбросанные на огромномъ протяженіи Великаго Луга, начиная съ плавень Попова.

2) Несомнѣнно, рѣчь идетъ о запорожскихъ *фигурахъ*, служившихъ сигнальными знаками.

3) Вагага, отрядъ.

4) и 5)—Обѣ близъ с. Григорьевки на р. Конкѣ, съ правой стороны.

6) Съ лѣвой стороны р. Конки, въ Мелит. уѣз., Таврич. губ.

7) На степи Н. А. Капустина, Александр. у., верстахъ въ 30-ти отъ Великаго Луга.

30) Протоки, озера, гряды въ Великомъ Лугу.

Дача с. Петровскаго-Балабина, графини Ан. Дм. Строгановой.

Балабынова яма (озеро),--тутъ Балабынъ (первый владѣлецъ) купався.

Закитне Мале и Закитне Вельке—це озера.

Орихове озеро—орихы растутъ въ води; вони угласти; исты можна и добри, тико треба варыть.

Переваля озеро—вода перевалюється зъ Днипра весною черезъ писчану гряду.

Лукновате озеро—лушно, куширъ, то-що (водоросли).

Цымбале озеро—живъ запорожець Цымбалъ; тутъ его бувъ подилокъ (угодые, взятое у владѣльца въ продолжительное арендное пользованіе).

Шаварене озеро—подилокъ запорожця Шавары.

Трыгубивське озеро—запорожця Трегуба.

Сухыныне озеро—тамъ живъ Сухына запорожець.

Перелетне озеро—запорожця Перелета.

Колядчене озеро—Колядки запорожця.

Тарасивське озеро—Тарасыка запорожця.

Бережнивське озеро—Бережного запорожця.

Шкварцивське озеро—Шкварця запорожця.

Кононове озеро—живъ запорожець Кононъ.

Домаха озеро—не докажу видъ чого прозвано. Тутъ живъ запорожець Ткачъ.

Брылыкъ озеро—по запорожцю Брылю.

Бандурине урочище—живъ запорожець Бандура. Було вельке озеро, а теперъ пискомъ засыпано, осталось плесо.

Самсычене озеро—живъ запорожець Самсыка.

Левкове озеро—живъ запорожець Левко.

Ричыще,—вода заходе зъ Днипра.

Воронцивъ кутокъ — урочище, де живъ запорожець Воронецъ.

Петляне озеро—живъ Петляный козаць. Литъ 50 це озеро засунулось пискомъ, а було глыбоке и рыбне.

Виноградна балка—вытяглась зъ степу въ плавни; тутъ рисъ дѣкій виноградъ, а запорожци сѣдили хуторами и розводылы садкы. Тутъ булы и терны густы, де стоялы козацьки пасыкы. Въ тимъ годи, якъ межувалы землю панамъ, въ Круглыку (лѣсъ при устьѣ балки Виноградной) живъ запорожець. Якъ почувъ винъ, шо земля панська,—оставывъ свою хату, пасыку и подався за Дунай пидъ турка.

Диды: Иванъ и Оныско Петренки, Степанъ Крохмаль и Иванъ Пелехъ, с. Петровское-Баланина, Александр. у., 25 февраля 1885 г.

---

31) Т о ж е.

(Продолженіе).

Дачи дер. Кушугумовки, Краснокутовки и с. Царицына-Кута графа Канкринна.

Мырошныкъ ричка, верстовъ на дви низче (по теченію Днѣпра) Бандурыного; вона выходе зъ Днипра и впада въ ричку Кушугумъ.—Жывъ козакъ Мырошныкъ.

Быстрыкъ, а низче *Жбурыкъ*—ричкы; тутъ живъ козакъ Жбура.

Криве озеро, на пивверсты отъ Быстрыка; прозвано того такъ, шо покручене (извилистое).

Ковале або *Ковальске* урочыще,—тамъ живъ запорожець Коваль. Було колысь озеро та высохло.

Лебедви озера—ихъ трое: двое круглыхъ, а одно довге. Била ихъ живъ и рыбальчывъ козакъ Лебедь.

Шыйчене озеро—живъ козакъ Шыйка.

Печыще—урочыще, або кышло, де жыло багато запорожцывъ. Ямы, де были хаты, идоси остались.

Дзензешене озеро,—биля его живъ запорожець Дзензеха.

Мусіево озеро,—живъ козакъ Мусій. Воно биля Днипра, супротивъ остривка. Биля цего озера бувъ шынокъ запорозькій. Якъ выйшли запорожци видсилъ въ Черномерию, хаты довго оставались и тамъ кошыкувала (имѣла привать) прохожа бурлашня, та сиромашня (голь). Сиромы найбільше йшли Велькымъ Лугомъ: тамъ легше було прохарчгытсы и нихто не пытавъ видкиля и хто. Пашпортивъ у ихъ чортмало... Де были запорозьки хаты,—печыща (печелища) и теперь знать.

Джерелевське урочыще—живъ хуторомъ козакъ Джереливській. Бувъ первый стрилецъ и заговарювавъ ружжя; знавъ слидъ всякого звиря и не дававъ спуску вовкамъ; ловывъ винъ ихъ и капканами.

Чорна яма, або *Чорне* озеро—биля его живъ козакъ Чорній.

Харькове озеро и *Харькове* урочыще—живъ Харько козакъ.

Канциберивське озеро и урочыще *Канциберивцына* (гряда)—живъ характерныкъ Канцибера. Тамъ теперь людей лякають чорты... Колысь тамъ така пуца була (пустыня), така росла полома (трава), шо и не просунешся. Тамъ, кажуть, колысь крычало, реготало (хохотало) и выло на всю плавню...

Феськова яма—кругле, глыбоке озеро. Тутъ живъ запорожець Фесько; его ще звалы Швець.

Полового гряда, вона нызче Канциберивцыны,—живъ козакъ Половій.

Кругла гряда и *Кругле* озеро,—того, шо кругли (по формѣ).

Верещакова гряда,—живъ запорожець Верещакъ; его потомство и теперь есть въ слободи Пидстепній (Царыцынъ-Куть).

Бабыне озеро,—багато туда зліталось колысь довгоно-гои птыця, шо звемо *Бабами*. Ця птыця зъ довгымъ носомъ, въ води стоить, мовъ вкопана (неподвижно), и хвата мулявку (мелкую рыбу).

Савене озеро—въ Матлашевскій плавни (помѣщ. Миклашевскаго). Тутъ, кажуть, жывъ той Сава, шо про его писня есть:

„Ой бувъ въ Сичи старый, сидый на прозвище Чалый,
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу“.

Багато озеръ и урочыщъ есть по плавняхъ Попова, Матлашевського, Стрюкова и инчыхъ, де жылы запорожци, та про те вже не докажу вамъ: ихъ знають стари рыбалки въ Скелькахъ, Васылевци (с.с. Попова, Мелитон. уѣзда), Биленькій (с. Бѣленькое, Миклашевскаго, Екатериносл. у.) и Тарасивци (Струкова—тамъ же).

Рыбакъ Авксенгій Федоровичъ Орель,
60 л., д. Кушугумовка, Алекс. у., 6 ноября
1885 г.

---

32) Кучугуры.

(Песчаные холмы, бугры въ Великомъ Лугу).

Слѣды древняго поселенія.—Находки.

Въ Велькому Лузи, насупротивъ слободы Васылевкы, есть *Кучугуры*, а про межъ нымы—глыбоки ямы. Ци кучугуры таки высоки та крути, шо не всякый на ихъ и зійде; а ямы глыбоки, зарослы березою, кушамы та хмелемъ, шо не выдно и дна. Страшно тамъ: звиръ живе всякый и выховуються злодїи та душоубы. Якъ жылы запорожци въ Велькому Лузи, то тутъ було ихъ и кышло. Въ цему мисти ни яка-бъ сыла не звоювала вїйска! Кучугуры есть и

близьче,—биля слободы Пидстепнеи, де кинчаються плавни пача Попова и починаються Канкрынськи 1). И тутъ невылазни урочища, и тутъ жылы запорожци. Биля цихъ кучугурь, на Канкрынській земли, бувъ якийсь турецькій городъ, бо багато найдено цеглы (жжений кирпичъ) и каменя съ хундамента. Цегла мицна, якъ камень. Шобъ не затопляла весняна вода, туркы насыпали высоки могылы по плавняхъ и ставылы на ихъ цеглови дворци. Срибни гроши, мовъ рыба чешуя (чешуя) и невелички мидни, люды находятъ и теперь. Ще недавно въ цихъ могылахъ люды выкопували чавунни турецьки казаны и якисъ мидни трубы 2). Казаны и теперь есть у пидстепьянськихъ людей:—воны шыроки и милки, такъ шо зъ кожного можно нагодувать чоловика десять-пятьнацять.

Дѣдъ Василій Ивановичъ Джереливскій,
84 л., с. Подстепное (Царицынъ-Кутъ),
Мелитоп. у., Таврич. г., 10 января 1885 г.

---

33) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка.

По цій балци тече ричка и зветься такъ, якъ и балка,—*Кобыльною* 3). Въ старыну, якъ ще степъ бувъ запорозькій, по балци водылось багато дыкыхъ коней: такъ табунамы и паслысь. Литъ 80, або 90 грекы часто ловылы ихъ арканами. Разъ грекъ пймавъ дыкого жеребця и повивъ его въ Катернославъ до архырея. „На тоби, каже, цего жеребця, та зроби мого сына попомъ: винъ грамотный! „Архырей жеребця взявъ, а сына пострыгъ въ попы.

1) Дача графа И. В. Канкринна.

2) Обрѣзокъ мѣдной трубы, длиною 14 сантим. и въ діаметрѣ 10 сантим. переданъ намъ графомъ Ив. Виктор. Канкринимъ и поступилъ въ Областной Музей имени Поля въ Екатеринбургѣ. Я. Н.

3) Р. Кобыльная—притокъ Мокрыхъ Яловъ слѣва; она разграничиваетъ уѣзды Александровскій и Мариупольскій съ восточн. стороны.

Тому архырею було поведуть грекы дьку козу, то винъ дякуе та плате гроши... Ижыбогу правда!... Забувъ тико, якъ звали того архырея: —пытайте старыхъ гречькихъ попивъ... Дьки кони було часто выбігають на Туркову могылу 1), а потимъ и подадутся або на Гайчуръ 2), або на Янчуръ 3) пастысь.

Дѣдъ Иванъ Григорьевичъ Гречишенко (Даниленко), 98 л., с. Цареконстантиновка, Алекс. у., 22 января 1879 г.

Примѣчаніе. По свидѣтельству одного старѣйшаго греческаго священника, Преосвященный Іовъ Потемкинъ (родствен. Свѣтл. кн. Таврич.) особенно интересовался животными, представлявшими въ то время зоологич. рѣдкость. Іовъ управлялъ епархіею Екатеринославскою, Херсонскою и Таврическою съ 1812 по 1823 годъ.

Я. Н.

---

34) Могилы: Бѣльмакъ, Токмакъ и Каменные 4).

Слѣды **Муравскаго** шляха.—Рѣки: Бѣльманка, Бѣльмакъ, Берды, Конка, Горець, Осыкова, Ялы.—Гостепрѣимство калмыковъ и нагайцевъ въ старину.—О каменныхъ бабахъ.

Могыла *Бильмакъ* —недалеко отъ слободы Вильманки 5), на казенному участку. По могыли прозвана слобода и ричкы—*Бильманка и Бильмакъ*, бо вони взялыся на кряжи съ пидъ могылы. Бильманка тече зъ запада, а Бильмакъ съ пивночы. Бильманка тече верстовъ 10, Бильмакъ—верстовъ 7; обыдвѣ зійшыся въ слободѣ Бильманци и впалы въ ричку *Берды* 6). Берда выйшла съ кряжа бѣля *Токмакъ*

1) На степи с. Туркеновки, Александр. у., основанномъ первымъ поселенцомъ *Суркомъ* въ 1800 г.

2) и 3) Гайчуль и Янчуль —рѣки Александров. у., обѣ соединившись у дер. Даниловки (Гнѣдина), вливаются въ р. Волчью.

4) Первая въ Александровскомъ, вторая въ Бердянскомъ и последняя въ Мариупольскомъ уѣздахъ.

5) Село Александровскаго уѣзда.

6) Берды р., составл. границу между Александровск. и Бердянск. уѣздами.

могилы; тече перше на схидъ сонця, потимъ на полудень и впада въ Азовське море низче Бердянкы (г. Бердянскъ). Недалеко видъ Бильмакъ могылы—ричка *Кинка* ¹⁾; вона пишла степомъ до Днипра. По ливу руку Бильмакъ могылы лежавъ колысь старый *Крымскый* шляхъ; видсиль винъ повертавъ на Токмакъ могылу, йшовъ повзъ неи ступнивъ на 100 по праву руку и дали тягся на *Перекинъ* ²⁾ ажъ у Крымъ. Взявся винъ десь изъ за *Озюма* ³⁾, та зъ за *Сумивъ*, потимъ повернувъ на ричкы *Торецъ* ⁴⁾ и Осыкову ⁵⁾, на слободу Марьевку ⁶⁾, на ричкы Сухи и Мокри Ялы ⁷⁾, на Богоявленськи могылы ⁸⁾; дали степомъ, по миждь Павливкою и Прычистивкою,—на Кременчукъ ⁹⁾, на Апухтину¹⁰⁾ и сюда, якъ я сказавъ, на Бильмакъ могылу и дали.

Бильмакъ и *Токмакъ*—це высоки могылы, далеко зъ ихъ выдно вси округы ¹¹⁾. Передъ заходомъ сонця, якъ выйдешъ на Бильмакъ могылу, то выдно г. Ориховъ, с. Же-ребець, с. Токмакъ, Каменни могылы пидъ Темрыкомъ ¹²⁾ и багато инчихъ могылъ и слобидъ.

Писля заporожцивъ, бия Бильмакъ могылы стоялы ордою кимлыкы (калмыкы) и нагайци. Тутъ вони паслы овецъ, скотъ. Було произдомъ чумаки якъ нидвернуть до ихнего коша ночувать, то вони ихъ прыймають за гостей годують, а якъ мынуть и стануть въ степу, то ихъ посчитаютъ за неприятеливъ и грабують ¹³⁾.

Колысь на велькыхъ могылахъ стоялы *мамаи* (бабы), лыцемъ на востокъ. Ихъ, ставлялы татары, бо вони и облыччямъ похожи на ихъ и шапкы ихни.

1) Р. Конка служить продолженіемъ границы Алексан. и Мел. уѣзда.

2) Перекопъ,—Таврич. губ.

3) Изюмъ, Харьков. губ.

4) Бахмутскаго уѣзда.

5), 6), 7), 8)—Маріуп. уѣзда.

9) Всѣ три села Маріуп. у., при чемъ послѣднее греч.—Кременчикъ.

10) Дер. Александр. уѣзда.

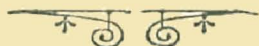
11) Окрестности.

12) С. Маріупольск. уѣзда.

13) Судя по архивн. даннымъ, еще въ началѣ 1800 годовъ въ обширныхъ, малонаселенныхъ степяхъ Александровскаго уѣзда кочевало много нагайскихъ и калмыцкихъ ордъ, принявшихъ подданство Россіи.

Высоки могылы *Каменни* пидъ Темрюкомъ! До цихъ могылъ, було часто пидверта архырей *Гавріилъ* въ тридцятыхъ годахъ. Биля могылъ, кажуть, бувъ колысь татарськый городъ, та запорожци зруйновалы. Ямы та бугры, де булы татарськи мечети, и теперь знать.

Дѣдъ Иванъ Григовьев. Гречешенко,
98 л., с. Цареконстантиновка, Алекс. у.,
22 января 1879 года.

ОТДѢЛЪ II-й.

Историческія лица.

35) Кошевой Сирко.

(Преданіе).

Вариантъ А.

Якъ померавъ кошевой Сирко, то казавъ запорожцямъ: „Хто зъ васъ, хлопци, мою могылу поливатиме водою до схиць сонця, той буде знать стільки, якъ и я... А якъ буде велька потуга на билого Царя, то нехай хоть руку мою откопають та понесуть впередъ вѣйска: непрятель самъ себе поруба“.

У двадцятому году (1812) ханцузъ завоювавъ Москву. Стільки наше вѣиско не палыло зъ пушокъ,—ничого не помогло. Тоди одынъ Чорноморець и каже: „Стойте, братци: не буде дила, покы не достанемо руки Сирка!“... Поихалы въ Капуливу, 1) откопалы руку и гайда назадъ. Якъ оббиглы кругомъ Москвы съ тѣю рукою,—такъ ханцузке вѣиско и сунуло видтиль. Тоди хантузы такъ скоро тикалы шо й черевыкы погубылы...

Туркы и ляхы дуже боялысь Сирка и звалы его *шайтаномъ* (чортомъ).

Кажуть, багато було охотныкывъ поливать могылу Сирка, шобъ знать стільки, скільки знавъ винъ, та ничого не помогло: треба було воду носыть ротомъ зъ ричкы, а ричка не такъ близько, шобъ до третихъ пивнивъ полыть таку могылу, якъ у его.

М. Никополь, Екатеринослав. уѣзда,
11 іюня 1894 г., запис. отъ 78-ми лѣт-
ного дѣда Дмитра Степанов. *Быковского*.

1) С. Екатериносл. у., на мѣстѣ Чертомлыцкой Сѣчи. Здѣсь же и могила Сирка.

36) Варіантъ Б.

Кошовый Сирко бувъ превелькый характерныкъ! Було хто-бъ не задумавъ воювать зъ нымъ,—винъ уже й зна заразъ и вѣйсько збыра, и спысы точе и ратыща готове. Не даромъ его туркы прозвали *шайтаномъ*.

Запорожци, покы орудувавъ нымы Сирко, никого не боялысь, бо его нѣяка сыла не могла побидыть.

До Сирка, кажутъ, наши люды платылы ляхамъ по-даты:—третя гуска, третій виль, третій кинь, хлибъ:—всего третя частына. Якъ ставъ Сирко кошовымъ,—заразъ же и зладнався съ королемъ польскымъ. „Ну, каже, ваше велычество: хочъ бытъся, хочъ мырытъся, а третей частыны панамъ давать не будемо!“—„Якъ знаешъ,—каже король:—то дѣеться не по моему прыказу“...

Зибравъ Сирко запорожцивъ, зибравъ пятнадцять тысячъ и-турокъ и погнавъ ляхивъ зъ Украины. Догнавъ до Случи и каже: „Отсе, ляше, по Случь твое, а це наше“.. Ти ляхы пѣймалы свого короля и заслалы на морськый островъ. „Отсе тобі, кажутъ, за те, шобъ не якшався съ Сиркомъ“.

Лапинка, предмѣстье Никополя, Екатерин. уѣз.,
13 іюня 1894 г., записан. отъ 72-хъ лѣтн. дѣда
Федора Иван. Потурая.

37) Варіантъ В.

Якъ бувъ кошовымъ Сирко, то татарва жахалась его, якъ те гайвориння... Було тикають, кляти, и кони погублять.. А запорожцямъ того и треба: займутъ табунъ, тай гайда черезъ Днипро...

Писля смерти Сирка, запорожцивъ, кажутъ довго боялысь ляхы и бусурмены. Бьютъся, було, козаки и праву руку его попередъ вѣйска везугъ: де рука,—тамъ и удача.

Кажутъ у Сирка на хрести бувъ пидпысь: „Хто буде симъ годъ протывъ Велькодня, выносыть по тры заполы

земли на мою могылу, той буде маты таку сылу, якъ я, и буде знаты стико, якъ и я“.

Покійный дидъ Михайло Нелипа розказувавъ, шо якъ носывъ землю протывъ Велькодня, то ему вперве показалось—мовъ шось гуде; вдруге—зібралось стилько вѣйска запорозького, шо ажъ земля стогне; втрете—барабаны бьютъ, зъ гарматъ палять, козацьки шапкы червоніють якъ макъ... Винъ злякався,—кынувъ носыть землю и подався въ хату.

Носывъ землю протывъ Велькодня и старый капуливський дидъ Матрапасъ (Дымныченко), такъ и той казавъ, шо страшно: „Шо стану, каже, пьастысь на могылу, то воно тебе такъ и штовхае назадъ... Разъ, каже, упавъ навзничъ, тай языка прыкусывъ... Съ того часу и зарикся ходыть на могылу“.

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., (мѣсто послѣдней Сѣчи), 10 сентября 1896 г. записан. отъ 76-ти лѣтняго дѣда Назара Федоров. Бутузя.

---

38) Кн. Долгорукій и Сирко.

Якъ бувъ Перекопъ турецькымъ городомъ, то наши чумаки ходылы туды по силь. У турка скрызъ стоялы гардоны, пропускъ бувъ тисный, а здырство було вельке... Тоди, кажуть, въ недилу разъ тилько солылы борщъ.

Прочувъ це Довгорукъ, звеливъ Сиркови зібратъ запорожцивъ и сунувся на турка... Багато кажуть, его полягло, помы пробылы дорогу до Перекопа, багато забрато и въ полонъ. Тоди, кажуть, запорожци отбылы у турка казну, вси заряды и несчыслымо стико скоту и коней. Ти туркы, шо въ полонъ забрати,—ти жъ и скотъ прыгналы въ Сичъ. Стало легче чумакамъ, та не на довго: якъ вернулисьъ запорожци до дому,—турокъ застукавъ чумакивъ въ

Перекоши и вирізавъ до единой головы. Чумацьки воли, возы, гроши и все добро досталось басурменамъ.

Про це есть писня:

Казавъ, казавъ Довгоруку,
Що не здїме Орда руку...
Орда руки изняла,
Всїхъ чумакивъ забрала...

Сирко и Довгоруку—це давни люды! Це ще було тоди, якъ гряныця турецька була по Кинку, що вийшла зъ степу въ Великий Лугъ.

Никополь, Екатерин. уѣз., 12 ноября 1895 г.,
запис. отъ 79-ти лѣтн. дѣда Дмитра Быковского.

---

39) Хмельницкій и его плавня.—Долгоруку и Сирко—Чалый.

(Преданіе.)

Якъ гетьманувавъ надъ козаками Хмельныцькый, то выше урочища *Карай-Дубыны*, съ цего (правого) боку, була и его плавня. Ця плавня, противъ Капуливки, йдоси зветься *Хмельныцькою*. Биля Карай-Дубыны бувъ перевозъ, булы и броды козацьки, де съ турецького берега, переганялы коней цилымы табунамы. Въ Хмельныцькый плавни, кажуть, паслась така сыла коней, шо никто имъ и щоту не знавъ. Сюды ихъ гналы пасты съ Турищыны, съ Польши и зо всего Запорожжя. Якъ пидъ добру ласку, то козаки не брали за це грошей съ татаръ и ногайцивъ, бо и самы паслы коней на ихъ сумижній земли.

Въ Таврїи, биля урочища *Мамай-Суркы*, живъ турецькый ханъ *Мамай*. Дуже лютый бувъ, собака, и таке, кляте, буяо и его вїйсько. Було спуску не дае ни запорожцямъ, ни чумакамъ: де шїйма,—тамъ имъ и аминь...

Писля Хмельницького, на України, правивъ Довгорукъ, а въ Сичи кошовымъ бувъ Сирко. Давай той Мамай загравать съ Сиркомъ... Разъ піймавъ запорожця, знявъ зъ головы волосся зъ шкурою и пустывъ. „Иды, каже, до свого Сирка, та скажы, шо я ему хвиста увирву“... Кошовый Сирко якъ узнавъ це, такъ и вскыпивъ... Сивъ на коня, та якъ свысонувъ, якъ свысонувъ!... Збиглысь запорожци. „А нуте, каже, хлопци, сидайте коней, та махнемъ до Мамаю въ гости“... Посидалы козаки на коней и подалысь... Мамай зибравъ вѣйско и выскочывъ на зустричъ. Сирко до его. „Ну, каже,—попробуемъ, хто кому хвоста увирве“—и давай колошматыть... Побылы Мамаю, побылы его вѣйсько, забра-лы добро и булы таки...

Бия Карай-Дубыны, часто паслысь татарськи табуны, и якъ тико, було, козацькый кинь переплеве туды, то уже назадъ не вернется.. То отсе, було, Сирко поиде съ козакамы, наведе соңъ на табунщыкивъ, а коней займе и гайда черезъ Днипро въ Хмельницьку плавню. „Отсе имъ, каже, скурвымъ сынамъ, щобъ не робылы запорожцямъ шкоды“.

Сирко якъ умеравъ, то казавъ: „Якъ откопаєте мою руку, то будете симъ годъ воювать такъ, якъ и зо мною“. Такъ воно и случылось: якъ прыйшлось козакамъ до крута,—откопалы вони ту руку и цилыхъ симъ годъ ниhto ихъ не змигъ подужать.

Якъ ховалы Сирка, то пидъ головы положиылы и его гроши, а тощакову срибну чарку отдаы въ церкву. Та чарка, кажуть, и теперь есть въ Никыпольскій Покрови (Соборъ). Гроши, кажуть, пробувалы взять капуливци, та не далысь...

У Сирка живъ молодой козакъ, Чалый; винъ правивъ у его за джуру. Писля Сирка выбрали Чалого кошовымъ, а у его бувъ годованыкъ Савка. Про цего Саву есть и пис-

ня, що винъ продався ляхамъ, грабувавъ церкви и за те запорожци его згубылы.

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., 17 августа 1901 г. запис. отъ дѣда Федора Елисѣева Жмудя, 93 лѣтъ.

Историч. литература о Сиркѣ: *Эварницкій*—Ив. Дм. Сирко Сиб. 1894 г.; *Костомаровъ*—Руина; *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, 1847 г., II, и много др. источниковъ.

---

40) Семень Палій.

(Преданіе).

Семень Палій бувъ лыцарь велькый. Про его, було, багато де чого розскажуть запорожци нашимъ дидамъ и батькамъ.

Десь то кажуть, жылы козаки, а мижъ ными бувъ молодой козакъ Семень. Разъ кошовый зибравъ вѣйсько и махнувъ воювать Орду, а Семень зостався глядитъ добра. Тоди ще хать було не дуже товсто, бильшь жылы куренямы. Отъ дохазяинувався той Семень, помы спалывъ куринь кошового. „Шо его робыть?“ дума винъ: „Прыидуть,—достанеться мени!“ Взявъ рушныцю и подався. Довго ишовъ винъ байракамы и зайшовъ въ таки пуши, въ таки пуши, шо тико небо и видно. Сивъ винъ спочыть. Ось насунула хмара, ставъ крапать дошь, нетимъ гримъ, блискавка... Дывыться винъ на скели,—колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ,—винъ пидъ скелю, якъ затыхне,—винъ на скелю п.....! п.....! п.....! и... гнивыть Господа! Семень и дума: „Шо робыть? або ему смерть, або мени“... Тико выскочывъ той на скелю,—Семень прыцилывся и убывъ. „Ой, быи ще разъ! быи!“—просе лукавый. „Буде съ тебе и разу“.. Винъ

знавъ, шо якъ выпале вдруге, нечыстый побижыть.. Зарядывъ Семень рушныцю и посунувъ очеретами въ пуцу. Иде, винъ, тай иде, иде тай иде, а очереть густый, густый та высокый и свита не видно. Чуе винъ,—трищыть очереть—шось суне прямо до его. „Шо Богъ дасть“ каже,—та туды!.. Колы ось показався сывый дидь.

— Здоровъ сыну!

— Здоровъ диду.

— Куды Богъ несе?

— Доли шукаю: або звирюка зъишь, або дійду до Велького Лугу, въ запорожжя...

И почавъ ему Семень розказувать. Такъ и такъ,—каже,—спалывъ куринь и боюся гнива козацького: або киямы забьють або на шыбеныцю... Дидь и каже: „Теперьъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся; пиды до кошового,—винъ простыть“. Дали дидь показуе свою рушныцю и каже: „Тутъ хотъ якому звиру, спуску не дае!“—„Добра,—каже Семень, рушныця, а моя ще краща: сегодня не такого звира убывъ“... „Ну,—каже дидь,—за те, шо убывъ сатану, дарую тобі свою рушныцю, тико шануй... Будешъ ты велький лыцарь и побыватымешъ неприятеля; будешъ миняться, якъ мисяць: зостаріеться мисяць,—зостаріешся и ты; народыться молодыкъ,—будешъ молодымъ и ты... Вертайся-жъ, сыну, до кошового“.

Сказавъ оце дидь и Богъ его зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святыи апостолъ. Помолывся Семень и пишовъ до кошового. Прийшовъ та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераеться и молитву творе. Семень навколишки.—„А шо, каже, еретычый сыну, прийшовъ?!“—„Не клады, каже, тату, велького гнива: то я спалывъ куринь“...—„Щастя жъ твое, шо не піймала погоня,—заколола-бъ“... Дали кошовый и каже: „За те, шо спалывъ куринь,—будь же ты, еретычый сыну, *Палиемъ*“...

Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сылачь, шо никто его не подужа. Було якъ воюють козаки, то де Палій,

тамъ и удача.—Выбрали его кошовымъ. Отъ прихавъ шведський король, до проклятого Мазепы и давай вони пыть. Пылы, пылы, а потимъ и клыкнули до себе Семена Палія. Король и каже: „Погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москаля“. „Ни, недждешъ!“, — каже Семень Палій.. Якъ схопыться король, якъ схопыться проклятый Мазепа,— та до Семена Палія... „Берить, вяжить, слугы, сякого-такого!“... Взялы Семена Палія, закувалы руки и ноги въ зализо и замуrowалы въ темныцю. Не багато-жъ винъ тамъ сидивъ не пывшы и не ившы—двадцять годъ... Черезъ двадцять годъ пишовъ шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя—сыла вйська, а у Шведа и проклятого Мазепы ще бильше. Ставъ Шведъ побывать Москаля, Петро и каже: „Дай мени, Шведе, хоть трохи спочыты! Той давъ. Петро пишовъ у свй станъ и пыта: „Чы нема, братци, мижъ ва-мы багатыря, або характерныка?“ Вызвався хлопецъ, 16-ты литъ, и каже: „Я-бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замуrowанный въ темныци, Семень Палій,—той побье Шведа“. Пославъ Царь за Паліемъ.—Одмуrowалы его, глянулы,—ажъ у его борода и косы по колина, вусы по поясъ... Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семень Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводилы,—ны одынъ кинь не здержавъ. Тоди привелы царського коня. Винъ сивъ и поихавъ. Приизжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стиль,—угощае и правды пытае. „Шо каже, Семене Палію,—чы звоюемо Шведа?“—„Звоюемо, каже,—тико дай тры дни хлиба святого поисты, та спочыть“. У Шведа була баба хыморозныця. Отъ глянула вона на Петрове вйсько и каже: „Ой, шось за напастъ велька буде на насъ... Велы, каже, королю, кувать коней назадъ га-камы, та нумо тикать“... Покры Шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семень Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу оде-жу, сивъ на коня и сунувъ зъ вйскомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бився, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта

Царя: „Бачышъ Шведа?“—„Бачу, каже: подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта опяты: „А теперь бачышъ?“—„Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблямы“...—„А короля бачышъ?“—„Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ слидкомъ и проклятый Мазепа, ажъ курява знялась“... Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „Ну, Семене Палію,—теперь я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и панськи области“.—„Ни,—каже Палій,—не треба мени ни грошей, ни панськихъ областивъ: дай мени мылу Украину, за котру я двадцять литъ страждавъ,—бильше я у тебе не прося ничего“. Давъ Петро Палієви Украину и ставъ винъ выживать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна де дився. Винъ, кажуть и теперь десь живый и, якъ ему Господь веливъ, миняеться якъ мисяць: старіе и молодіе.

Дѣдъ Евдокимъ Каплій, 70 л., дер. Краснокутовка, Александров. уѣзда, Екатериносл. губ., 17 января 1888 года.

Литература о Паліѣ: *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи 1847. III. *Костомаровъ*—Мазепа и мазепинцы 1885 г. и мв. др.

---

41) Сава Чалый.

(Гайдамацкій ватажокъ.)

Разказъ 1-й.

Про Саву есть пѣсня, тико я ии гараздъ не складу, а покійный дидъ, було, часто спива и розказуе про его. Колысь, кажуть, живъ въ Сичи старый козакъ Чалый, зъ роду не жонатый. Разъ ихавъ винъ и найшовъ хлопья: воно блудыло по степу. Оце и буде той самый Сава. Чалый

взявъ его за сына. Другый разъ, саме въ жныва, Чалый найшовъ другого хлопчыка, голого, якъ маты народыла; звали его Гнаткомъ. Сава, кажугъ, бувъ задеркуватый, а Гнатко смырный и покирный. Якъ повыросталы хлопци, то стали обыдва козакувать въ Запорожьи. Отъ Савка чы довго козакувавъ, чы ни, а тико взявъ и передався ляхамъ. Тамъ винъ оженився и зробывъ соби хату въ такихъ пущахъ, шо мало хто и знавъ. Набравъ винъ соби шайку ляхивъ и давай издыть въ Запорожже грабувать церкви. Зъ запорожцями вони тежъ обходылысь не гараздъ: оце піймають стико тамъ козакивъ и давай зъ живыхъ шкуры драть. Кошовый тоди клыкнувъ Гнатка Голого (це его въ Сичи прозвалы) и каже: „ну, Голенькый, знаешъ ты норovy Савы; піймай его, разсякого-такого сына, та прывезы въ Сичь“. „Чи піймать, той піймать, еретычого сына, а тико дай мени, характерныкивъ“—одвича Голый кошовому. Той давъ. До схидъ сонця понасыпалы вони своеи земли въ чоботы, повтыкалы за сидла терну и поихалы.

Ой бувъ Сава въ Немырови въ ляха на обиди,
Та не знавъ винъ и не видавъ объ свойй гирькій биди.

Прыхавъ до дому, а у его була молода жинка Машка и баба-ворожка, на прозвище Наталочка-Куховарочка. Сава до ворожки и каже: „а ну кынь на карты: шось мени сны погани сняться“. Та кынула и каже: „сподивайся гайдамакивъ“.—„А дежъ вони теперьъ?“—„Ще въ свойй земли“. „Ничого, каже, не боюся я ихъ“. Кынувся лысты пысать въ Немыровъ, шобъ збыралось вийсько, а Наталочка-Куховарочка сила колыхать дытыну и спива:

Ой ну люли, ой ну люли, ой ну люли спаты,
Бо найдуть гайдамакы до нашої хаты;
Ой ну люли, ой ну люли, засны, малый блазне,
Черезъ тебе, малый блазне, вся худоба брязне.

—Шо ты, бабусю, кажешъ! пыта Сава.—Та це, каже, прыспивую, шобъ спало. Винъ упьять: „кынь, бабусю, ще на карты, бо мени наче сумно“. Кынула вона вдруге. Би-

жать каже, гайдамакы ше й доси въ свой земли, та за лисамы“. Тико шо це сказала, ажъ ось Гнатко съ козакамы въ двери.

—Здоровъ, здоровъ, пане Саве, здоровъ тоби въ хату.
Здалека ты гостей маешъ—чымъ будешъ витаты.

— А чымъ же вась, мыли, братци, буду я витаты.

Ой давъ мени Господь сына,—буду въ кумы браты,

— Та було-бъ тоби, пане Саво, тоди въ кумы браты,

А якъ ходывъ ты до Гарду церкви руйноваты.

Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,

Та вдарылы объ помистъ, —обльвсья винъ кровью.

Прывязалы тоди пана Саву коневи на спыну и повезлы до кошового.

Андрей Халепа, 60 лѣтъ, с. Андеевка, Алексан. у.,
14 января 1885 г.

42) *Разказъ 2-й.*

Въ писни спивають:

Ой бувъ въ Сичи старый козакъ на прозвыще Чалый
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу.

Сава не мавъ соби роду и змалку выгодувавъ его за-
порожець Чалый. Якъ уже вырись Сава, ставъ козакомъ
на всю Сичь. Отъ прыйшовъ часъ помераты Чалому, винъ
клыкнувъ Саву и каже:

Оце тоби кинь вороний, вся на его зброя,

Та службы, сыну, запорожцямъ по моему слову.

Не послухавъ Сава дида: якъ тико той померъ, винъ
продавсья ляхамъ и ставъ ватажкомъ. Давай тоди розбой
водыть на запорожцивъ, давай обкрадать церкви. Въ Запо-
рожьи бувъ превелькый знахуръ и характерныкъ Гнатко-
братко. „Стій-же, каже, Саво, я тебе піймаю“. Змовывсья
винъ съ Кравчиною и Булатомъ ихать.

Ой ще не свить, ой ще не свитае,
А вже Гнатко съ Кравчыною кони посидлалы.

Посидлалы тай гайда. Сава тоди саме прыхавъ зъ гостей до дому, тай пыта: чы „все гараздъ дома?“ Баба ворожка ему и каже:

За все гараздъ, за все гараздъ,—тико за одно страшно,
Вылитають изъ-за горы чорни крюкы часто.

„А ну, каже, бабусенько, кынь на карты“. Вона кинула и каже: „це шось не добре выпада: якыхсь зъ далека гостей сподивайся“.—„А скоро“?—Та якъ тоби и сказать: выпада наче ще въ свойй земли, за густымъ лисомъ и наче близько“. А Гнатко-братко, Булатъ и Кравчына якъ одъизжалы изъ Запорожья, то понасыпалы въ сапьяны своей земли, понабывалы конямъ пидъ копыта и пообтыкалысь терномъ. Отъ воно и одводе очи: мовъ воны за лисамы, въ свойй земли.

Догадався Сава зъ якого краю гости и пославъ за войскомъ. На той часъ у Савы были родыны, треба було людей прыгостыть, и пославъ хлопця за пивомъ и горилкою:

Ой пиды, хлопку, до вынныци та вточы горилкы,
Та выпьемо за здоровье Савыной жинкы;
Ой пиды, хлопку, до пытныци тай уточы пыва,
Та выпьемо за здоровье Савыного сына.
Ой ще хлопка, ой ще малый, не дйшовъ до вынныци,
А вже Гнатко съ Кравчыною въ Савыній свитлыци.
— Здоровъ, здоровъ, брате Саво, думаешъ-гадаешъ,
Ты зъ далека гостей маешъ, чымъ ихъ привитаешъ?
— Ой чымъ же васъ, мыли братци, я буду витаты?
Жинка сына спородыла,—буду въ кумы браты.
Ой уже-жъ тоби, брате Саво, зъ намы не куматься,
Просы Саво, а шобъ далы зъ жинкою прощаться.
Годи тоби, брате Саво, ляшкамъ угождаты,
Пора тоби, скурвый сыну, за все одвичаты.
Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,
Та вдарылы пана Саву объ пень головою.

Управылысь съ Савою и посидалы горилку пыть. Қолы ось и ляхы бижать...

Ой ударылы два ляшенькы навхрестъ шабелькамы,—
Утикайте гайдамакы, промижъ рученькамы.

Ляхивъ набигло превелька сыла, а запорожцивъ мало.
Давай воны на кони, та тикать.

На тимъ боци на толоци—будто орель кряче,
Қолы глянувъ Гнатко-братко, ажъ Кравчына плаче.

Нагналы ляхы Кравчыну и хотилы зарубать, а Гнатко-братко обернувъ коня, махнувъ шаблею—воны самы себе и порубалы. Тоди Кравчына нагнавъ Гнатко-братка и подалыся въ Сичъ.

Наумъ Григорьевичъ Бабець, 62 л., Махайловка (Лукашево), Алек. у., Екат. губ., 27 октября 1887 года.

---

43) Кошевой Калнышевскій.

Разказъ 1-й.

Разореніе Сѣчи.—Бѣгство Запорожцевъ въ Турцію.

(Преданіе).

Запорожци просылы кошового Калныша: „Поидь, пане отамане, до царыци,—хай змылується,—бо чутка ходе, шо згонять насъ видсилъ“. „Ни, каже,—лучше поиду въ Кыивъ та помолюсь Пречыстій: вона скорище змылується“. Поихавъ, помолывсь и вернувся. Ось незабаромъ и московське вѣйсько опынылось биля Сичи. Кошовый пишовъ въ церкву, а за нимъ увязалась собачка, тай соби туды... Побачылы козаки и кажуть: „Э, братци,—це не передъ добромъ: зрада!“... „Давайте убьемъ кошового!“. Почувъ джу-

ра, та до кошового: „Такъ и такъ, пане кошовый: тикай, бо буде беда“. Пов'язавъ винъ голову кошовому платкомъ, веде въ бокови двери и просе: „Пропустить, каже, люды добри: у чоловика зъ носа кровь пишла“... Пропустылы. Джура одвивъ его геть-геть и каже: „Иды, пане кошовый, у ту онъ хату, шо бия Пидпильной: тамъ сховають“. Кошовый въ хату, та на горыще,—и прыкрылы его нехворощею... Сталы выходыть зъ церкви, сталы шукать: и сюды, и туды,—нема кошового... Баче Калныщъ кошовый, шо беда, диждавъ ноци, тай махнувъ въ московскый станъ... Махнувъ, кажуть, та уже бильше и не вертався: его закувалы въ зализо...

Обступивъ Москаль Сичъ и объявивъ: „Здавайтесь, хлопци, добромъ, бо буде беда!“ Стари запорожци тобъ-то и здаться, такъ молоди не те... Спалылы мистъ на Пидпильной, забралы пушкы, ружжя въ плавню и ждуть, покы Москаль начне палыть... У Сичи бувъ протопопъ Ладымырь. Узнавъ винъ ихъ думку и почавъ совитувать: „Повынитесь каже, братци, не гнивить царици! сыла, каже, не ривна: васъ багато, а москаля ще бильше; за це мылосты вамъ не буде; лучше, каже, идить въ церкву помолымся: шо Богъ дастъ, те и буде“... Послухалы де-яки попа, та на свою биду: не вспилы вийты въ церкву,—туть ихъ и закувалы въ зализо... Якъ почулы козаки, шо кошовый и отаманы въ зализахъ,—давай переганять дубы та байдакы съ Пидпильной въ Павлюкъ, давай каптаны драть та конопатыть ихъ, давай складувать пушкы, ружжя... Управылысь, помолылысь, понасыпалы въ чоботы земли и нумъ сидать... Козакивъ сыла, а дубивъ мало: шо сядуть,—воны и тонуть... Шо-жъ его робыть? Давай тоди скидаты лышнихъ людей, давай рушаты... Тоди Павлюкомъ якъ подалысь, якъ подалысь... Выихалы въ Днипро, якъ понапыналы паруса, та уже въ Турещыни зняли... Багато козакивъ подалось водою, багато и нишкы... Пиши сиромы чвалалы по надъ Днипромъ, а де зобачать, було, каюкъ,—то той и ихъ... Тоди, кажуть, отъ

Сичи до Лымана, у кого булы каюкы та байдакы, у кого булы водяни млыны,—и ти позаганялы въ Турещыну...

Жывутъ, кажуть, и теперь козаки въ Турещыни, жывутъ и хлибъ идять не по нашому,—въ привольи...

Дѣдъ Денисъ Грошовый, 70 лѣтъ, село Покровское (Сичъ) на Подпольной, Екатер. уѣзда, 13 іюня 1894 года.

44) *Разсказъ 2-й.*

Кошевой Калнышъ.—Дурное предчувствіе запорожцевъ.—Аттака Сѣчи. Бѣгство въ Турцію.—Воспоминаніе объ оставшихся послѣ разоренія Сѣчи запорожцахъ.—Козацкія урочища.

Передъ руйнованьямъ Сичи, кошовый Калнышъ збырався на богомилья въ Кыивъ, а передъ тымъ въ Сичи стали выть собаки; выють тай выють! выють тай выють, що noci! А дали якъ пиднялы пугачи: пугу тай пугу! пугу тай пугу! Пугукалы вони и въ капуливськихъ плавняхъ, и въ Великому Лузи... Сумно стало козакамъ...

Разъ, въ недилію, пишовъ Калнышъ въ церкву, а за нымъ слидкомъ невельчке шашъ. „Ой, не передъ добромъ братци, собака въ церкву вскочыла,“—обизвалысь козаки... Сталы выганять собачку,—ничого не зроблять: куды кошовый, туда и вона. Не выстоявъ кошовый обидни, пишовъ до дому. Черезъ стико тамъ днівъ—де не взялось мѣсковське вѣйсько! Така сыла, така сыла, шо и окомъ не скынешъ!... Въ плавняхъ, на гряди, живъ козакъ Васюра. Отъ зибравъ винъ запорожцивъ и каже: „Не сумуйте, братци, и не шкодѣйте пороху!“... Сказавшы це, осидлавъ коня и подався до кошового. Прыбигъ, вскочывъ на поригъ и спива:

Дозволь батьку, отамане,
Намъ на башти статы:
Москаль стане изъ мечамы,

А мы зъ палашама,
Не выбємо палашама,—
Выбьемъ кулакама,
Нехай слава не поляже
Промижъ козакама!...

Калнышъ ему одспивуе:

Не дозволю, мыли братци,
Вамъ на башти статы,
Бо една кровь хрыстіянська,
Грихъ намъ прольваты...

Васюра опяты на коня тай до куреня... Настала ничъ. Зибралысь запорожци и давай збирать дубы та каюкы, давай переганять ихъ съ Пидпильной въ Павлюкъ и ховать въ очерета. Управылысь зъ дубама, а потимъ взяли и запалылы мистъ на Пидпильній...

Це діялось протывъ недили. Стало свитать,—прыхавъ до ихъ пипъ, тай каже: „Не змагайтесь, хлоппи, зъ москалемъ, бо его не звоюете, а тилько роздратуете!... Збярайтесь лучше до церкви, та помолымось видъ напасты святой Покрови“. Кто послухавъ,—пишовъ, а бильше осталось въ плавняхъ конопатыть дубы.

Не довго и молылысь козакама,—вернулысь.

— А шо, кажутъ братци,—знаете, де кошовый?

— А де?

— У Москаля въ зализахъ!...

— А пысари, судци?

— И ти тамъ... На Сичу нашу уже понаводывъ Москаль горлати пушкы...

Запорожци тоди посидалы на дубы и махнулы Днипромъ пидъ Турка... Не довго думавъ и Москаль: пооббыравъ церкви, забравъ все, шо було, и давай зганять видсь козакывъ, давай межувать землю вельможамъ...

Писля того, якъ скасовано Сичъ, въ капуливськихъ плавняхъ оставалысь запорожськи диды—Усатый и харакныкъ Занудько. Усатый жывъ въ урочыщи *Паныдино*, у его

бувъ одинъ тико довгий усь, и коня кувавъ назадъ пидковамы. Занудько жывъ на ричци *Темній* и плодывъ бжолу. Довго ци и инчи жылы тутъ диды, а одъ ихъ повелысь и козацьки писни и балачка про запорожський урядъ.

Запорожпи жылы не такъ, якъ мы: хлиба у ихъ не поводылось, а вариылы саламаху зъ борошна и илы зъ медомъ, або зъ саломъ. Въ пистъ не погыбалы: рыба и тузлукъ у кождаго булы невыводно.

Багато ще, кажуть, жыло запорожцивъ на *Нетригузь*—ричци, на *Шаживци*, *Темныхъ Водахъ* и скризъ на грядяхъ, тико забувъ имъ прозвища.

Въ Капуливци, на *Скарбній*, стоялы, кажуть, запорожськи корабли. Якъ тикалы запорожци пидъ Турка, то багато, кажуть, сховалы казны и пушокъ въ Скарбній. Гроши, кажуть, замулылы въ ричку, въ мидныхъ казанахъ, и будутъ вони лежать поky свить сонця.

Дѣдъ Кондрать Матранасъ, 73-хъ лѣтъ, с. Капуловка, Екатериносл. уѣзда, 10 сентября 1896 г.

Литература: *Русская Старина* 1875 г. Ноябрь, ст. П. Ефименко, „Калнышевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи (1691—1803) *Зварницкій*—Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калнышевскій; *Его же*—Исторія Запорожскихъ казаковъ 1900 г. I; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи 1885—86.

---

45) Переселеніе Задунайскихъ запорожцевъ въ Россію.—Кошевой атаманъ Осипъ Гладкій.

Разсказъ 86-тилѣтняго полкового эсаула бывшаго Азовскаго козацьяго войска Андрея Ивановича Матвѣенко.

Я родился за Дунаемъ 4 іюля 1819 года и вышелъ въ Россію съ отцомъ и матерію въ 1828 году, передъ Пасхой. Хотя мнѣ было тогда 9 лѣтъ, но въ памяти хорошо запечатлѣлось задунайское приволье, гдѣ такъ много лѣсныхъ угодій, озеръ, рѣкъ и лимановъ. Почти каждый казакъ былъ

охотникъ и рыбакъ вмѣстѣ, но рыбная ловля составляла главный промыселъ тогдашняго населенія. Станицы козацкія называли *куреньми* и въ каждой жилъ атаманъ. Всѣ курени носили названія по урочищамъ, по звѣрю, по птицѣ. Я родился въ станицѣ *Куликово поле*, гдѣ отецъ мой записанъ былъ козакомъ. Немало за Дунаемъ жило козаковъ, немало и бѣглыхъ людей. По рассказамъ отца, черезъ Дунай устроенъ былъ перевозъ и при этомъ-же перевозѣ, съ турецкой стороны, стояло три большія хаты для бѣглыхъ. Сначала тутъ ихъ довольствовались, а потомъ кошевой распредѣлялъ по куренямъ и станицамъ. Въ каждомъ куренѣ также было по одной большой хатѣ для бѣглыхъ, гдѣ они оставались до приисканія заработковъ или постоянного пристанища. Изъ-за Дуная вывелъ насъ кошевой атаманъ *Осинъ Гладкій*, во время войны съ Турціей. Вотъ какъ объ этомъ рассказывалъ покойный отецъ. Когда пронесся слухъ, что Россія объявила войну, Турки потребовали на корабли 1000 отборныхъ казаковъ и велѣли быть наготовѣ противъ русскихъ. Въ это время изъ Измаилова пріѣхалъ въ Кошъ адъютантъ *Писаренко* и тайно началъ уговаривать кошевого, чтобы перешелъ на сторону русскаго Царя; при этомъ Писаренко прочиталъ какую то бумагу, гдѣ обѣщаны такія же вольности въ Россіи, какъ и за Дунаемъ. Кошевой *порадился* съ атаманами и сказалъ: „Нѣтъ, мы на такія условія не согласны: у насъ половина населенія—бѣглецы изъ Россіи и если намъ передаться русскому Царю, то за нами должны послѣдовать и всѣ бѣглые. А какая шана (участь) ихъ ожидаетъ въ Россіи? Если останутся,—турокъ всѣхъ ихъ перерѣжетъ“... Атаманы *загомонили*: „Правду говоритъ кошевой: отвѣтъ мы должны дать передъ Богомъ. Тогда на чьей душѣ грѣхъ?“ Писаренко возвратился въ Измаилъ и вскорѣ привезъ другую бумагу. Въ этой бумагѣ уже было сказано, что и бѣглымъ дана будетъ воля и одинаковыя съ козаками права. Кошевой согласился, а съ нимъ атаманы и старики. Слышно стало, что Царь Николай прибылъ съ войскомъ въ Измаиловъ. Поднялась страшная суматоха... Ко-

заки стали собираться въ Измаиловъ, а остальное населеніе бросило хаты и повалило къ перевозамъ черезъ Дунай. Кошевой Гладкій по всѣмъ станицамъ разослалъ вѣстцовъ и издалъ приказъ, чтобы къ дунайскому перевозу со всѣхъ концовъ собирали паромы, байдаки, дубы и перевозили день и ночь. Иные успѣли забрать хозяйское добро и даже скотъ, другіе захватили только дѣтей да святыхъ (иконы), а было много и такихъ, которые вырвались съ душою... Не всѣ, однако, успѣли уйти отъ Турка! Тѣ, что жили въ горахъ, далеко отъ Дуная, узнали объ этомъ не скоро, другіе пожелали остаться въ насиженныхъ мѣстахъ.

Черезъ два-три дня послѣ того, какъ запорожцы присягнули Николаю I, узналъ Турокъ, но пріротановить переселеніе запорожцевъ не могъ, такъ какъ у него не было лишняго войска. Тогда турецкіе наши отобрали оружіе отъ тѣхъ запорожцевъ, что были на корабляхъ, и отправили куда-то далеко разбирать старыя судна, а станицы велѣли пустить дымомъ (сжечь)... Много жестокостей проявили тогда турки къ оставшемуся русскому населенію, но зато много лѣтъ не переставали русскіе уходить отсюда и селиться въ станицахъ, основанныхъ Гладкимъ. Когда велась война съ Турціей, мой отецъ участвовалъ съ козаками въ битвѣхъ подъ командою Гладкаго, а по окончаніи войны Гладкій пожалованъ былъ генеральскимъ чиномъ и назначенъ наказнымъ атаманомъ казачьяго войска. Первый годъ, по переселеніи, казаки стояли по квартирахъ въ слободахъ, а потомъ, по выбору Гладкаго, имъ дана была земля вблизи Азовскаго моря и войско названо *Азовскимъ*. Гладкій основалъ тамъ станицы: Никольскую (Кальчикъ по рѣчкѣ), Стародубовку, Покровскую, Новоспасовскую и Петровскую, гдѣ, по началу, устроены были землянки, а потомъ уже хаты. Всѣмъ заслуженнымъ козакамъ дарована была земля: генералу Гладкому 1600 дес., полковникамъ и войсковымъ старшинамъ по 400 дес., войсковымъ эсауламъ, хорунжимъ и сотникамъ по 200 д. Всѣ эти чины завели свои хутора и усадьбы вблизи станицъ.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ Гладкаго и ни въ чемъ не отказывалъ на войсковыя нужды. Въ станицахъ вскорѣ построены были церкви, школа и войсковое управленіе въ ст. Кальчикѣ (Никольскомъ). Первая церковь была вывезена изъ-за Дуная и поставлена въ Кальчикѣ; оттуда же выведенъ и священникъ. Генералъ Гладкій жилъ въ Кальчикѣ 9 лѣтъ, но не спокойно жилось ему по началу. Первые три года выпали неурожайные, всюду былъ голодъ, падежи и наконецъ холера. Въ довершеніе бѣды, саранча пожирала все до черной земли. Казаки обѣднѣли и начали роптать на Гладкаго, что выбралъ голую степь, гдѣ ни лѣса, ни рыбныхъ угодій, которыми такъ обилдовали задунайскія вольности. Однако настали урожайные годы, все было забыто и войсковыя станицы оправились, заобогатѣли. По истеченіи 9 лѣтъ, Гладкій перевелъ войсковую канцелярію (Управленіе) въ Петровскую крѣпость.

Генералъ Гладкій роста былъ средняго, коренастый и волосы носилъ, какъ все малороссы, „стожкомъ“. Жилъ скромно, велъ хозяйство, но, по службѣ, всегда имѣлъ при себѣ 5 вѣстовыхъ казаковъ изъ разныхъ станицъ. Гладкій дожилъ до глубокой старости и умеръ въ г. Александровскѣ въ 1866 году, гдѣ ему поставленъ и памятникъ внуками.

Азовское казачье войско упразднено при Александрѣ II въ 1865 году и казаки въ теченіе 3-хъ лѣтъ переселились на Кубань; въ 1867 году туда же переведена и ихняя войсковая канцелярія. Это все, что могу сказать о бывшемъ Азовскомъ казачьемъ войскѣ и кошевомъ атаманѣ Гладкомъ.

Могу еще добавить, по рассказамъ отца, что Осипъ Гладкій былъ кошевымъ за Дунаемъ три года, а передъ нимъ атамановалъ старый казакъ *Гавкуша*. За Дунаемъ налоги платили туркамъ, при чемъ за сборомъ денегъ являлись одинъ разъ въ годъ турецкіе чиновники и проживали у казаковъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. За голоту платило общество, но счету этой голи ни кошевой, ни турки не знали.

Да и трудно было знать: сегодня десять пришло, а завтра двадцать ушло, и шукай вѣтра въ полѣ...

С. Андреевка, Александров. уѣзда. 11 и 12 мая
1905 года.

---

46) *Разказъ 2-й*

Ще за Катерины, якъ пишли Запорожци пидъ турка, давъ винъ имъ землю на Дунаи. Тамъ, кажуть росла лоза, лись. Поодбиравъ турокъ шабли, ружжя, пушкы. „Ловить, каже, хлопци, рыбу, а въ море не кыдайтесь, шобъ розбою не було“.

Спочатку скудно жылось: сіялы хлибъ, плодылы скоть, бжолы, ловылы рыбу, а въ козацьке дило не вкыдалысь... Литъ черезъ пятнадцять, кажуть, стало вольнише.—Сталы опьять козакувать.

Бувъ у запорожцивъ кошовый, захожый зъ Самари ¹⁾. Отъ зостаривсь винъ и каже: „Ну, хлопци, я вже не зду-жаю: выбирайте другого батька!“ А козаки дуже любылы старого кошового. Сталы вони раду збыраты, сталы выби-рять. Кого выберуть, —той отказується; хто самъ намагаеться, —того люды не хотять... Зибралысь вони вдруге, втрете, —никого не выбрали... Тоди до старого кошового: „Шо хочъ, тату: або пануй самъ, або нарай инчого, кого зна-ешъ“... Покачавъ старый головою и каже: „Мижъ вамы, хлопци, есть люды, —ось хоть бы и Йосыпъ *Гладкий*, —чымъ не козакъ!?“ Пидхватылы вони въ одынъ голосъ: „Гладкий, Гладкий“... Найшлы того Йосыпа и потягли до громады. Съ того часу и ставъ у Сичи отаманувать Гладкий ²⁾.

Черезъ мале время старый кошовый ставъ померать и поклыкавъ Гладкого. „Ну, каже, Йосыпе, послухай мого

---

¹⁾ Изъ г. Новомосковска, Екатерин. губ., на р. Самари.

²⁾ По улычному его звалы *Бондарь*.

совиту. Якъ хочешъ панувать, то не продавай Хреста бусурманамъ! Туркамъ, каже, корысь, а на Украину дывысь: то наша ненька, не це!“

Не успили поховать старого кошового, ажъ ось чутка пишла, шо турокъ объявивъ нашому цареву війну... Понабигалы въ Сичь турецьки башы, понавозылы шабель, рушницъ, пушокъ и давай муштровать... Дали почулы, шо нашъ Царь зъ військомъ уже на Дунай и шо турокъ велить козакамъ руки здйять противъ своихъ. Гладкый зибравъ 40 тысячъ війська, посадивъ на дубы и махнувъ въ Змаиловъ до Царя... Прыихалы козаки, высадылысь на берегъ и впалы передъ Царемъ навколишкы. „Просты насъ, батьку, билый Царь,—сказавъ Гладкый—и прыймы пидь свою руку“... Глянувъ Царь Мыколай на таку сылу війська и заплакавъ... „Прощаю васъ, запорожци, я, прощае и вотчына моя! Идить, каже, и служитъ вирно“...

Дознавъсь турокъ, шо козаки зрадылы и метнувся до коша... Все, шо зосталось,—порубавъ, попсувавъ, сплюндровавъ, пустывъ дымомъ...

Инчи зъ людей перекинулысь черезъ Дунай и подалысь на Украину, а инчи выховалысь по лисамъ, та очеретамъ, осталысь жыть тамъ. Лыбонь то козаки и теперь есть на Дунаи, тико уже потуречылысь...

Якъ кончылась война, стали запорожци просыть Царя, шобъ давъ землю за порогамы. „Ни,—каже Царь—тамъ уже завелысь слободы, а поселю васъ биля Азовського моря“. Поселывъ ихъ и назвавъ Азовськымы козакамы. Тутъ жылы вони литъ сорокъ, и Гладкый надъ нымъ отаманувавъ. Пры Олександрі, якъ стали ихъ повертать въ мужыкы, вони попродады шо було и подалысь козакувать въ Чорноморію. Ихни слободы—Кальчыкъ, Новоспасивка, Стародубивка, Покровська и Петровська йдоси есть, тико тамъ уже мало зосталось козацького покоління, а жыуть мужыкы.

Колысь тутъ кажуть, степъ бувъ дыкый, а биля ричкы *Берды*, де слободы Стародубивка и Новоспасивка, дер-

жавъ разбой воръ *Засорынъ*. Винъ богатыхъ грабувавъ, а бидныхъ надиявъ; про его и писня есть.

Дѣдъ Игнатъ Кашпиръ, 93 лѣтъ, с. Крестовка,
Маріупольскаго уѣзда, 29 декабря 1904 г.

Въ день посѣщенія, рассказчикъ обладалъ удовлетворительнымъ здоровьемъ и проявилъ удивительную словоохотливость и гостепріимство. Полтавецъ по рожденію, онъ молодые годы провелъ между Азовскими казаками и, поселившись въ с. Крестовкѣ, близъ ихъ станицъ, часто косилъ сѣно у Наказнаго Атамана Осипа Михайловича Гладкого.

Я. Н.

Литература. *Русская Старина*, 1881, т. II, —біографія Осипа Михайл. Гладкаго, написанная его сыномъ, подполк. Вас. *Гладкимъ*; *Кіевская Старина* 1883 г., февраль, ст. *Кондратовича* „Задунайская Сѣчь“. —Статья нѣсколько пристрастная; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи. 1886 г., III; *Эварницкій*—„Запорожье“—1888 г., II.

ОТДѢЛЪ IV-й.

Запорожская старина въ разсказахъ.

---

47) Происхожденіе Запорожцевъ.

Легенда 1-я.

Якыйсь-то бувъ руській царь, шо стоявъ пидъ страхомъ у чужоземця... Це давня давныня... Такъ ото нашъ царь тому неприятелеви и платывъ подать людьмы; було займе, якъ отару овецъ, тай жене. Хто було пиде до неприятеля, то уже не вернется: помынай якъ звалы. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самыхъ отбирныхъ. Выйшлы вони въ степъ, посовитувалысь и кажутъ: чого мы пидемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На заризъ? Есть мижъ намы ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы, есть знахари, характерныкы; давайте тутъ жыть. Подалысь вони въ лисъ, въ пуци, повикопувалы землянкы и давай жыть.

— На другый годъ, опять найшло людей, на третій опять,—стало циле вѣйско. Отъ супостатськый царь и пыше нашому: „чомъ ты, каже, людей не даешъ“? Нашъ и одвигуе: „посылаю тоби, каже, шо року“... Багато годивъ мынуло, попеременялысь и цари въ земляхъ, а люды все намножаються и намножаються въ дыкимъ степу. Ставъ неприятель докучать имъ набигами, и давай вони бия его ворожить. Стико не пошле вѣйська, вони все и перерубають... Характерныкы булы вельки!... Стала ходыть чутка, шо жыуть десь запорожци—таке вѣйско, шо и не прыступышь. Орудовавъ нымы кошовый-характерныкъ.

-- Земля тоди була дыка; кышавъ звирь, гадъ, та птыця.

— Жылы такъ запорожци поky одвоювалы у турка землю: одъ Орили та до моря шырынею, отъ Бога—рички та до „Горилого иня“ довжыною. Горилый пень бувъ пидъ Донщыною за Савуръ-могылою. Тамъ могыла, а бияя неи рисъ дубъ и такой товстючий, шо насылу було пьась чоловікъ обхвате. Якъ усохъ той дубъ,—его обпалылы, и довго чорнивъ винъ середъ степу;—его выдно було за сорокъ верстъ. Якъ сплюндровалы запорожжя, то бияя того горилаго дуба живъ якыйсь гайдамацькій ватажокъ, а на Савуръ-могылы-другый—Сава; ото винъ якъ скоче до себе выкыкать Саву въ госаи, то почепе на дуба копыцю сина, дожде noci и пидпале. Побаче Сава огонь,—на коня, и скака... Теперь нема запорожцивъ: пидъ турка пишлы... Сталы ворогы докучать царицы, шо буцимъ бы то запорожци школу роблять, вона зибрала вѣйско и пишла на ихъ. Зійшлысь москали, зійшлысь и запорожци. Москали стрияють, а запорожци полы пидставляють... Понабиралъ повни заполы куль, тай пишлы до царицы. „Велькый свить, матусю! на тоби оци заряеы, вони може згодяться“. Вона здывувалась, такъ каже: „являйтесь ка мнѣ, я васъ угащу“. Зибралысь запорожци до неи, а вона и пыта: „какъ вы живете, яловое, запорожское войско, безъ женъ?“ „Жывемо, кажутъ, такъ: сорочку поky вс... поты обидравъ, бо никому прять“... Угостыла вона запорожцивъ и пишла въ ихній станъ. Дивиться,—хто чоботы квацое дегтемъ, хто..., хто матню лата, хто кашу варе, хто нужу бье, а инчий-вуса круте... „Что же у васъ такое нестройное войско?“—пыта цариця кошового. Та такъ, каже, матусю,—замыреніе: ни-противъ кого строятся...

Сталы запорожцивъ преписнять, ставъ Потемка населять слободы, сажать нимцивъ... Взялы вони и подалысь: яки за Кубань, яки посунулысь въ Турещыну... Прыйшлы, а паша и каже: „тоди я васъ прыйму, якъ запрысяонете вирно служить въ мой земли“. „Добре, кажутъ, согласни“...

Стали збирать ихъ пидъ присягу, а у ихъ у кожного въ торбыни була хрыстіянська земля: вони понасыпали въ чоботы земли, пидійшли пидъ присягу и кажутъ: „на чый земли стоємо, тому цареви будемо служити!“ Такъ вони и робылы: було въ турещыни жывуть, а помичъ дають своимъ хрещенымъ.

---

48) Легенда 2-я.

Запорожцивъ спрежду було всего шістьнадцять чоловікъ и звались вони Черногорами. Попервахъ жылы вони десь высче порогивъ въ лису, а повзъ той лисъ ишовъ бытый шляхъ. Дознався якийсь то царь, шо по тимъ шляху великий розбой, и пославъ військо. Черезъ стико тамъ днівъ дійшло військо до того лису и сунуло прямо въ пуцу... Иде, воно, иде тай иде,—колы чуеть—якъ затрищуть, якъ залушуть... Глянуло воно, ажъ на дубахъ курени, а видкиля выглядяють Черногоры. Генераль до ихъ:

— Що вы за люды?

— Черногоры!

— Злазьте изъ дубивъ!

— А шо-жъ вамъ видъ насъ треба!

— Треба, щобъ вы здались,—отъ шо!

— Знаете шо, люды добри, каже кошовый,—мы таки хрещени якъ и вы, отбиваться не будемо, а лучше идить соби зъ Богомъ, видкиля прійшли!

Генераль той якъ крикне:—палы!... Сталы вони палыть, та не по Черногорахъ, а сами по соби—и вылягды якъ снопы...

Явився самъ царь и выклика трехъ чоловікъ. Прійшли. Винъ за пистоль та до ихъ... ажъ воно не те: руки и одибрало... Смыкавсь винъ, смыкавсь, та тоди и просе: „Ой, братци, не пустуйте!“ „Добре, кажутъ; дай же намъ

впередъ бумагу, щобъ була намъ земля обмежована и щобъ, хто за межу перескоче,—той и нашъ!“ Царь обещавъ и ставъ володять руками. Выдавъ имъ бумагу и назначывъ межу за сто верстъ выше порогивъ и за сто верстъ низче порогивъ. Якъ силы вони кошемъ на порогахъ,—народъ такъ и сунувъ до ихъ. Тоди уже земля назвалась козацькою, а люды—запорожцями.

Оттакъ я чувъ зъ молоду отъ старыхъ людей. Теперь поколиння запорожцивъ, шо кынуло Сичъ за Катерины, живе, кажутъ, пидъ туркомъ на Чорныхъ горахъ, и козаки опять звутся Черногорами.

Дѣдъ Дмитрій Степ. Быковскій, 87 л.,
м. Никополь, Екат. у., 12-го іюня 1894 г.

---

49) Кіи = первоначальное названіе запорожцевъ.

Разореніе Сичи.

Мій дядько, Матвій, умеръ 110-ты годъ въ пятьдесятъ вторимъ году (1852). Розказувавъ, шо спрежду запорожци звались *кіями*, и не тутъ жылы, а десь въ лисахъ, пидъ Киевомъ. Кіями звались видтого, шо ходылы на розбой съ кійками. Якыйсь, кажутъ, князь *Амлынъ*, чи шо, ставъ набирать ихъ въ свое вѣйсько и сказавъ: „якъ поможете мени звоювать турка,—дамъ вамъ степы, балкы, байракы и и ввесь низъ Днипра: будете жыть вольно“. Зибралысь вони вси, стико було и звоювали турка. Амлынъ тоди давъ имъ Днипро и степъ низче порогивъ и стали вони запорожцями. Було у ихъ 40 куренивъ и 40 тыс. вѣйська, та Катеринына зигнала и отдала землю нимцямъ... Амлынъ той, якъ дававъ землю, то казавъ: „буде вона ваша, поky свить сонця“; а Катеринына уже не те сказала: „дайте, каже, бумагу, шо це ваша земля“. Вони тоди сюды, туды—нема.

Якъ стало вѣйсько противъ запорожцивъ, а характерныкы и выйшлы. „Ну, кажуть, сдаваться не будемо,— быйте! Москали за ружья, цияють въ ихъ, а ружья клаць! клаць! клаць!—и не палять; глянулы, ажъ порохъ мокрый... „Ну, кажуть, васъ, мабуть и чортяка не звоюе“. Характерныкы зовсимъ не хотилы здаваться Катерины, та вѣйсько сказало: „ни, братци, у насъ есть батькы и диты: москаль ихъ выриже“. Взялы тай здалися.

Осипъ Леонт. Шуть, 70 лѣтъ, рыбальня на островѣ Хортицѣ, 14-го сентября 1888 года.

---

50) Черты изъ жизни запорожскихъ козаковъ.

Запорожци жылы скрызъ по Днипру, въ Велькому Лузи, по степахъ и въ городкахъ 1). У насъ называютъ теперь „майданы“, а у запорожцивъ—то булы „городкы“. Таки городкы и теперь есть въ Старыхъ Койдакахъ, на Пидгороднянськимъ степу, пидъ Петрыкивкою. Городкы обнесени булы высокымъ валомъ, а въ тимъ мисти, куды входить,—стояло по бокамъ два высокыхъ стовпа. Було кому есть дило до старшынь—иды въ крепость дорогою, а якъ тико полизъ черезъ валъ, заразы пидскочать кабачныкы 2) и ну киямы: „не ходы, еретычый сыну, навпростецъ 3) ходы въ ворота!...

„Запорожцивъ часто грабувалы ляхы и туркы, а зате, було, не спускають имъ и запорожци. У ихъ була черга 4)—кому ихать на роздобытки, кому дома буты. Оце, було, позъизжаються въ таборъ 5), то старшына и пыта кожного,

---

1) Земляныя укрѣпленія въ степи.

2) Отъ слова Кабыця—очагъ. Помощники кашевара. 3) Напрямикъ.

4) Очередь. 5) Станъ, лагерь.

шо винъ привизъ. Якъ тико инчий вернется безъ ничего, або пропье въ дорози, заразы и крычить: „кїивъ, еретычному сынови“. Всыплять по тры кїя въ спыну, тай край. У ихъ бувъ такойъ звычай:—хочъ привизъ шо—сидай, пый горилку зъ старшынамы, хочъ кїивъ получывъ—сидай, пый и ижъ. Не сердылысь довго: не привизъ сегодня,—привезе завтра, а все такы роздобуде на товарыство“.

„Було розгорюють сиромахы ¹⁾ на гроши, купляють горилку и давай кружать. Якъ тико який дука ²⁾ почне насмихаться, заразы отаманъ заступыться и всыплять, еретычному сынови, кїивъ. Про це есть и писня“...

Ой хмарыться, туманыться, дрибенъ дощъ иде,
Веселая беседонька, де голота пье.

Ой хмарыться, туманыться, ставъ дощъ накрапать,
Гей, пора намъ хлопци, добри молодци, наметъ ³⁾

напынать.

Напьялы наметъ, наметъ червоный, голубїи стины,
Котриі дуку все багати—у намети силы.

Котриі бидни, та ще й безсчастни, й не посмилы,
Взялы квартиру, а другу зъ жату ⁴⁾, та й на дощи силы.

Прийшовъ до ихъ отаманъ ихъ, тай жалувать ставъ.
Скынувъ съ себе голубый каптанъ, тай наметъ напьявъ.

Теперь хлопци, добри молодци, будемо й мы пыть,
А хто буде насмихаться, то будемо быть.

Прийшовъ багачъ, прийшовъ дукачъ,—насмихається.

„За вищо ця, несчастна голота, напывается?“

Обиззався панъ отаманъ голоти зъ намета:

„Визмить дуку за чубъ, за руку, та выведить геть!“

Одынъ взявъ за руку, другой за чупрыну, третій
дула бье ⁵⁾,

„Не йды багачъ, превражий дукачъ, де голота пье“.

Бидна голота загорювала, тай загуляла.

А якъ не стане—ще загорюемъ, та виють будемъ пыть,

---

¹⁾ Бѣдняки. ²⁾ Богачъ. ³⁾ Палатка. ⁴⁾ Шутка.—⁵⁾ Рукоплещеть—
„бьетъ въ ладоши“.

А хто буде насмихаться, того будемъ быть.

Помижъ запорожцями багато було характерныкивъ¹⁾. Берлымъ розказувавъ про Кравчыну²⁾, котрый въ Польци піймавъ козацького душоуба Саву^{*)}. И про це есть писня... Оце, було, быються запорожци зъ ляхами и, гляды, ляхы побывають нашихъ. Якъ тико наскоче Кравчына,—такъ ляхамъ и нема ходу. Кули³⁾ летять, а запорожци ловлять ихъ въ заполы. А якъ треба перейты ричку, то Кравчына поведе передъ, и стане сухо. Такъ, було, въ сухій одежи переходять запорожци и Ориль-ричку... А то було ще й такъ. Якъ треба пливсты Днипромъ, то зроблять зъ оситнягу⁴⁾ плыть⁵⁾, посадають и гайда⁶⁾ за водою...

Запорожци сами курылы горилку. У ихъ, казавъ Берлымъ, караванивъ⁷⁾ не було, а такъ прямо выбере на степу глыбоке провалье⁸⁾, зробе халунку⁹⁾, тай куре... Тамъ у его шанлякы¹⁰⁾ и весь штрументъ¹¹⁾, якъ и въ каравани. Горилка була далеко добриша, нижъ теперь.

Дидъ Мартынъ Власовичъ Кравецъ-
Занка, 78 л., с. Новые Кайдаки, 9 мая
1887 года.

---

*) Выросши и воспитавшись въ Сѣчи, ватажокъ *Савва Чалый* впоследствии передался полякамъ, былъ приверженцемъ Орлика и злѣйшимъ врагомъ запорожцевъ. Съ шайкою отчаянныхъ гайдамакъ, онъ разрушилъ Гардъ, грабилъ запорожцевъ и, по народнымъ пѣснямъ, съ живыхъ сдиралъ кожи. Наконецъ неожиданно („характерствомъ“) былъ схваченъ запорожскимъ ватажкомъ *Гнаткомъ Голымъ* съ помощью *Кравчины* и, по однимъ, убитъ на мѣстѣ (Автоновичъ), по другимъ—доставленъ въ кошъ, изрубленнымъ и засѣченъ кѣями (Скальковскій). Подробности объ этомъ, воспѣтомъ въ народныхъ пѣсняхъ, ватажкѣ см.—*Скальковскій*. Паѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII в. Одесса. 1849. Стр. 45—49 и *Автоновичъ*. Исслѣдованіе о гайдамацествѣ по актамъ 1700—1768 г. „Кіевъ. стр. 116—121“.

1) Знахари колдуны. 2) Кравчына въ козацкомъ смыслѣ,—отрядъ, ватага; нашъ же рассказчикъ окрещиваетъ фамиліей Кравчины запорожскаго ватажка. 3) Пули. 4) Болотное растеніе. 5) Плотъ. 6) Пошелъ. 7) Винокуренныхъ заводовъ. 8) Оврагъ. 9) Крыша, навѣсъ. 10) Чаны. 11) Инструменты.

51) Чумаки и запорожская сторожа въ степи.

Колысь степы булы дыки, шляхивъ мало, тай то одынъ одъ другого на 50—100 верстъ. По велькыхъ шляхахъ въ Крымъ стояла запорожська сторожа, а по балкамъ шлялась татарва та нагайва. Чумаки тоди ходылы валкамы ¹⁾ возивъ 100—200 и бильше, шобъ охитнише ²⁾ було. Оце иде валка, ажъ ось надъ шляхомъ стоять ратыше ³⁾. Тутъ значыть, клады чумака харчы сторожи. Инчий кладе хлиба, сухаривъ, торбыну борошна, пшона; инчий сала, солы, цыбули, тарани. Покладуть и гайда соби. Идутъ воны, колы ось упячь ратыше и уже середь шляху. Тутъ уже выпрягай чумака и стій, бо на переди заляглы туркы або нагаякы. Пасуть чумаки воливъ, колы ось, якъ витерь, летяць верхамы запорожци. Запрягають тоди чумаки воливъ и идутъ, а попереду козаки. Верстовъ десятокъ чи бильше проидуть, а тамъ упячь козаки. Тоди ци вертаються, а ти проводятъ чумака дальше. Чумаки, було, дають запорожцямъ и гроши и могорычъ, а инчи и вола на маханъ ⁴⁾. Скотъ тоди бувъ нишочомъ. Кожный чумака бравъ про случай паръ двитры зайвыхъ ⁵⁾. Булы таки, чумаки, шо не слухалы сторожи: скинуть зъ дороги ратыше и дальше поганяють. За те имъ и доставалось: або запорожци плечы нашмагають, ⁶⁾ або татарва набье, а воливъ займе.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ. Александровскъ, 16-го декабря 1884 г.

---

¹⁾ Обозами. ²⁾ Безопаснѣ и веселѣ. ³⁾ Дерево пики
⁴⁾ На мясо. ⁵⁾ Лишнихъ. ⁶⁾ Набыють нагайками.

(52 Изъ времянь татарскихъ набѣговъ.

Разсказъ А.

Покойной моеи матери батько, а мій дидъ Иванъ Товстокорый бувъ запорожець. Винъ все, було, розказуе якъ Измаиловъ брала, такъ якъ Украину обиждала орда. Оце, було каже, зайде орда въ село, забере скотъ, людей, добро всяке, а малыхъ и старыхъ повбивае, посуду потрощить, пирья съ подушокъ розвие по витру. Управыться въ одній слободі—иде въ другу, третю, а потимъ и жене скотъ, людей пидъ хана. Подушки татары розрывали за для того, шобъ друга орда бачыла слидъ и ишла дали. Якъ зачуютъ було, люды, шо орда наступае, то вони и сами дають їй одводъ; визьмутъ пороспорюють подушки, выкнутъ на улыцю, а сами ховаються по лисахъ, въ норахъ, погрибахъ Орда добижыть до слободы, побаче пирья—тай дали...

А дитей, бидненькихъ, якъ мучылы!... Розказувавъ покойный дидъ Олійныкъ, шо було посаждать ихъ на одну лаву, а другою замахнуть по головкахъ,—тамъ вони и погнуть на вику... Було и такъ: оце трохи одтягнуть лаву, шобъ поставыть дитей до стины, а пидъ шыйкы лавою жъ и подушаты... Былы, нещастныхъ, и головами. Оце одну дытыну посаде доли, а другу схопе за ноги, розмахне, та головою объ голову и побье.

Багато розказувалы покойни диды. Разъ, кажуть, забигла орда въ слободу, вырубала людей, а стара баба возмы тай сховайся въ коминъ. Якъ на те зайшли татары въ хату и найшлы цыбулю. Отъ одынъ покуштувавъ — плюнувъ и каже: „Ну тай гирка руська постырнака!“ Не втерпила баба, тай обизвалась зъ комины: „Ни, паноче, то не постырнакъ, а цыбуля!“—„Ну, каже татарынъ, колы цыбуля,—вылазь марушка!“

Федоръ Мих. Кнырикъ, 61 г., Языково, Екатер. у., 29 января 1888 г.

53) Разказъ Б.

Покойный мій батько живъ въ Соколкахъ, Кобеляцького уизда де ролылась и я. Колысь було часто диды розказують про запорожцивъ и татарську орду. Въ старыну, кажуть, часто набигала на слободы орда, то оце козакивъ нашихъ порозсылають стерегты царську граныцю, або на войну, а до насъ понасылають лытвинивъ, шобъ одбывалысь одъ орды. Було, кажуть, ходять лытвыны по пидъ викнамы и гукають: „бабу! а бабу! дай мени ягудный пиругъ (съ ягодами пирогъ), я тебя одъ орды стерегу“. Бабы и дають имъ пырогы и всяку харчъ. Якъ оце забачать куряву (пыль) въ степу, то заразы на кони и почнуть бигать, та крычать: „*Орда йде! Орда йде!*“ Потимъ попередъ всихъ тикають самы. Таке-то було зъ ихъ храбре вѣйсько!... У людей тоди скрынѣ такихъ, якъ теперь, не було, а все бодни зъ лубка, шобъ легше носыть. Повкыдають збигжя (пожитки) та скорише за дитей и тикають въ Соколкы, де була крепость. Туды збигався народъ зо всихъ слобидъ, то було и выходыть протывъ орды. Якъ сыла (много) орды, то наши повынуються и женуть ихъ въ Крымъ, якъ мало—проженуть орду геть (прочь) видъ слободы.

Агафья Саенкова, изъ Покровскаго
Александр. у., 23 июня 1888 г.

54) Разказъ Б. В.

Розказувавъ дядько Матвій ¹⁾, якъ запорожци побывали орду. Разъ, каже, вѣйсько стояло на Орили пидъ Царычанкою ²⁾. На зори передъ свитомъ, чуемо,—земля сто-

¹⁾ По свидѣтельству разказчика *Матвій Шутъ* умеръ въ 1852 г. 110 л. онъ выросъ и „козакувавъ“ въ Запорожьѣ до паденія Сѣчи.

²⁾ Старожитное запорожское село Кобылякского уѣзда, на рѣкѣ Орели.

не, клекить ¹⁾ десь. Попрыподамы до земли, слухаемо—орда йде. Мы посидламы коней, та назустрічъ. Сталы добигать до Ордынського шляху, ²⁾ ажъ люды ячать ³⁾ мы тоди стико духу, и давай рубать орду. Управылысь, тоди порозъязувалы людямъ руки и пустылы зъ Богомъ. Орда найбильше заганяла въ неволю людей зъ городивъ ⁴⁾.

Осипъ Шутъ, 70 л., островъ Хортица, 1 января 1888 г.

---

55) Химородникъ.

Въ Велькому Лузи, ще за запорожцивъ, живъ химородникъ Хвесько. Его дуже боялысь и слухалы козаки. Оце, було, лежить чоловикъ, а винъ риже чорну редьку. Якъ тико пuste редька сокъ билый—чоловикови стане трудно; якъ стане сокъ чорнить—чоловикъ умера. Винъ тоди поробе, шо редька вбере въ себе сокъ чорный, пuste билый —и чоловикъ оживе. Фесько мавъ сына, тико ему цего характера не передавъ. „Ты, каже, сыну, дуже сердытый; одроблювать не схочешъ и чоловикъ умре“.

Оксентій Орелъ, 65 л. Кушугумовка, Александр. у.
28 декабря 1885 г.

---

¹⁾ Шумъ, говоръ.

²⁾ Ордынський шляхъ—десь била Царычанкы, иде черезъ Ориль
Телерь винъ зветься *Крымськимъ*. Разсказчикъ.

³⁾ Кричать, говорятъ.

⁴⁾ Населенныя мѣста Полтавской губ.

56) Характерство запорожцевъ въ народномъ
представленіи.

Разказъ 1-й.

Земля, де мы живемо, одвоевана у турка, Богъ его зна, за якого царя. Орда, кажуть, стояла на Хортивському острови, а руське вѣйсько протывъ неи, де теперъ Вознесенка ¹⁾. Отъ почалы воювать. Орда обкопалась и пале съ пушекъ, а москали товпятся та падають. Якъ уже полягло багато москаля, царь давай журытыся. Колы де не узався запорожець: бижыть конемъ, та прямо до царя. Здоровъ царю!—Здоровъ козаче!—А шо—якъ?—Такъ и такъ, каже царь: полягло вѣйска багато, а турка не визьму.—Ставай, каже, бияя мене! Царь ставъ. Запорожець пиднявъ руку и пѣймавъ ядро. „Ось бачъ, каже який гостынецъ! Ну теперъ, каже, глянь на островъ: шо тамъ?“ Глянувъ царь ажъ турокъ самъ себе руба, самъ на себе пиднявъ руку и пишовъ потоптомъ. ²⁾ Пиднялась велька курява, закрюкалы крюкы ³⁾ а потимъ стыхло.—„Дывысь теперъ, каже запорожець.“ Глянувъ царь, ажъ нема ни одного живого турка, порубалы самы себе, а крюкы выдовбують очи. Царь тоди и каже: „Ну запорожци, дарую вамъ цю землю, жывить, покы свить сонця!“

Сталы вони разъизжаться. Москали посидалы на коней, а запорожци прослалы на Днипри повсть, тай подалися до лыману.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ. Александровскъ,
16 декабря 1884 года.

---

¹⁾ Село Александровскаго уѣзда, противъ о-ва Хортицы.

²⁾ Самъ себя топчетъ.

³⁾ Черный воронъ.

57) *Разказъ 2-й.*

Запорожци были лыцари и вельки галдовныкы. Куля ихъ не брала, на Днипри, було, простелять повсть и идуть. Катерына хотила повернуть ихъ пидъ свою власть, а вони и не схотили. Шобъ показать сылу, прокынули повсть на мори, набрали земли въ чоботы, горилкы въ баклагы и подалыся въ Турещыну. Плывуть соби та спивають.

Дѣдъ Онисимъ Петренко, с. Балабино, 24 февраля 1885 года.

58) *Разказъ 3-й.*

Мій дидъ все, було, розказуе про запорожцивъ. Знатни люды были! Було якъ збыраються въ Польшу, то берутъ не бильше якъ 12 чоловікъ; зайвого шобъ не було Ватажокъ, було прыказуе: „глядить, хлопци, якъ прыидеться тикать, то не розбигайтесь: держыться купы“. Ихъ мало, а ляхивъ багато, то оце, гляды, и бижыть погоня. Вони повстромляють ратыща въ землю, поставлять коней хвостамы до хвостивъ, а сами въ середину и поховаються. Гоняться ляхы и крычатъ: „Рембай глову“! Добижать до ихъ и покажуться имъ лисъ; вони тоди и повертають коней назадъ.

Дѣдъ Трофимъ Ковбаса, 89 лѣтъ, д. Языково, Екатер. уѣзда, 6 іюля 1886 г.

---

59) **Смерть и похороны характерника.**

Ще за Катерыны, на бальци Таволжаній ¹⁾ жывъ запорожець Довгый и бувъ винъ превелькый характерныкъ...

---

¹⁾ Таволжаная балка въ Александровскомъ у., устьемъ выходитъ въ Днѣпръ и составляетъ живую границу дачь—владѣльца А. А Иваненко и с. Петровскаго-Свистунова. Я. Н.

Старый, дуже старый бувъ винъ, та ще й одынокый. Ставь винъ померать, а померавъ винъ не разъ,—и звеливъ наймытови покликать сусида Пластуну ¹⁾. Довго вони балакалы, а дали Довгый лигъ тай умеръ. Пластунъ и каже наймытови: „Ну лягай, сыну, спать, а я пиду подою коровъ“. Пишовъ. Наймыгъ привъязавъ мертвого канатомъ за шыю и за ноги до лавы, взявъ скрипку тай грае соби на двори.. Чы довго винъ гравъ, чы ни, колы чуе—товчеться шось въ землянци. Заглянувъ винъ туды,—колы мертвый совається по лави... „Товчысь, каже, Марку, по ярмарку:—чорта зъ два выкрутышся!.. Грае винъ упьять, та вытрындыкуе... Трохы згодя, слуха,—зновъ товчеться мертвый“... Отъ приходе дидь Пластунъ. „А шо, пыта,—не вставъ ще нашъ мертвый“—„Ни,—каже,—пручався, такъ я его прыкрутивъ до лавы канатомъ“. — „Добре-жъ,—каже, шо догадався,—а то винъ бы тебе задушывъ“...

Зійшлось тамъ чоловіка стико запорожцивъ, выкопалы яму и давай ховать безъ попа. Якъ спустилы его въ яму Довгый и каже: „ну братци, давайте осыковый кілокъ, та будемъ печатать. Забылы ему кілокъ въ груди и засыпалы землю.

Галдовыкивъ попы николы не ховалы, а ховалы ихъ запорожци по своему...

Дѣдъ Яковъ Мусіенко, 80 л., с. Свистуново
Алекс. у., 19 іюля 1882 г.

---

60) Какъ запорожци перехитрили Потемкина.

(Преданіе).

Якъ зруйновавъ Потемка Сичъ, запорожци давай смолыть байдакы та дубы, давай тикать въ Турещыну. Довидався Потемка, тай каже: „Ну скурви сыны, колы-жъ вы

¹⁾ Пластунъ живъ на другій вершини балды въ байраци (въ льсу) котру звемо Пластуновською Разказчикъ.

такъ, такъ я-жъ васъ ось якъ“... Звеливъ винъ выще Ныкополя натягты канаты одъ берега до берега и поначеплять дзвонькы, а на Днипро понаводыть пушкы. Думка, бачъ, була така: якъ тикатымутъ запорожци вночи,—дзвонкивъ не мынуть,—туть имъ и гакъ ¹⁾).

Ждутъ ночи москали, ждутъ и запорожци. Стало вечерить,—запорожський ватажокъ и каже: „Рубайте, хлопци, гильчасти дубы, та будемо рушати“! Зрубалы съ пивсотни дубивъ, пустылы на Днипро за водою, а самы посадалы на байдакы и поплылы тихенько. Темна була ничъ!... Опивночи доплылы дубы до канативъ, а дзвонки зразу: дзелень, дзелень, дзелень!... Москали до пушокъ, та зъ обохъ бокивъ—бухъ! бухъ! бухъ!... Якъ выпалылы заряды, ватажокъ и каже: „Ну, хлопци, теперь за весла, та пора и веселой заспивати“... Затяглы запорожци веселой и покрылы Днипръ байдакамы. Не мало ихъ, кажуть и пишло пидъ турка—дванадцять тысячъ.

Дѣдъ Трофимъ Штепа, 72-хъ л., изъ с. Вознесенки, о. Хортица, 1 августа 1887 г.

---

61) Долголѣтіе у запорожцевъ.

Ни, теперь не жывуть такъ довго люды на свити, якъ колысь жылы! Якъ не було ще ни крепосты (Александровской), ни Вознесенкы (село), туть, по балкахъ та по плавняхъ жылы запорожци. Дидъ розказувавъ, якъ зруйновалы Сичъ, сталы сюды люды находыть, сталы селыться. Надъ Московкою (рѣка), кажуть, въ балъци, жыло тры запорожци: дидъ, сынъ дидивъ и онукъ,—все трое били якъ снигъ. Дидови кажуть, було 130, сынови его 110, а онукови пидъ

---

¹⁾ Конецъ, смерть. Собственно гакъ, означасть крюкъ, а въ данномъ случаѣ—попался на крюкъ—пропалъ.

90 годъ. Люды были заможненьки: багато було скоту, коней, бжолы. Жыла у ихъ сиромашня ¹⁾. Старый дидъ, дарма шо доживъ 130 годъ, бувъ на выду червоный, якъ бурякъ, пры своему уми, тико на ноги слабый; сынъ его, хочъ и молодой,—зовсимъ, кажутъ, выжився зъ ума, ставъ якъ мала дытына; онукъ —пидходывъ пидъ своего батька. Отъ разъ, кажутъ, захавъ до ихъ якыйсь панъ за паппорты спытать, чы шо,—тоди уже ця мода заводилася. Дидъ сьдивъ на печи, сынъ на прыпичку, а онукъ выйшовъ зъ хаты. Панъ и пыта дида на прыпичку: „Шо ты за чоловікъ?“—„Запорожець!“—„А на печи хто?“ „А катъ его зна, шо воно за чортяка!... Стики зазнаю—все у насъ живе“... Дидъ зъ печи и обизвався до пана; „Отакъ якъ бачышь, чоловіче: забувъ, еретычый сынъ, шо я ему и батько“...

Осипъ Шугъ, 70 лѣтъ, ост. Хортица на Днѣпрѣ, 15-го сентября 1888 г.

---

62) Великорусскіе крестьяне въ запорожскихъ вольностяхъ.

Теперь выйдешъ на гору, тай слободы видно, а годъ сто тому назадъ бувъ одынь, степъ та чагаръ ²⁾ по балкахъ. Кажуть, заразъ писля того, якъ Сичъ скасовано ³⁾, поризалы землю панамъ, шобъ населялы слободы. Слобидка Татарка ⁴⁾, съ початку населена кацапами ажъ изъ Серпухова,—Богъ его зна, де винъ и есть ⁵⁾. Колысь давно кацапка розказувала ще нашимъ батькамъ, шо якъ выводылы ихъ видтиль въ степы, то казалы, шо тутъ рай, а не сторона. Въ степу, казалы имъ, якъ выгонять коровъ въ череду, то до ригъ привязують кошовкы; ввечери вернуться

¹⁾ Сѣрома, голь бездомная.

²⁾ Мелкій кустарникъ. ³⁾ Уничтожено ⁴⁾ Новомосковскаго у.

⁵⁾ Московск. губ.

воны до дому зъ паши и приносять повни кошовкы ягидъ: сами такъ и нападають. А люды,—хвалылысь имъ,—жывуть такъ багато, що каждый день идять пироги и всякому дають выймать зъ печи зъ третего, якъ колысь жалы зъ третего снопа. Мы, каже баба, приихалы—колы цего ничего нема... Де-не де, каже, жылы запорожци, по балочкахъ и хаты у ихъ биленьки, тико сами воны на выдъ страшни. Давай воны лаять своихъ чоловикивъ: „Завезлы, дуракы, въ сторону хахлацкую: горницы бѣлыя, а люди выйдуть—страшные, черные, голова голая (бритая), да еще и съ пузьмой (чупрына)“.

Старикъ Буря и др., 7 мая 1887 года. Рыбачій кошъ на Днѣпрѣ, вблизи с. Любимовки, Ново-московскаго уѣзда.

ОТДѢЛЪ V.

Малорусская Сатира, Юморъ.—Суевѣрія.

---

63) Какъ литвины воевали хохлацкій серпъ.

(Разсказъ).

Ще за Петра первого, йшли литвины пидъ Полтаву воювать шведа; йшли вони степомъ. Чоловикъ нажавъ полукипокъ жыта, застромивъ серпъ и забувъ. Побачылы литвины и дывуються: шо воно таке? Бувъ мижъ нымы литвынъ, котрый весь свить сходявъ: разъ бувъ у млыни, а другой—на базари, тай и каже: то, братци, людоѣдъ! Давай вони на его палыть... Стрилялы, стрилялы,—ніякъ не влучать. Тоди бувалый и каже: а ну, братци, на штыкы! Якъ ударе его ратыщемъ, а серпъ пидскочывъ, та другому на шыю. Той якъ смыкне—и переризавъ шыю. Вони надушылы его, привъязалы бычивкою за ручку и повезлы топыть у Псель. Посидалы въ каюкъ и кажуть—ну, треба привъязать до его камень, щобъ не сплывъ. Найшлы камениюку пудивъ пять, привъязалы и махнулы посередъ ричкы. Бувалый и каже: „пускайте, братци, впередъ камень! Камень якъ смыкне серпъ, а серпъ зубьямы якъ зачепе човенъ за крыла, такъ винъ и перекинувся. Литвины потопаютъ и крычатъ: „Ой ратуйте! проклятый людоѣдъ потопаетъ и людей губить!...

Андрей Ивашенко, 67 л., Ольгинское, Мариупольскаго у., 28 марта 1876 г.

---

64) Оплакиваніе тещи.

(Разказъ).

Жылы соби чоловікъ та жинка и у ихъ жыла жинчына маты. Отъ умерла та маты. Жинка туже, а чоловікъ и байдуже. „Плачь бо, чоловіче, каже жинка: хиба вона тоби чужа?“ Пидійшовъ чоловікъ до покійныци, схылывся надъ нею, та якъ заголосе, якъ заголосе:—„Ой ненько жъ моя, та не ридная, жинчына маты! та ты жъ, було, вдвохъ зъ дочкою, а зъ моею жинкою, варенычки у масли исте, а мени сыроватку даєте! То я жъ, було имъ, имъ, та й напьюся!.. „Буде вже, буде, чоловіче, каже жинка:—шобъ, часомъ, ще чого не згадавъ!“...

Палагея Касьяненко, Мало-Михайловка, Александровскаго у., 4 іюня 1885 г.

---

65) Вовкулаки.

А.

Вовкулака не звірь, а чоловікъ, зроблений вовкомъ по злоби. Разъ ихала свадьба, а спереду дружко галдовныкъ. Доихали до водяного млына и захотилосъ дружкови похвастать. Спынывъ коней, та якъ крикне на млынъ „т п р у! Млынъ той и ставъ. Мырошныкъ тежъ бувъ галдовныкъ, вийшовъ тай соби: „т ю у у“ тю! тю! Свадьба та зразу и розбиглась вовкамы!

Якъ найдеться чоловікъ, та одробе,—то вернуться людмы, а якъ ни,—вовкамы зостануться на вики.

Трофимъ Лубенець, 40 л., с. Крестовка, Мариупольскаго у., 18-го іюля 1905 г.

---

1) Оборотни.

66) Разказъ 2-й.

Одынъ чоловікъ розказувавъ, якъ винъ бувъ вовкулакою. Парубкомъ каже, я любивъ дивку и не схотивъ ии взяти. Вона пишла протывъ Велькодня до знахуря, а той и обернувъ мене вовкулакою. Идутъ люды зъ церкви, несутъ паскы, а я бижу зъ села вовкомъ. Люды за мною зъ щипками, гоняться, тюкають, кричать: „вовкъ! вовкъ! ловить его, бийте!“... Я все чую все розбираю и паскы мѣни хочеться, та мову одибрало: вовкъ, тай тико! Побигъ я въ лисъ и сховався. Ночной добы найшовъ я вовкивъ, ставъ розбярать ихъ мову и бигать въ шкоду. Такъ мынуло два года. Разъ выголодалысь мы и побиглы въ слободу. Вскочывъ я въ кошару и давай перекидаты овецъ черезъ тынъ, кыдаю я, а вони пидбяраютъ... Збиглысь собаки, почалы гавкаты, выть... Потимъ де не взявся ярчукъ, та до тыхъ вовкивъ—и порозгонявъ ихъ къ нечыстѣй матери. Остався я одынъ въ кошари, а собаки гвалтують, та выють. Хазяинъ кошары бувъ знахуръ. Передъ свитомъ выйшовъ винъ, глянувъ на мене и заразы догадався, шо я не настоящий вовкъ, а вовкулака. Выризавъ винъ тры быча и заходывся бия мене... Репижывъ винъ мене, репижывъ, ажъ покъ шкура лопнула. Я тоди вовчу шкуру геть зъ себе и ставъ, якъ и теперь есть, чоловікомъ. Одяглы мене люды, обулы и пустылы до дому. Не багато-жъ я и йшовъ до дому, — пивгоду..

Дѣдъ Григорій Омельченко, 80 л., с. Крестовка, Маріул. у., 10 августа 1905 г.

67) Пустельникъ. ¹⁾

Искушеніе (Легенда).

Колысь то въ запорожськихъ пуцахъ живъ пустельникъ. Довго винъ тамъ живъ и стало ему скушно: не исть, не пье, не молыться... Прыкынувся лукавый чоловікомъ и

---

¹⁾ Пустынникъ, отшельникъ, монахъ.

приходе до его. „Чого, пустельныку журышся?“ „Того, каже, шо одынъ въ пуцахъ: скушно!“ „На, тоби, каламарчыкъ съ порошокъ: понюхаешъ,—буде наче вдвохъ“. Пишовъ нечыстый. Пустельныкъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втрете — чхнувъ и стало ему весело... На другой день, иде упять нечыстый. „А шо, каже,—якъ?“ „Весело, каже — наче вдвохъ!“ „На-жъ, тоби зилля и трубку: покурышъ—буде наче втрехъ“. Пишовъ. Покурывъ пустельныкъ и повеселишавъ ще дужче. Приходе нечыстый на третій день. „А шо, каже, якъ?“ „Весело, каже,—наче втрехъ“. „На-жъ тоби, каламаръ съ каплямы: якъ выпьешъ—буде наче вдесятехъ“. Пишовъ. Выпивъ пустельныкъ и стало ему наче вдесятехъ:—якъ заспива, якъ заграе, якъ пидниме полы...—пишовъ гопака навпрысядки...

Лукавый прыносывъ ему тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Дѣдъ Авксентій Федоров. Орель, 66 л., д. Кушугумовка, Александр. у., Екат. губ. 18-го декабря 1887 гола.

---

68) Черти-табачники.

Умерла у чорта маты. Винъ положывъ їи и позганявъ чортивъ плакаты. Зибралысь куріи съ трубками, а нюхари зъ рижками. Отъ куріи силы въ одынъ рядъ, а нюхари въ другой. Курій шо потягне зъ люльки, той плюне мертвій межы-очи; нюхари сыдятъ соби смырненько и котрый потягне зъ рижка, то слезы ѣ покотятся. Дывывся, дывывся чортяка, тай каже: „добре оце дило нюхать табаку: и себе повеселышъ и по другому поплачешъ“. Дозналысь люцы, шо чортъ похвалывъ нюхаривъ та давай и соби товкты табаку та потягувать зъ рижка.

Максимъ Евсеевъ Лысенко, г. Александровскъ
6 мая 1875 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переписка запорожцевъ съ турецкимъ султаномъ.

(Ходячая рукопись).

Въ своемъ распоряженіи мы имѣемъ три сходныя, по содержанію, рукописи, представляющія, по народному преданію, копии переписки запорожскихъ козаковъ съ турецкимъ султаномъ. Не ручаясь за достовѣрность этихъ „копій“, считаемъ небезинтереснымъ привести двѣ изъ нихъ въ полной редакціи.

69) Грамота турецкаго султана къ запорожскимъ козакамъ.

Я, Султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и наслѣдникъ Божій, владѣтель вѣръ и царствъ: Македонскаго и Іерусалимскаго, Малаго и Великаго Египта. Царь надъ царями, непобѣдимый хранитель, неотступный гроба Іисуса Христа попечитель, самаго Бога надежда и утѣшеніе, магометанъ и къ смущенію христіанъ великій защитникъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, слатся добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашимъ сопротивленіемъ не заставляте беспокоить.

Турецкій султанъ.

Отвѣтъ запорожскихъ козаковъ.

Якый ты въ чорта лыцарь¹⁾, шо чортъ с. . . , а ты и твое вѣйско пожырае! ты самого луцыпыра²⁾ секретарь, нашего Бога дурень, турецкый кухарь³⁾, Вавылонскый слю-

¹⁾ Рыцарь. ²⁾ Царь тьмы, дьяволъ. ³⁾ Поварь.

сарь¹⁾, Македонський браговарщыкъ²⁾, Александрійський котолупъ, Малого и Вилыкаго Египта свынаръ³⁾, Армянська свыня, козацькый сагайдакъ⁴⁾, Подольський катъ⁵⁾, Лютеранська попруга⁶⁾, московська мара⁷⁾, цыганська . . . пуга⁸⁾. Не будешъ ты сыннвъ хрестіянськихъ маты⁹⁾ и тво-го мы вѣйска не боемося! Землю и водою бытсыя будемъ съ тобою вражый, проклятый сынъ, чортъ твою мать, не хрещеный лобъ, м. . . . Такъ тоби запорозького вѣйска козаки казали... Числа не знаемъ, бо каландаря не маемъ; мисяць на неби, а годъ въ каландари; день у насъ,—такий якъ и у васъ, поцилуй въ с. . . насъ, тай убрайся видъ насъ, бо будемо лупыты васъ.

*Запорозьского вѣйска кошовый съ товариствомъ.
1619 року 15 червня.*

Рукопись добыта въ с. Новогупаловкѣ, Александровск. уѣзда, въ семьѣ Слышко. Подъ текстомъ сдѣлана слѣдующая приписка.

„Титулъ султана. Онъ назывался падишахомъ, т. е. царь царя намѣстникъ Божій; крестникъ пророка; первосвященникъ мусульманъ; повелитель правовѣрныхъ; при-бѣжище совѣта, (свѣта?) тѣнь Бога живаго и наконецъ, кровопійца и истребитель невѣрныхъ. Послѣдній титулъ относится къ тому, что онъ ежедневно могъ убивать 14 чело-вѣкъ, не объявляя никому, за что именно. Только въ 1839 году отказался онъ отъ этого права. (Выписка изъ Иллю-стрированнаго Календаря за 1868 годъ“).

¹⁾ Слесарь. ²⁾ Пивоварь. ³⁾ Свинонасъ. ⁴⁾ Колчанъ для стрѣлъ.
⁵⁾ Палачъ. ⁶⁾ Ремень для укрѣпленія сѣдла. ⁷⁾ Страшилище, пугало.
⁸⁾ Плетъ. ⁹⁾ Имѣть.

Другая рукопись, въ избитомъ видѣ, добыта нами въ с. Ново-Николаевкѣ, Александровскаго уѣзда. Озаглавлена она такъ:

Грамота Турецкаго султана Ахмета III къ Запорожскимъ козакамъ.

(Выписка изъ документовъ Московск. архива)

Текстъ грамоты совершенно сходенъ съ первымъ вариантомъ, съ добавленіемъ только подписи: „А х м е т ъ III“. Редакція отвѣта козаковъ нѣсколько измѣнена, почему приводимъ дословно.

70) Отвѣтъ козаковъ турецкому султану Ахмету III.

Ты, Султанъ, проклятого чорта братъ и товарищъ! Який ты въ чорта лыцарь, шо чортъ с . . . а ты и твое вѣйсько пожырае! ¹⁾ Ты самого луцыпыра унукъ, турецький кухарь, вавылонський слюсарь, Ерусалымський камлыкъ, ²⁾ македонський броварныкъ, александрійський козолупъ, великого и малаго Египта свынаръ, армянська свыня, козацький сагайдукъ, подольський катъ, люпырянський потуга, ³⁾ самого гаспида ⁴⁾ байстрюкъ, нашего Бога дурень, свынячя морда, кобыляча с . . . , ризныцька собака. Не будешъ ты годенъ синивъ христіянськихъ маты, твого мы вѣйська не боемось; водою и землею бытъся будемъ съ тобою вражий, проклятый сынъ, чотъ бы поравъ твою матирь, не хрещенный лобъ, . . . ! Такъ тоби козаки отвичають.... Чысла не знаемъ, бо каландаривъ не маемъ; мисяць же на неби,

¹⁾ Въ третьемъ варьянтѣ такое измѣненіе „Який ты у чорта лыцарь, колы голою с . . . . ижака не убьешъ!“.

²⁾ Калмыкъ. ³⁾ Сила, защита. ⁴⁾ Бѣса.

а годъ въ каландари, день у насъ такой же якъ и у васъ, поцилуй въ с. . . . насъ!

Запорозького низового війська кошовый съ товариствомъ.

Н. Марковичъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Малороссіи“ (т. V ст. 74—75), упоминая о какихъ то письмахъ подъ 1697 годомъ, привелъ доставленную ему „изъ одного партикулярнаго архива“ въ Гродно копію отвѣта запорожцевъ султану, довольно сходную съ приведенной нами.

Печатая „отвѣтъ“ запорожцевъ „Ахмету III“ на грамоту его „въ 1600 году“, съ своей стороны считаемъ нужнымъ указать на невѣрность даты. Ахметъ III вступилъ на престолъ гораздо позднѣе, именно въ 1703 году и царствовалъ по 1730 годъ, до сверженія.

Я. Н.

---

¹⁾ Къ сожалѣнію I и II томовъ „Исторіи Малороссіи“ Марковича мы не имѣемъ и нигдѣ не могли достать.

